

**БЕЛГОРОДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МВД РОССИИ ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА**

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПАРАДИГМЫ
XXI СТОЛЕТИЯ:
КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ**

Материалы Международной научной конференции

**Белгород
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина
2017**

УДК 008
ББК 60
Ц 57

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина

Ц 57 **Цивилизационные парадигмы XXI столетия: культурно-ценностные ориентиры** : материалы Международной научной конференции. – Белгород : Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2017. – 166 с.

ISBN978-5-91776-190-9

Редакционная коллегия:

Амельчаков И.Ф. – начальник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат юридических наук, доцент (председатель);

Озеров И.Н. – заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент (заместитель председателя);

Таранова А.Е. – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат социологических наук, доцент (ответственный секретарь);

Чесовская М.Г. – начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат исторических наук, доцент;

Колесников С.А. – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, доктор филологических наук, доцент.

В сборнике представлены научные статьи, в которых отражены проблемы цивилизации в контексте междисциплинарных исследований, актуальные вопросы политико-правового и социокультурного развития России и евразийского пространства.

Предназначен для курсантов, слушателей, адъюнктов, профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России.

УДК 008
ББК 60

ISBN 978-5-91776-190-9

© РИО Бел ЮИ МВД России
имени И.Д. Путилина, 2017

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗМЕРЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

УДК 101.1

Чесовская М.Г.,

кандидат исторических наук, доцент;

Таранова А.Е.,

кандидат социологических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье осуществлена реконструкция антропологических констант российского государства на различных исторических этапах сквозь призму междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: государство; государственность; общество; человек; геополитические процессы; антропологический подход; антропологические константы; исследования государства.

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECTS OF THE INTERDISCIPLINARY DIMENSIONS OF THE RUSSIAN STATEHOOD

Chesovskaya M.G.,

the candidate of historical sciences, the associate professor;

Taranova A.E.,

the candidate of sociological sciences, the associate professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article presents the reconstruction of the anthropological constants of the Russian state at different historical stages through the prism of interdisciplinary approach.

Key words: government; statehood; society; people; geopolitical developments; anthropological approach; the anthropological constants; study of the state.

Произошедший в России поворот к идее солидарного общества, основанной на реконструкции традиционных констант отечественной культуры, как один из ответов новейшим геополитическим вызовам, интенсифицировал пересмотр господствующих концепций государства и государственности. Данная постановка проблемы требует переориентации исследовательского вектора в юридических, политических, государствоведческих науках от исходных посылок классического понимания идей государства и государственности к многогранному пониманию данных феноменов. При этом активно обсуждаются институциональная и этическая концепции, которые обладают как позитивными, так и негативными

чертами. На основе их тщательного анализа В.И. Спиридонова вполне правомерно приходит к выводу, что обе концепции государства – институциональная и этическая – не являются самодостаточными [7, с. 19]. В этих условиях требуется широкое междисциплинарное исследование государства, учитывающее как его историческое, так и антропологическое измерение.

Вместе с тем длительное время антропологический подход в комплексных междисциплинарных исследованиях государства оставался без должного внимания и осмысления. В большинстве современных концепций государства сложился определенный доктринальный консенсус относительно его обязательных элементов: обособленной территории, публичной власти, народонаселения, суверенитета, внутренней и внешней политики. Однако учитывая, что в современном геополитическом контексте все большую актуальность приобретает проблема: должны ли сохраняться у государств западного и не-западного мира те традиционные черты и принципы организации (антропологические константы), которые складывались, развивались, определяли специфику на протяжении всей культурной истории существования, – значение антропологического осмысления государства становится очевидным.

Сложившийся геополитический социокультурный контекст с новой силой интенсифицирует методологическую «революцию» в науках о государстве, которая наряду с обозначенными детерминантами связана и с парадигмальными изменениями в социальной эпистемологии, ставящими принципиально новые проблемы, для осмысления которых необходимы адекватные методологические средства. Поэтому образ государства в реалиях постсовременности со свойственной ему онтологической неопределенностью и поливариантностью требует релевантной ему методологии. Новые способы воспроизводства государственности, новые механизмы социальной интеграции и социального контроля приводят к формированию способов научной репрезентации, существенно отличающихся от тех, которые коррелировали с цивилизационными практиками эпохи Модерна. В связи с этим в юридической литературе все чаще поднимается вопрос об антропологическом измерении государства как наиболее перспективной методологической междисциплинарной стратегии понимания его природы.

Формирование правового государства, концепция которого основана на идее социальной солидарности, предполагает учет потенциала самого человека, его прав, обязанностей и творческой деятельности по созиданию государства, в котором он живет. Сегодня становится все более очевидным, что люди сами создают общество, государство и свою историю. Специфика антропологического исследования государства и государственности (именно понятие «государственность» в современной юридической науке ассоциируется с «человеческим», культуроцентричным измерением государства) состоит в выявлении базовых социальных, природно-географических, этнокультурных констант, определивших формат государственной жизни того или иного народа. Признание уникальности государственности каждого народа тесно связано с утверждением самобытности его образа жизни, особенностей исторически сложившейся модели взаимодействия человека и государства.

Особую остроту этим вопросам придает глобализационный процесс, ставящий вопрос о роли государства в условиях глобализации, когда заходит речь об изменении форм государства и даже об отмирании государства (Ю. Хабермас), как минимум «о падении роли атрибутов государства-суверенитета, границ» [8, с. 49]. Это связано с тем, что в условиях глобализации происходят кардинальные изменения в государствообразующих системах, появляются такие высказывания, как «разрыв государствообразующей связи» (П. Бирнбаум), «закат национального государства» (А. Турен, М. Абелес), свидетельствующие о начале тотального кризиса государства.

В сложившихся условиях антропология государства как область междисциплинарных исследований призвана ответить на следующие вопросы: во-первых, о роли института государства в современном мировом сообществе, во-вторых, о реальном содержании и функции государства внутри каждой страны и, в-третьих, о роли государства в жизни и развитии человека, а также специфике взаимодействия государств в различные исторические эпохи, в частности, в условиях современной глобализации.

Во второй половине XX – начале XXI вв. представители социально-гуманитарных наук, включая юристов, при рассмотрении истории государства все чаще обращаются к понятию «антропологическая константа». Возрастание к ней научного интереса обусловлено объективной потребностью науки и практики в возвращении «поля духовного» в теоретическое осмысление государства. В частности, Л.М. Лузина отмечает, что «категории, представляющие человеческие константы, указывают те границы, за пределами которых человек перестает быть человеком» [4, с. 5]. И этот факт должен быть не только усвоен юристами, но и использован при изучении взаимодействия этносов и государства в историческом процессе. Так, например, при антропологическом осмыслении государство понимается как совокупность людей, создающих его государственно-правовое бытие, отличное от природных образований. Его положительная сторона заключается в широте анализа, поскольку государство рассматривается как проявление самых разнообразных действий людей по его созданию.

При анализе исторического бытия России как государства (и как цивилизации, и как российской нации) необходимы новые направления исследования проблемы «государство-человек». Современная теория государства, основываясь на исходных предпосылках классического понимания идей государственности, указывает на то, что форма государства как общетеоретическое понятие, социальный институт и политическая реальность может рассматриваться сквозь призму системы обязательных понятийных элементов, традиционно раскрывающих его сущность. В рамках политологических, государствоведческих и правовых наук сложился определенный доктринальный консенсус относительно обязательных элементов государства: обособленной территории, публичной власти, народонаселения, суверенитета, внутренней и внешней политики. Однако тенденции трансформации национальных государств, Европейского сообщества и государственно-правовых и политических режимов в условиях глобального общества заставляют помнить не только о многоаспектности

государства как политико-правового «инструмента», но и рассматривать государственность как социальный, культурно-исторический, цивилизационно-антропологический феномен, по-разному функционирующий в разных природно-климатических условиях (с учетом конкретного культурно-цивилизационного «окружения»).

Константы связаны между собой, но далеко не тождественны. Между ними существует определенная последовательность и размерность: начальная (наименьшая по масштабности) константа – это этническое ядро, результирующая (наибольшая по масштабности) – цивилизация; народ находится между ними. Антропологические константы позволяют осуществлять категориальное моделирование человека в качестве открытой системы.

В настоящее время российским государством особое внимание уделяется проблеме развития гражданского общества, а также воспроизводства человеческого потенциала.

Так, В.Н. Шевченко отмечает, что для каждого исторического этапа в развитии государства существует специфический тип воспроизводства населения, определяющий его оптимальную плотность, количество. Это составляет содержание демографической проблемы. Вместе с тем есть и проблема качества человека. Для жизнеспособности конкретного государства нужен человек вполне определенных качеств, соответствующих его стратегическим целям и задачам. От того, какие типологические качества задает государство человеку, можно судить о том, какое это государство на самом деле. Качество человека – самый красноречивый и достоверный индикатор жизнеспособности государства, показатель его реальных целей, той политики, которую проводит власть государства в отношении человека [2, с. 46-47]. В данном контексте трансформация формата российского человека в контексте культурно-исторических изменений рассматривается как переход «от человека традиции к человеку разума (западный антропологический образец) к началу XX столетия, к человеку идеологии после революции 1917 года, новая попытка перехода к человеку разума в контексте становления новой России и формирование человека культуры в настоящее время». Исследователи убедительно демонстрируют, что перманентные попытки перестроить российского человека традиции (в 90-е годы XX столетия человека неотрадиционного типа) в соответствии с принципами западной антропологической революции (четко обозначившейся в культуре наиболее экономически и политически развитых стран Западной Европы с XVII столетия) не становились успешными. В.И. Спиридонова отмечает, что первым шагом к «антропологической катастрофе» стал исторический «мятеж Нового времени против засилья религии. Для которого характерна, по выражению Ф.М. Достоевского и Ф. Ницше, ситуация «смерти Бога»». Обратным эффектом кризиса прежней концепции культуры и духовности стало созидание «государства-Бога», которое было призвано заменить индивиду метафизического Бога. Действительно, человек Запада мог относительно легко пережить процесс секуляризации и адаптироваться к новым ценностям. Столетия средневекового господства Церкви дисциплинировали человека. Отмечая вклад католицизма в развитие европейского общества Б.Н. Чичерин, указывал: «... сила ду-

ховной власти, вносившей всюду начала порядка и дисциплины, сделала излишним чрезмерное развитие власти светской» [9, с. 137].

В условиях перехода к Новому времени Римско-католическая церковь «... приняв новый догмат, предопределила свою дальнейшую эволюцию к погружению в «социальное», его благоустройство, используя при этом глубоко укоренившиеся традиционные ценности. Это привело к рождению протестантизма, который был выстроен на таких качествах, как трудолюбие, ответственность, самостоятельность. Восточно-православная ветвь христианства предпочла полностью опровергнуть новый символ веры. Тем самым она утвердилась в традиции, но в то же время отделилась от мира дольного, отстранилась от участия в конструировании "социального"» [2, с. 14].

Причем «конструирование социального» понимается как способствование и освобождение личности на пути к накоплению частных социальных и экономических благ, формированию предпринимательского духа (константы идеи западноевропейского гражданского общества). Объявив данные константы приоритетами, западная духовность трансформировалась в либеральные ценности. Российский же тип духовности «был связан преимущественно с интуитивно-чувственно-природной сферой человека» [2, с. 14]. Акцент делался на аскетизме, символизме, созерцательности, где аскетика воспринималась как работа над собой, методология самосовершенствования.

Принцип созерцательности исключал творчество как активное преобразование социально-экономической реальности и развивал «склонность к фатализму (на все воля Божья). Отсюда такие отличные от европейского характера черты русского человека, как пассивное переживание невзгод, долготерпение, отсутствие активного критицизма в отношении деяний властных структур, предпочтение позиции ухода от социальной деятельности вообще, массового эскапизма» [2, с. 14].

Не случайно предпринимаемые на различных культурно-исторических этапах попытки вестернизации бытия русского человека и преобразования его из человека традиции (общины и коллектива) в человека рациональности и индивидуализма были обречены на провал и приводили лишь к «духовной смуте» и маргинализации.

Анализируя культурно-исторические условия, определившие константы политической жизни и идеи современных обществ, необходимо указать, что политическая ситуация европейского Средневековья ознаменовалась борьбой между двумя властями – церковной и светской. Острое противостояние власти папской и императорской достигло своей кульминации в известном «споре об инвеституре» (по вопросу о постановлении на церковные должности). Фактически это означало выстраивание баланса двух властей – церковной и светской. Самостоятельность обеих властей, с одной стороны, ускорила их конструирование преимущественно как социальных учреждений, а с другой – сам факт противостояния двух центров силы дал мощный импульс для развития политического диалога и индивидуализированной гражданской ответственности. В отличие от Западной Европы восточная (византийская) ветвь христианства, напротив, породила тесный симбиоз государства и церкви с последующим первенством государства [7].

Эволюция западноевропейской церковной доктрины трансформировалась в протестантистскую концепцию (этику), которая по утверждению М. Вебера, «канонизировала» черты, создавшие «дух капитализма», определивший лицо современной Европы. Западноевропейское понимание данных постулатов в корне отлично от их православной интерпретации и понимания российским человеком, для которого вера не стала (трансформировалась) средством легитимации и поощрения нараставшего предпринимательского духа и успеха, а осталась «спасением», сохранявшим свое метафизическое содержание (данное понимание было константным для традиционной российской православной крестьянской культуры).

Не случайно исследователи отмечают, что потенциальный «спор» между духовным и светским началами бытия и миропонимания российского человека после событий 1917 года, определивших очередной антропологический кризис России, был замещен «полномасштабной сакрализацией государства. Вместо религиозного Бога в России укрепилось Государство-Бог. *Тем самым была усилена склонность к «лиминальному» мировосприятию*» [2, с. 17], что не единожды приводило к испытанию на прочность коммуникации человека и государства в России. Эта тенденция мировосприятия была сохранена и в конце XX столетия.

Это актуализирует антропологический аспект государственного управления. Особую значимость проблема государственного управления приобретает в условиях современной глобализации. Как отмечает В.Н. Южаков, в XX веке «в России было предпринято немало усилий по повышению качества государственного управления. ... Тем не менее повышение качества государственного управления остается одной из главных задач, стоящих перед российским обществом и государством» [10, с. 130].

По его мнению, «большая часть проблем ненадлежащего качества обусловлена не только отдельными недостатками, в том числе пробелами и противоречиями, правового регулирования отдельных вопросов государственного управления, но и несистемностью правового регулирования российского государственного управления в целом» [10, с. 131].

В разных культурно-исторических условиях проблема определения базисных констант государственности и их метаморфоз становится особенно значимой. Как отмечает С.В. Нуреева, «константа как ценность является неотчуждаемой и общей и рушится в тот момент, когда перестают быть общими для всех постоянные ценности, обусловленные константой» [5, с. 4]. В качестве таких базисных констант России, то есть неизменных величин, современные исследователи называют православие, самодержавие (универсально понимаемое как «государственность») и народность. Действительно, эта триада, дополненная природно-географической «доминантой», стала базисным основанием концепции российской государственности.

Государство не может быть адекватно понято без его центрального звена — человека. Именно человек и его социально-биологическая природа, а также порождаемая им культура приводят к расцвету или распаду отдельных государств в ходе истории. Об этом свидетельствует вся история изучения взаимодействия человека и государства. Антропология государства как новая область

междисциплинарных исследований обладает большими эвристическими возможностями как для собственного внутреннего развития, так и для оказания позитивного влияния на другие смежные области научного знания.

Библиографический список

1. *Абелес М.* Политическая антропология: новые задачи, новые цели // *Международный журнал социальных наук.* 1998. Т. VI. № 20. С. 27-44.
2. *Антропологическое измерение российского государства* / отв. ред. В.Н. Шевченко. – Москва: ИФРАН, 2009. – 214 с.
3. *Бердяев Н.А.* Царство Духа и царство кесаря. – Москва: Республика, 1995. – 312 с.
4. *Лузина Л.М.* Синтез методологий как система методов, позволяющая увидеть человека без редукций и упрощений // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* 2010. № 10.
5. *Нуреева С.В.* Константы государственности России в XIX веке // *Актуальные проблемы Российского права.* 2012. № 3.
6. *Проблемы общей теории права и государства: учебник* / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. – 2-е изд., пересмотр. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 816 с.
7. *Спиридонова В.И.* Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. – Москва: ИФРАН, 2008. – 243 с.
8. *Тихомиров Ю.А.* Государство: монография. – Москва: Норма: Инфра-М, 2015. – 320 с.
9. *Чичерин Б.Н.* История политических учений. – Москва, 2006. Т. 1.
10. *Южаков В.Н.* Государственное управление по результатам: о подготовке проекта федерального закона «Об основах государственного управления в российской федерации» // *Вопросы государственного и муниципального управления.* 2016. № 1.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПАРАДИГМЫ ПОСТМОДЕРНА: ОТРАЖЕНИЕ ТЕКСТУАЛЬНОЙ ПУСТОТЫ

УДК 81.44

Колесников С.А.,

доктор филологических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в данной статье рассматриваются вопросы, рассматривающие различные аспекты теории «смерть автора». Анализируется содержание основных литературоведческих и философских категорий, подчеркивающих неполноту и противоречивость теории «смерть автора». Выстраивается линия аргументации, акцентирующая неправомерность применения теории «смерть автора» к реальному литературному процессу.

Ключевые слова: Р. Барт, Ю. Кристева, смерть автора, постструктурализм, постмодернизм, литературоведение.

CIVILIZATIONAL PARADIGM OF THE POSTMODERN: A REFLECTION OF THE TEXTUAL EMPTINESS

Kolesnikov S.A.,

the doctor of philological sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article discusses questions dealing with different aspects of the theory of «death of the author». Analyzed the content of major literary and philosophical categories, emphasizing the incompleteness and inconsistency of the theory «death of the author». Build a line of argumentation that emphasize the illegitimacy of application of the theory of the «death of the author» to a real literary process.

Key words: R. Bart, J. Kristeva, the death of the author, poststructuralism, postmodernism, literary criticism.

Одним из наиболее провокативных проектов постмодерна можно считать филолого-философскую концепцию «смерти автора», максимально четко манифестированной Р. Бартом в его знаменитой работе с таким же эффектным и шокирующим названием.

Танато-антураж «авторской смерти» оказывается тесно сопряженным с критическими точками мировой интеллектуальной истории, превращаясь, тем самым, из, казалось бы, только изящных языковых пируэтов и философско-литературоведческих арабесок – в пронзительный и вечный мотив, звучащий всякий раз, когда человечество подходит к красной линии своих возможностей. Тем самым, «смерть автора» из разновидности – несомненно, роскошной, но всего лишь одной из разновидности – «бисеробол» (того самого, восходящего к Г. Гессе) трансформируется на наших глазах в многозначный символ, «ки-вающий» (Андрей Белый) на сложнейшие герменевтико-семантические конфликты, из цепочки которых и складывается то, что мы называем фундаментальными основами культурогенеза человечества.

И вместе с тем в проблеме смерти автора присутствует – наряду с метафизическим космосом всечеловеческой истории – интимная сфера индивидуальной экзистенции, раскрывающаяся в двуликом одиночестве: предстояния смерти и раскрытия себя в зарождающейся жизни авторства. Ведь пишущий текст – каждый! – так или иначе сориентирован-интенционирован-скоррелирован-конституирован... на представления об иных текстах и иных текстов. И возникающий неизменно вопрос об авторе как я, моем Я-Авторе, влечет за собой стремление понять границы собственной личности в размывающих приключениях не-моих текстов. Жив ли я как автор, выписывая слово «выписывая»? Не означает ли тексторождение гибель меня как автора? Остаюсь ли я автором собственных текстов после их написания? Сама пограничная ситуация письма, подразумевающая необходимость «оставаться в живых до самой смерти» (А. Камю) для того, чтобы завершить данную фразу, генерирует острые в своей

концентрированности вопросы, актуальные на уровне конкретного, «здесь-и-сейчас», происходящего лично со мной события, обозначаемого как письмо...

Концепция смерти автора и ее авторы-«родители» – Р. Барт, Ю. Кристева – предлагают видеть текст как полотно, сплетенное из нитей других текстов. Соединение нитей – вспомним знаменитый эпиграф знаменитой статьи Р. Барта «Смерть автора» (1967) – из «текстов» героя бальзаковского «Сарразина», Бальзака-индивида, Бальзака-писателя, «общечеловеческой мудрости», «романтической психологии», по Р. Барту, есть уничтожение – уничтожение источника голоса, т.е. автора. В этой постмодернистской логике рождение текста постоянно отдалается – в глубины иных пред-текстов, выбивающих у автора опору из-под ног. И автор повисает, затянутый нитями чужих текстов, – в агонии безгласности. Убийство – казалось бы – свершилось.

Однако гипотеза о бесконечности трансформации пред-текстов в пост-тексты неожиданно оборачивается иной гранью. Даже если принять бесконечность данной цепи текстуального оборотничества, то подобная бесконечность все более обретает дурной характер. Известное определение Г.В.Ф. Гегеля дурной бесконечности как «неограниченного процесса без результата» в данном случае вполне применимо. Ведь отказ от автора как некоего наличного результата, постоянное распыление автора в текстуальных предшественниках как раз и есть дурная бесконечность убивания автора.

Любая дурная бесконечность – иллюзорна. Бесконечность куда-то ведущей эволюции (по сути – в никуда), бесконечность зачем-то существующей материи (опять же – скорее всего не зачем), бесконечность информационного шума (сколько нужно информации человечеству? а, может, не сколько, а какой?), и так далее, и так далее – это примеры дурных бесконечностей, которых в сущности не существует. Чаще всего это подвешенные, безосновные симулякры, воспроизводящие, по Ж. Бодрийяру, ту самую «прозрачность зла», просвечивающегося через нерожденно-умертвленные тексты.

Именно такой разновидностью дурной бесконечности предстает якобы бездонный колодец все якобы новых и новых пред-текстов в концепции смерти автора. Но все меняется, если признать не бесконечный провал в дантовский ад, не «свод, обратный своду» (Данте, XXXIV-112), не зеркальность, отражаемую в зеркалах, – признать первоначалие, первоосновность. Блазняще-лукавая иллюзия всегда разбивается о «белый и квадратный камень» («Пастырь Ерма») реальности, дурная бесконечность пред-/пост-текстуальности исчезает, как только появляется субъект, создатель текста. В мороке безрезультатного круговращения «пред-текст – пост-текст», в кудахчущем споре о первичности текстуальных «яйца» или «курицы» ответ возникает только при появлении твердой основы: субъекта, производящего о-текстование смыслов. Автор обретает под ногами опору, нити «чужих» слов уже не душат – возносятся.

Репрессивность постмодерна, требующая только одной-единственной мировоззренческой позиции, исключает право на невозмутимость, безмятежность, право на успокоенность, аполитичность. Мобилизационная парадигма постмодерна, продолжающая тренд просветительства «войны всех против всех» (Т. Гоббс), закономерно ведет к девальвации ценности автора: автор

подменяется комбатантом, чья жизнь стоит весьма дешево. Показательно, что и сами теоретики постмодерна могли ощущать на себе жесткость «прокрустова ложа» заданной мировоззренческой модели. Достаточно вспомнить, что Ж.-П. Сартр настолько жестко проводил линию по внедрению революционной модели авторской позиции, что его действия, например, в отношении М. Фуко даже получили определение «интеллектуального терроризма» ...

Текстология Барта как раз и вырастает из «комбатантного» мировоззрения. Война как уничтожение, как необходимость и возможность распространения ничто, пустоты, имплицитно входит в его понимание текста. Текст характеризуется Бартом через отсутствие, негативацию: «Текст – это язык минус любые воображаемые категории...» [1, с. 386]. И, видимо, здесь начинается путь, приводящий Барта к идее смерти автора: текст может включать в себя ничто. Это, наверное, одно из важнейших «открытий» постмодерна: возможность дезинтеграции текста, возможность разъятия текста на составляющие детали, понимание текста как пазла.

В тексте, согласно теоретикам концепции смерти автора, таятся потаенные трещины, по которым способны произойти разломы на «текстовые плоскости». У Ю. Кристевой пазловый подход к тексту формулируется так: «... динамизация структурализма возможна лишь на основе концепции, рассматривающей «литературное слово» не как некую точку (устойчивый смысл), но как место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма – самого писателя, получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом» [2, с. 428]. За внешне прогрессивным взглядом на текст – как же, мы уходим от одномерности точки, от недалёковидности и стагнации «литературного слова», зовем к новым горизонтам-плоскостям и новым диалогам! – таится сомнение в самой устойчивости смысла, в важности самого смысла. Эти столь «желанные» в своей новизне текстовые плоскости, скорее, напоминают трещины вот-вот готового рухнуть текстуального здания. Это уже не прорывы в покровах, открывающие пусть страдающую, но живую плоть, это – провалы в ничто. Иллюстративно-показательно, что у Р. Барта в работе «Сад. Лойола. Фурье» возникает определение «продырявленного текста», текста, состоящего из дыр, в рвании которого сквозит отсутствие, а не мерцают звезды.

По сути, мы присутствуем при вивисекции текста, при эксперименте применения опыта «театра жестокости» (А. Арто) на теле текста. И швы в виде терминов «транслингвистический» (Ю. Кристева), и даже «металингвистический» (М.М. Бахтин), не могут скрыть установку на принципиальное расчленение текста. За кажущимся разноцветием мозаичности текста лежит расколотость – шизоидная по своей природе и деперсональная по своим итогам. Логика расщепления текста ведет к изживанию субъекта из текстуального пространства, о чем недвусмысленно заявляет Ю. Кристева: «Любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности». Текст становится на место субъекта, вытесняет субъекта, при этом оставаясь потенциально расколотым.

Показательно, что удаление субъекта влечет за собой лишение текста имени – тексту просто некому больше дать имя, вернее, ему можно дать абсолютно любое имя. Библейское право человека-субъекта давать имена вещам устраняется: имя теряет ценность, имя разрушено инфляцией смыслов. Достаточно привести перечень «имен» текста – не имен, кличек: авантекст, автотекст, аллотекст, антитекст, архетекст, архитекст, генотекст, гипертекст, гипотекст, затекст, интертекст, интекст, интратекст, инфратекст, квазитекст, ксенотекст, макротекст, метатекст, микротекст, минитекст, монотекст, мультитекст, мегатекст, надтекст, онтотекст, паратекст, перитекст, подтекст, политекст, посттекст, пратекст, пре(д)текст, прототекст, псевдотекст, сверхтекст, сотекст, стереотекст, субтекст, супертекст, транстекст, унитекст, фенотекст, экстратекст, эпитекст (К. Богданов) [подр. см. 3] – чтобы понять, что теперь отозваться тексту на человеческий зов практически невозможно. Какофония текстуальных имен есть результат хаоса, в который ввергнут текст после удаления автора-субъекта.

А начинается все с шизоидного раскола Р. Бартом текста на «1) «текст-письмо» («то, что можно написать») и 2) «текст-чтение» («то, чего написать уже нельзя»)). Подобная пара-именность текста провоцирует специфическую ситуацию: текст, представленный отраженными в друг друге зеркалами (известный бартовский логотип S/Z), утрачивает свою главную функцию – коммуникативность. Теперь, когда текстов внутри текста как минимум два, – а мы видели, что «текстов» сегодня легион! – тогда тексту не требуется коммуникация вовне, он самодостаточен, как «самодостаточен» аутист; тогда такому тексту, действительно, не требуется автор. Искривленные корневые отражения «аутист (aut-istic)/ав-тор (aut-hor)» – этимология всегда выступала в качестве своеобразной «дактилоскопии» смысла, скрытого в изменяющихся словах – и есть результат «отжима» автора из текста.

Раздробление текста работает на устранение автора; подобный проговаривающий сам себя текст уже не нуждается в авторе. Да и сам автор, если он примет подобное истолкование текста, утрачивает способность к сотворению текста: каша истолченного текста превращается в цикуту анти-языка. Теперь такой текст уже не язык; многопроименованный текст утратил потребность в языковой диалогичности, ведь носитель языка – автор-субъект – удален, лишен языка.

Текст в своей мета-именности – а по сути безымянности – забивает артикуляционные потоки, подавляя автора, погребая его под обвалами вирусобразно клонируемых смыслов. Возникает ситуация, которую Ж. Бодрийяр характеризовал как абсолютное подавление: «Давая вам немного слишком, у вас отнимают все. Берегитесь того, что так полно вам «передается», если сами в передаче не участвовали!». Автор теперь уже не соучастник в текстотворчестве, он жертва, принесенная «демонам лабиринтов» (М. Ямпольский) завершенных, замороченных текстов. Оставшись без автора, текст потерял свою спасительную нить, ведущую его к той цели, для которой текст и был призываем.

Подавление текстом языка – логическое следствие «убийства» автора – провоцирует ситуацию, когда вторичное (текст) становится всем (языком). Деперсонализация, а точнее анти-персонализация концепции смерти автора предлагает заменить без-авторским и внутренне дезинтегрированным текстом существ-

вующую языковую структуру; структуры, «не выходящие на улицы», должны, следовательно, оставаться в каменных мешках не востребованности, прежде всего авторско-читательской не востребованности. Но структуры не просто не выходят, их не выпускают, заваливая выход к читателю и автору какофонией клонированных смыслов, высыпаящихся из ящика анти-персонализации.

Показательно, что Э. Мунье, основоположник французского персонализма (именно персонализма, устанавливающего приоритетность персоны, «парсуны»), настоятельно подчеркивал вторичность, прикладную значимость и вспомогательность текстов по отношению к языку. Цитата из его работы «Мелкий страх в XX веке» помогает, на примере рассуждений о машине как вторичном языке, увидеть антитезу деперсонализации текста: «...машина не является простым материальным продолжением наших телесных органов. Она принадлежит иному порядку: дополнение к нашему языку, вспомогательный язык математиков, служащий для проникновения в тайны вещей, для обнаружения их скрытых возможностей, не нашедших еще употребления резервных сил» [4, с. 170]. Текст следует после языка, он результат языка, он помощник языка – а носителем языка является автор, тот самый автор, который для пост-структурализма умер. Приоритетность текстуальности призвана завуалировать провал авторского исчезновения, а самое главное – исчезновение диалогичности как формы мироустройства.

После смерти автора никакой диалог невозможен, присутствует только диалог «различных форм письма» (вспомним высказывание Ю. Кристевой), где личностность, вочеловеченность автора выведены за горизонты диалогичности. В своей репрессивности концепция смерти автора настаивает на единственно возможной форме диалога – диалога цитаты с цитатой. Это и есть та самая «машинерия» языка, о которой предупреждал Э. Мунье, когда цитатность, вырванная из гармонии структуры, лишает диалог жизненности – собственно жизни.

Может быть, мировое культурное наследие и есть некрополь, на чем настаивают те, кто похоронил всех авторов мира, но это некрополь, в котором продолжается диалог. У П. Рикера есть яркая иллюстрация живого диалога умерших: «...а priori возможен любой диалог, поскольку бытие представляет собой акт, который, предшествуя способности задаваться вопросами и обосновывая ее, вместе с тем обосновывает и взаимность самых что ни на есть индивидуальных философских проектов. Именно эту открытость, эту разверзность, это *lumennaturelle* бесхитростное воображение переносит на Елисейские Поля, где становится возможным диалог между умершими. На Елисейских Полях все философы становятся современниками, а любое общение – взаимным: Платон может отвечать Декарту, своему младшему сыну; Елисейские Поля заранее открыты истории, что делает возможным любой диалог во времени» [4, с. 32]. Некрополь, куда казалось бы, навсегда положены авторы, неожиданно превращается в площадку агона, где живые в живом свете говорят о жизни. Настаивая на полифоничности самого диалога, на абсолютной цитатной конвертируемости, концепция смерти автора отказывается от разнообразия самих форм диалога – в том числе диалога живого автора с живым читателем.

В результате текст теряет многомерность, превращаясь в разжеванный фаст-фуд, наспигованный псевдо-смыслами. Показательной является специфика восприятия текста в интерпретациях создателей теории смерти автора: текст предстает безликим, выхолощенным набором фраз-цитат, своеобразным «быстрым питанием» для ума, где вкус продукта дезинтегрируется на составляющие части ингредиентов. Распадение единого «тела» текста ведет к агонии текста: именно агонии, а не умиранию. Агонизирующий текст утрачивает способность быть воспринимаемым как личностный образ. Линия разнообразия в восприятии текста заканчивается на координатах теории смерти автора. Если в античности текст мог вызывать пусть негодование, но негодование личностное, как, например, у Платона, который говорил, что «всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде – и у людей понимающих, и, равным образом, у тех, кому вовсе не подобает его читать, и оно не знает, с кем должно говорить, а с кем нет»; письменный текст мог им характеризоваться в качестве «наихудшего из собеседников, который не умеет самого главного: «отвечать на вопросы, а задавая вопросы сам, выжидать и выслушивать ответ», – однако даже в этой негативной оценке сохранялась жизнь текста.

Восприятие текста как личностного сакрального сообщения, составившее культурно-религиозное открытие библейской традиции, оказывается отброшенным в теории смерти автора.

Текст-голос затухает в концепции Р. Барта и неминуемо обрекает автора на смерть. Но голосовая функция текста, его связующая роль в ткани бытия не может быть усечена, если мы хотим, чтобы автор остался жив, ведь только через призму живого авторства возможно полноценное восприятие текстуальной вселенной. И понимание слова невозможно без духа, или, по словам И. Брянчанинова, «как произнесено Слово Божие, или Священное Писание, при посредстве Святого Духа, так только при посредстве Святого Духа оно может быть и объясняемо, следовательно, и понимаемо» [5, с. 202].

Библиографический список

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – Москва: Наука, 1994.
2. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – Москва: Алетейя, 2000.
3. *Богданов К.А.* Антропология контекста: к истории «общепонятных понятий» в филологии // Новое литературное обозрение. 2010. № 102.
4. *Рикер П.* История и истина. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2002.
5. *Брянчанинов И.* Полное собр. соч. – Москва: Паломник, 2006. Т. 3.

СУЩНОСТЬ И ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ФИЛОСОФИИ ПРАВА В КЛАССИЧЕСКОМ И НЕКЛАССИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

УДК 101.1

Антонов Е.А.,

доктор философских наук, профессор;

Таранова А.Е.,

кандидат социологических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье с философско-методологических позиций осуществляется авторская оценка понимания предметности философии права в классическом и неклассическом измерениях. Уделяется внимание анализу основных типов правопонимания.

Ключевые слова: классическая философия права, неклассическая философия права, предметность философии права, концепции правопонимания, юридическая и внеюридическая природа права, юридическая наука.

THE NATURE AND SUBJECT OF PHILOSOPHY OF LAW

Antonov E.A.,

the doctor of philosophical sciences, the professor;

Taranova A.E.,

the candidate of sociological sciences, the associate professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article is assessment of understanding of the subject of law in classical and non-classical philosophy. Attention is paid to the analysis of the main types of legal.

Key words: classic philosophy of law, the objectivity of the philosophy of law, concepts of law, law science.

В начале XXI столетия проблема взаимоотношений (взаимосвязи) философии и юриспруденции активно обсуждается в отечественной и западной научной литературе. Философы и юристы поднимают ее на более высокий уровень методологического осмысления, предполагая путь соединения сущего и должного и способствуя формированию путей и способов создания новой, постклассической философии права.

С.Г. Чукин отмечает, что «имеющееся в современной литературе многообразие подходов к определению предмета философии права можно свести к двум противоположным друг другу концептуальным решениям» [14, с. 8].

В рамках первого направления утверждается, что философский интерес к праву детерминирован потребностью самой философии в восстановлении сво-

его научного статуса, а философия права является одной из форм существования и развития философского знания.

Второе концептуальное направление рассматривает появление философии права как обусловленной потребностями самого права в обосновании, практической и ценностной легитимации. В условиях сомнений относительно ценности права как принципа организации социальной жизни «обращение к философии объясняется тем, что только она в состоянии оценить действующее право в перспективе фундаментальных оснований бытия и тем самым выявить элементы права, нуждающиеся в изменении» [14, с. 11].

В рамках данной концепции сложились две традиции понимания права. Представители первой рассматривают философию права как юридическую дисциплину, часть общей теории права, выполняющей методологические и гносеологические задачи. В рамках второй традиции утверждается, что философия права является разделом философии и направлена на познание сущности права, его онтологических, гносеологических, антропологических, аксиологических оснований.

В рамках исследований наследия немецкой исторической школы права демонстрируется, что утверждение данных традиций связано с развитием и распространением со второй половины XVIII века «новой» философии положительного права как критики традиционной «старой» философии права, сформировавшейся на почве естественно-правовых воззрений (в данном контексте утверждается, что «важная и влиятельная, в качестве нравственно-критической инстанции старая философия права всегда страдала неточностью специально-юридических определений ... для понятия права, к которому она относилась не только положительные определения, но и нравственные требования» [10, с. 181]).

В данных условиях утверждается следующая тенденция утверждения философии позитивного права: «философия права отвечает на вопросы времени и со своей стороны старается способствовать изучению положительного (юридического) материала. Отсюда ее стремление к установлению точных юридических понятий, которые могли бы служить отправными пунктами для специальных исследований. ... Другой вопрос, в какой мере основные новые тенденции устраняют задачи, преследовавшиеся прежней философией права» [10, с. 183]. Так, ни Г. Гуго, ни его последователи не отрицали связь права с нравственностью и не идеализировали (за исключением Савиньи) существующее (позитивное) право.

В то же время И.Л. Честнов, рассматривая структуру юридической науки и ее функции, выделяет уровни юридического знания: верхний «метауровень» или философию права, который представляет собой философские основания юридической науки, средний уровень – теорию права и нижний уровень – эмпирический.

Он отмечает, что наиболее проблематичным является дисциплинарное и содержательное определение философии права. Так, «в современной юридической литературе не прекращается спор по поводу того, что же такое философия права – составная часть философии (ибо она не может не исследовать такой

феномен, как право), самостоятельная научная дисциплина или часть (уровень) теории права» [4, с. 199].

Различие между философией и юриспруденцией следует искать в разнице ракурсов рассмотрения ими права как объекта познания и осмысления. Если юриспруденция изучает право изнутри, то философия рассматривает его с внешней стороны как компонент культуры. Вместе с тем отметим, что в процессе их взаимодействия формируется новая область междисциплинарного знания – философия права, которая является высшей духовной формой познания права, его сущности и смысла, его социальной и человеческой значимости.

О разделении юриспруденции и правоведения как становящейся науке о праве хорошо писал в свое время И. Кант. Так, рассуждая о путях развития учения о праве, он отмечал, что «учение о праве может стать также *юриспруденцией*, однако без объединения его с юриспруденцией оно остается лишь *правоведением* (Jurisscientia). Это последнее название относится к систематическому знанию учения о естественном праве (Jusnaturaе), хотя правовед должен в этом учении давать неизменные принципы для всякого положительного законодательства» [5, с. 252]. Здесь мы видим четкое различие юриспруденции и правоведения, которые по-разному взаимосвязаны с философией в ходе своей истории.

Как уже отмечалось, в истории взаимосвязи философии и юриспруденции ведущую роль длительное время играла философия. «За исключением немецкой философской классики XVIII-XIX веков, западная рационалистическая философия не считала область права заслуживавшей отдельного внимания. Поэтому, хотя и говорят о философско-правовых взглядах Аристотеля или Фомы Аквинского, их нельзя назвать философией права в строгом смысле этого слова. Объясняется это, прежде всего, неразвитостью самого права, его незначительной ролью в жизни человека и общества. Гораздо больше внимания в классической традиции уделялось проблемам практической философии, под которой понималась философия морали <...>. Синонимом философии права вплоть до XIX века было «естественное право»» [14, с. 22-23].

По мнению исследователей, данная ситуация объясняется приоритетным влиянием канонического права на практическую юриспруденцию и западноевропейскую науку права в Средневековье. Так, «феодальная раздробленность Запада объективно способствовала формированию христианского мира в силу отсутствия какой-либо централизованной светской власти. Ее место достаточно быстро заняла духовная власть римских пап, претендовавших несколько столетий на исключительную роль в политической (в частности, правовой – добавлено нами. – Е.А. Антонов, А.Е. Таранова) и культурной жизни своего времени» [4, с. 18].

Данное обстоятельство является одним из факторов того, что мораль, философия, юриспруденция, законодательство не были полностью отделены друг от друга, взаимодействовали и в большей или меньшей степени имели богословскую характеристику, пронизывались религиозными представлениями.

Так, например, характеризуется состояние юриспруденции в Германии в XVII-XVIII веках: «замкнувшись в круге практических задач, юриспруденция не находила в себе достаточно сил, чтобы выйти на новую дорогу <...>. Представители юриспруденции не были в силах разобраться в сложном материале

римского права. Судьи терялись в массе разнородных определений Юстиниановой компиляции и в хаосе позднейших интерпретаций. Затруднение еще увеличивалось тем, что наряду с римским правом приходилось иногда соотноситься с германским и каноническим. Понятно, почему в течение XVII и XVIII столетий не прекращаются жалобы на неопределенность права, на отсутствие правильной юстиции и произвол судей» [10, с. 28].

В свете указанных проблем выглядит несостоятельной критика естественно-правовой школы (традиционной философии права) как причины упадка западноевропейской юриспруденции, просуществовавшего вплоть до начала XIX века. Причиной данного упадка является исключительно недостаточность ее собственных теоретико-методологических, духовных и практических средств. Несвершенство юридической науки заставляло обращаться к естественному праву, имеющему систему и единство, «об этом дошло до нас свидетельство Лейбница. Указывая недостатки современной ему науки права, он замечает, что из-за этих недостатков наиболее благородные умы выражают более склонности к естественному праву и истории» [10, с. 29].

Философия права, придерживавшаяся метафизической традиции, рассматривает право как условие бытия человека и общества, его свободы и фактор социальной солидарности. В ней присутствует идея внеисторических, общекультурных, универсальных констант права.

Как указывает С.Г. Чукин, классическая философия права содержит все признаки классического метафизического дискурса:

- она нацелена на обоснование существующего позитивного права, имеющего трансцендентальный статус;
- чаще всего обоснование норм и принципов права происходит путем выведения их из чего-то более фундаментального (например, устройство бытия в целом, частным случаем которого объявляется правовое бытие);
- в классической философии акцент делался на способности права обеспечивать единство и целостность общества посредством установления общепринятых норм и принципов (этические вопросы фактически исключались из права, а категория «справедливость» заменялась категорией «целесообразность»);
- классическая философия права не зависит от культурного контекста и должна сосредоточить внимание на правовых универсалиях [14, с. 24].

С данных позиций последней классической работой, резюмирующей платоновскую традицию в философии, рассматривают философию Г. Гегеля.

Антиметафизическая (преимущественно позитивистская) традиция в философии, пришедшая на смену классики, подвергла критике убежденность последней в наличии надындивидуальных, надэмпирических критериев, выступающих критериями истины и нравственности, что не могло не отразиться на тенденциях развития философии права.

Попытки юриспруденции перехватить ведущую роль в развитии философии права вылились в создание философии права с позиций юридического позитивизма. С особой наглядностью это проявилось в творчестве Г. Гуго. Отталкиваясь от кантовской субъективистской метафизики нравов, он объявил философию права юридической наукой. Все последующие попытки юристов разработать фи-

лософию права, игнорируя конкретно-исторические философские концепции, выливались в философствование без философии. Если в философии естествознания О. Конт провозгласил тезис «наука сама себе философия», то в западноевропейской философско-правовой и юридической мысли утвердилась идея, согласно которой «философия права – это юридическая наука».

Так, в философских воззрениях Меркеля, подкрепленных методологическими требованиями позитивизма и стремлением юриспруденции к изучению позитивного права, утверждается, что «философия права должна иметь предмет своего изучения тот же самый положительный материал, что и юриспруденция. Задача философии вообще заключается не в том, чтобы противопоставлять миру действительности свои построения, а в том, чтобы понимать существующее как оно есть» [10, с. 184].

Реально получается, что если гуговская философия права позитивистская, то гегелевская философия права трансценденталистская.

Одну из немногих содержательных и глубоких попыток раскрыть взаимосвязи между западной философией и юриспруденцией предпринял В.Д. Зорькин. Определяя свои методологические позиции, он писал, что «правильное осмысление места и роли юридического позитивизма в развитии буржуазной юриспруденции зависит от уяснения его философско-методологических и мировоззренческих ориентаций» [4, с. 114]. В.Д. Зорькин высказал весьма интересные мысли о параллельном зарождении и эволюции позитивистских представлений и идей в философии и юриспруденции. Он считал, что со второй половины XIX столетия философия права развивалась на основе позитивизма, который вытеснил спекулятивно-метафизическую философию. Наряду с традиционными типами позитивизма В.Д. Зорькин выделяет неразвитые формы позитивизма: юмовский, кантианский и неокантианский, получившие реализацию или практическое воплощение в юридическом позитивизме.

Попытки некоторых российских юристов (В.С. Нерсисянц, С.С. Алексеев и другие) решить эту проблему вылились в признание «наличия философских основ в философии права». Правда, объяснить, что представляют собой эти «философские основы» никто из них внятно так и не смог. Это было связано с тем, что значительное число юристов (сознательно или бессознательно) оказались на позиции юридического позитивизма, придерживавшегося принципа «юридическая наука сама себе философия».

По мнению И.Л. Честнова, «достаточно спорной представляется точка зрения на предмет философии права и ее взаимоотношение с юриспруденцией» [4, с. 203]. Если В.П. Малахов считает, что «философия права является органической частью юриспруденции как учения о праве», то для И.Л. Честнова «философия права – это «верхний» уровень юриспруденции, призванный способствовать онтологическому и гносеологическому обоснованию права» [4, с. 209].

С иных позиций подходит к решению этой проблемы В.С. Нерсисянц, считающий, что «философия права является междисциплинарной наукой, объединяющей начала юридической науки и философии». И далее: «Однако вызывает возражение, во-первых, отнесение философии права (и философии) в раз-

ряд науки, во-вторых, жесткое различие проблематики философии права с точки зрения собственно философии и юриспруденции» [4, с. 201-202].

По мнению А.Ф. Закомлистова, «с течением времени потребностью самого юридического знания становится потребность в философской самоидентификации, самоудостоверении и диагнозе, поскольку возникло универсальное правовое пространство» [3, с. 14]. Он пишет, что **«юриспруденция желает быть сама себе философией»** (выделено нами. – Е.А. Антонов, А.Е. Таранова), но не обладает для этого соответствующим методологическим инструментарием. Такой инструментарий извлекается либо из соответствующего концепта, как это имеет место в модели философии права, предложенной В.С. Нерсесянцем и основанной на так называемой либертарной теории, либо он отыскивается в философском и теоретико-правовом наследии прошлого, как это имеет место в исследованиях С.С. Алексеева» [1, с. 15].

Исторически первой концепцией взаимоотношений философии и юриспруденции является трансценденталистская. Эту первую форму взаимоотношений философского и юридического знания, приведшую в Новое время к возникновению философии права, Э.В. Кузнецов называет натурфилософией. В частности, он отмечает, что К.А. Неволин стоял у истоков зарождения философии права в России.

Рассматривая существующие концепции взаимосвязи философии и юриспруденции, Э.В. Кузнецов приходит к выводу, что представители ««энциклопедии законодательства», различавшие эти понятия, оценивают право с позиций натурфилософии» [10, с. 56-62]. Здесь необходимо уточнить, что натурфилософию разрабатывали те философы-трансценденталисты, которые занимались осмыслением знаний о природе, получаемых представителями естествознания. Что же касается философского осмысления знаний о праве, то эта концепция может быть названа трансцендентальной философией права, представленной в период ее становления И. Кантом и Г. Гегелем.

Более точно ее следует назвать трансцендентальной, поскольку натурфилософия – это форма взаимоотношений философии и естествознания, а не философии и юриспруденции. Если применительно к естествознанию и его взаимоотношениям с философией можно говорить о натурфилософской концепции, то это неправомерно к взаимодействию философии и юриспруденции, а также юридической науки.

Более точное ее название будет трансцендентальная концепция, а не метафизическая или натурфилософская. Аристотель, Ф. Бэкон, Т. Гоббс заложили основу этой концепции, получившей в Новое время название «метафизика права» у И. Канта и философия права у Г. Гегеля.

Сегодня, как отмечает Н.А. Обухова, философия «помогает привести юриспруденцию в научное русло в соответствии с проблемами и целями <...>. Следовательно, так как юриспруденция прикосновенна к философии, ей приходится решать вопросы этики, метафизики и теории познания» [12, с. 19]. В настоящее время увеличились области взаимосвязи философии и юриспруденции: методология, аксиология, эстетика, антропология, этнография и другие.

Г. Гуго находился под влиянием идей И. Канта, но философия позитивного права и историчность права в его трактовке носили позитивистский характер и были направлены против естественно-правовых идей метафизического права. Его концепция историчности права отвергала разумность как истории, так и права. При этом история права призвана показать, что право складывается исторически, а не создается законодателем (в дальнейшем данная идея была воспринята и развита К.Ф. Савиньи, Г. Пухтой и другими представителями исторической школы права).

В каждую историческую эпоху юриспруденция состояла из различных частей юридического знания. Юриспруденция, по мнению Г. Гуго, состоит из трех частей: юридическая догматика, философия права (философия позитивного права) и история права. Юридическая догматика, занимающаяся действующим (позитивным) правом, представляет собой «юридическое ремесло» и является эмпирическим знанием. Философия права и история права составляют «разумную основу научного познания права» и образуют «ученую, либеральную юриспруденцию (элегантную юриспруденцию)» [10, с. 30].

Философия права, по Г. Гуго, это «частью метафизика голой возможности (цензура и апологетика позитивного права по принципам чистого разума), частью политика целесообразности того или иного правоположения (оценка технической и прагматической целесообразности по эмпирическим данным юридической антропологии)» [10, с. 31].

Широкое распространение термина «философия права» связано с гегелевской «Философией права» (1820 г.), огромная значимость и влияние которой сохранились до наших дней. Философия права, согласно Г. Гегелю, это философская дисциплина, а не юридическая, как у Г. Гуго. При этом правовая наука (именуемая Гегелем также как наука о позитивном праве или как позитивная наука о праве) характеризуется им как историческая наука.

Науку о праве Гегель расценивает как «рассудочную науку», добавляя, что «с удовлетворением требований разума и с философской наукой эта рассудочная наука не имеет ничего общего» [10, с. 62]. И не следует удивляться тому, что по поводу рассудочных понятий и определений юриспруденции, представляющих собой дедукцию из официальных установлений законного авторитета, философия задает вопрос: «разумно ли при всех этих доказательствах данное определение права».

Подлинная наука о праве, по Г. Гегелю, представлена в философии права. «Наука о праве, – утверждает он, – есть *часть философии*. Поэтому она должна развить из понятия идею, представляющую разум предмета, или, что то же самое, наблюдать собственное имманентное развитие самого предмета». В соответствии с этим предмет философии права Гегель формулирует следующим образом: «*Философская наука о праве* имеет своим предметом *идею* права – понятие права и его осуществление» [2, с. 59]. Задача философии права, по Г. Гегелю, состоит в том, чтобы постигнуть мысли, лежащие в основе права, что возможно лишь с помощью правильного мышления, философского познания права.

Гегелевское понимание предмета и задач философии права резко противостояло и прежним естественноправовым концепциям права и закона, и антира-

ционалистической критике естественного права (Г. Гуго и представители исторической школы права), и рационалистическим подходам к праву с позиций должностования, противопоставления должного права – праву сущему (И. Кант, кантианцы Я. Ф. Фриз и другие). С неокантианских позиций должного права он остро критиковал все позитивное законодательство.

Представители почти всех основных течений философской мысли (от древности до наших дней) выдвигали свою версию философского правопонимания. Применительно к XIX-XX вв. можно говорить о философско-правовых концепциях кантианства и неокантианства, гегельянства, младогегельянства и неогегельянства, различных направлений христианской философской мысли (неотомизма, неопротестантизма), феноменологизма, философской антропологии, интуитивизма, экзистенциализма и других.

Понимание «философии права», ее предмета, основного содержания и проблематики существенно зависит от решения проблемы взаимоотношений, способов взаимодействия и механизмов взаимоотношений философии и юриспруденции. К основным концепциям взаимоотношений философии и юриспруденции можно отнести следующие:

1) трансцендентализм (Аристотель, И. Кант, Г. Гегель, Э. Гуссерль). Представители данного подхода утверждают, что всякая наука суть прикладная философия. Если применительно к естествознанию они сводят новое образование к натурфилософии, то связь философии с юриспруденцией и юридической наукой приводит к возникновению философии права и философии науки, которые являются междисциплинарной областью знания;

2) позитивизм (О. Конт, Г. Спенсер, К. Поппер и другие), согласно которому наука сама себе философия. Этот подход базируется на том, что юридическая наука всегда была заповедным полем позитивизма в силу социальной значимости юридической догматики и идеологической ангажированности юристов;

3) антиинтеракционизм (Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, К. Ясперс) – конкретные науки и философия существуют и развиваются независимо друг от друга, между ними нет внутренней взаимосвязи;

4) диалектическую концепцию (Ф. Энгельс, В.И. Вернадский, И.Т. Фролов и другие). Философия и наука рассматриваются как существенно различные, но одновременно равноправные виды рационального познания, оказывающие существенное влияние друг на друга в процессе своего функционирования и развития.

Следует согласиться с И.Л. Честновым относительно того, что из всех исследований, направленных на выработку понимания проблемного и предметного поля философии права большая часть посвящена истории философии права. Среди работ, посвященных собственно философии права, можно выделить исследования С.С. Алексеева, Д.В. Масленникова, С.И. Максимова, С.Г. Чукина, В.М. Сырых, А.Ф. Закомлистова, В.П. Малахова. «Вместе с тем и у перечисленных ученых нет единства позиций по поводу того, каково назначение философии права, что она собой представляет: часть философии, самостоятельную науку или часть теории права» [4, с. 201].

Так, по мнению Д.А. Керимова, философия права выступает теорией познания правовых явлений и в качестве гносеологии входит в теорию права [6,

с. 48]. Однако связывать предмет философии права исключительно с гносеологической функцией означает его существенное зауживание и ограничение.

С других позиций подходит к выяснению предмета философии права В.С. Нерсисянц. Он рассматривает философию права как междисциплинарную науку, объединяющую начала юридической науки и философии, которая выполняет «ряд существенных общенаучных функций методологического, гносеологического и аксиологического характера» [11, с. 16]. В качестве доминирующей проблемы философии права автор рассматривает вопрос о том, что такое право, и рассматривает его преимущественно с точки зрения различения и соотношения права и закона.

С.С. Алексеев утверждает, что философия права «... отрасль философско-правовых знаний, которая направлена не на решение задач практической юриспруденции, а на постижение сущности, предназначения и смысла права, заложенных в нем начал, принципов» [1, с. 10]. По его мнению, философия права – наиболее высокая ступень осмысления права, вершина обобщенных юридических знаний, призванная дать мировоззренческое объяснение права, его сущности и предназначения. Как и В.С. Нерсисянц, он также рассматривает философию права как исконно философскую дисциплину, рассматривающую право под углом зрения определенной универсальной философской системы, и интегрированную философско-правовую область знаний.

По мнению В.П. Малахова, предмет философии права «духовное бытие правового существа» [9, с. 49]. Он отмечает, что философия права противоположна юридическому подходу к пониманию предмета, поскольку философия и наука качественно отличны друг от друга. При этом философия права, будучи правовой идеологией, является органической частью юриспруденции как учения о праве.

С.Г. Чукин формулирует следующее определение «Философия права – это философский дискурс права, направленный на выяснение того, какие предельные (последние) основания, связанные с сущностью человека, могут служить оправданием правового принуждения» [14, с. 27]. Фактически философии права в его системе – важнейшее средство легитимации права. В данном контексте философия права выполняет методологическую функцию (в рамках методологического дискурса) и функцию легитимации права (в рамках дискурса обоснования права) и включает в себя онтологию, эпистемологию, методологию права. Познавательный же дискурс отнесен к ведению юридической науки.

По мнению С.И. Максимова, предметом философии права являются «внеюридические (предельные) основания права» [8, с. 12]. Он говорит, что ни одна наука не может выйти за свои исходные основания (пункты). *Решение фундаментальных теоретических проблем юриспруденции без философского основания оборачивается их релятивизацией или догматизацией.* В структуре предмета философии права С.И. Максимов выделяет следующие внеюридические основания права: онтологические, антропологические, гносеологические. Такое определение предмета философии права представляется вполне справедливым.

Становится очевидным, что в отечественной и зарубежной литературе не сложилось единства мнений относительно предмета философии права. Таким об-

разом, адекватное осмысление рассматриваемой проблемы возможно, на наш взгляд, в контексте таких направлений как философия естествознания, философия техники, философия экономики, философия политики, философия истории. Именно наработанный в этих исследовательских областях методологический опыт и инновационный подход позволит более адекватно решить проблему философия права с учетом философско-правовых реалий XXI столетия. В наше время важно осознать и признать, что для решения проблематики «философии права» необходимы новые интегративные методологические средства, позволяющие решать насущные юридические задачи и достигать поставленной цели.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Теория права. – Москва: Бек, 1994.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. – Москва: Мысль, 1990.
3. *Закомлистов А.Ф.* Юридическая философия. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003.
4. История и методология юридической науки: учебник для вузов / И.Ю. Алексеева, Ю.А. Денисов, И.И. Еремина, М.К. Ивина, А.Б. Сапельников, А.Э. Чернооков, И.Л. Честнов; под ред. Ю.А. Денисова, И.Л. Честнова. – Санкт-Петербург: ИВЭСЭП, 2014.
5. *Кант И.* Сочинения: в 8-ми т. – Москва: Наука, 1994. Т. 6.
6. *Керимов Д.А.* Общая теория государства и права. Предмет. Структура. Функции. – Москва, 1977.
7. *Кузнецов Э.В.* Энциклопедия права: Из истории русской правовой мысли // Правоведение. 1981. № 5. С. 56-62.
8. *Максимов С.И.* Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков, 2002.
9. *Малахов В.П.* Концепция философии права. – Москва, 2007.
10. *Немецкая историческая школа права.* – Челябинск: Социум, 2010.
11. *Нерсисянц В.С.* Философию права. – Москва: Норма, 1996.
12. *Обухова Н.А.* Философия в исследовании юриспруденции // Сибирский юридический вестник. 2012. № 3 (58).
13. Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2-х т. / А.В. Аверин, И.А. Гобозов, А.Г. Гузнов [и др.]; отв. ред. М.Н. Марченко. – Москва: Проспект, 2015.
14. *Чукин С.Г., Сальников В.П., Балахонский В.В.* Философия права: учебник / под общей ред. В.П. Сальникова, Г.Н. Хона. – Москва: ИМЦ ГУК МВД России, 2002.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ РОССИИ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ

УДК 376.1

Пенионжек Е.В.,
кандидат философских наук, доцент
(Уральский юридический институт МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности организации и проведения занятий по морально-психологической подготовке. Предложены аспекты формирования патриотического сознания и гражданской позиции сотрудников полиции. Представлены блоки профессиональной компетентности сотрудника.

Ключевые слова: морально-психологическая подготовка, патриотическое воспитание, профессиональная компетентность, методика организации и проведения занятия.

PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE POLICE OF RUSSIA: THE USE OF THE MATERIAL IN PATRIOTIC EDUCATION CLASSES ON MORAL AND PSYCHOLOGICAL PREPARATION

Penionzhek E.V.,
the candidate of philosophy sciences, the associate professor
(the Ural law Institute of MIA of Russia)

Abstract: the article considers the peculiarities of organization and conducting classes in moral and psychological training. Proposed aspects of the formation of Patriotic consciousness and attitude of police officers. Presents blocks of professional competence of the employee.

Key words: moral and psychological training, Patriotic education, professional competence, methods of organizing and conducting classes.

Морально-психологическое обеспечение деятельности личного состава органов внутренних дел выстраивает основные подходы к формированию и поддержанию патриотических качеств личности сотрудника полиции России в современных условиях. Занятия по морально-психологической подготовке призваны способствовать освоению сотрудниками органов внутренних дел комплекса педагогических и культурологических знаний, направленных на формирование патриотической позиции в целях гармонизации отношений личности и общества на основе восприятия множества социально-культурных различий современного российского общества. Культура личности сотрудника ор-

ганов внутренних дел складывается не только на основании умения понимать мировоззренческие, социальные и личностные проблемы человека, но и на основании навыков анализа с точки зрения гуманистических ценностей ценностно-мотивационной ориентации человека. В настоящее время востребованы креативно мыслящие сотрудники, умеющие творчески решать профессиональные задачи в сфере правоохранительной и правоприменительной деятельности [1]. Это возможно только на основе четких и системных знаний о российской культуре и об отечественном искусстве, выстраивающихся в освоении базовых общечеловеческих ценностных ориентаций, знаний природы и сущности искусства, а также на основе выработанных посредством чувства сопричастности ко всеобщему культурному процессу эстетических предпочтений сотрудника. Сотрудник органов внутренних дел сегодня должен уметь критически оценить окружающую действительность с позиций эстетического идеала, исходя не только из культурного кругозора, но и из осознания себя частицей определенной культурно-исторической общности.

Профессиональная компетентность сотрудника органов внутренних дел выражается в склонности и побуждении иных лиц уважительно и бережно относиться к историческому наследию Российской Федерации, толерантно воспринимать социально-культурные различия, ориентироваться, в т.ч. на основании художественных знаний, в социальных, политических и экономических процессах, представлять значимость культурных традиций, к примеру, этнокультурного и конфессионального характера [2]. Способность понимать социальную значимость своей профессии невозможна для сотрудника без актуализации вопросов, связанных с социокультурным знанием, значимой частью чего являются и эстетические представления. При разрешении конкретных ситуаций культурный уровень личности сотрудника позволяет использовать знания и методы гуманитарных наук, в т.ч. эстетики и культурологии. Педагогические знания способствуют профессиональному взаимодействию с коллегами, сотрудниками иных правоохранительных органов, представителями других государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений, с муниципальными органами охраны общественного порядка, трудовыми коллективами, гражданами, со средствами массовой информации. Понимание особенностей организации воспитательного процесса способствует предупреждению и конструктивному разрешению конфликтных ситуаций в процессе профессиональной деятельности [3]. Личностные свойства, выраженные в патриотической позиции сотрудника, позволяют проявлять инициативность, в т.ч. в ситуациях риска, принимать оптимальные организационно-управленческие решения в повседневной деятельности и в нестандартных ситуациях, осознавая ответственность за порученный участок работы.

Понимание и прочувствованное отношение к цели и смыслу государственной службы позволяет сотруднику осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого патриотического сознания. Выполняя непосредственные должностные обязанности по обеспечению законности и правопорядка, безопасности личности, общества и государства, защите жизни и здоровья граждан, охране общественного порядка, сотрудник органов внутренних

дел выступает в качестве примера реализации потенциала ценностей общечеловеческой значимости. На основе использования знания о ценностях различных субкультурных пространств сотрудник стремится уважительно относиться к чести и достоинству личности, соблюдая и защищая права и свободы человека и гражданина. Не допуская и пресекая любые проявления произвола, принимая необходимые меры к восстановлению нарушенных прав, сотрудник в регулировании общественных отношений осуществляет профилактику правонарушений, посягающих на ценности, имеющие характер историко-культурного и художественного достояния народов России.

Патриотическое воспитание – это одно из основных направлений воспитательной работы в органах внутренних дел, формирующее и развивающее у сотрудников личностные качества гражданина-патриота, способного активно участвовать в укреплении и совершенствовании основ общества, также формирующее и развивающее высокое патриотическое сознание, готовность к выполнению задач, связанных с обеспечением законности, общественного порядка, прав и законных интересов граждан. В ходе проведения занятий по морально-психологической подготовке необходимо акцентировать внимание сотрудников на рассмотрении материала эстетического и культурологического знания для формирования у сотрудников органов внутренних дел высокого патриотического сознания, активной гражданской позиции. Необходимо дифференцировать системный общетеоретический материал эстетического и культурологического знания во взаимосвязи с особенной частью, выраженной в практическом материале, например, разделенном на четыре раздела: «Край, в котором мы живем», «Мужество и благородный поступок», «Мы – многонациональный народ», «Эстетика быта и предметной среды», которые охватывают материал истории отечественной культуры с выделением значимого для современной действительности, где живет и работает сотрудник. Так, посредством освоения материала занятий по морально-психологической подготовке сотрудник знакомится с понятиями «художественное творчество», «художественное произведение», «художественный образ», «художественное направление», «художественная реальность», «художественное пространство», «эстетическая категория». А при рассмотрении практического материала знакомится с обоснованием ценностного для формирования, поддержания патриотической позиции как значимой части профессионализма сотрудника.

Так занятия по морально-психологической подготовке, имея методический блок, направленный на формирование опыта деятельности в ходе обсуждения дискуссионных вопросов, формируют и поддерживают комплекс общекультурных и профессиональных компетенций, сформированных рядом учебных дисциплин социально-гуманитарного цикла. Тогда модели поведения, обеспечивающие способность компетентно решать поставленные задачи, условно разделяются на четыре блока:

- знание и понимание движущих сил и закономерностей исторического процесса, культурных традиций, потенциала самосовершенствования;
- универсальные умения толерантно воспринимать социально-культурные различия, развивать социальные и профессиональные компетенции;

– интеллектуальные навыки социального и профессионального взаимодействия с учетом этнокультурных и конфессиональных различий, принадлежности человека к профессиональной, гендерной, этнической и другим социальным группам работы в коллективе, кооперации с коллегами, предупреждения и конструктивного разрешения конфликтных ситуаций в процессе профессиональной деятельности;

– практические навыки уважительного и бережного отношения к историческому наследию и культурным традициям, повышения интеллектуального и общекультурного уровня, профессиональной квалификации, адаптации к изменяющимся социокультурным условиям и меняющимся условиям профессиональной деятельности.

В процессе реализации практического материала на занятиях по морально-психологической подготовке рекомендуется учитывать параметры алгоритма рассмотрения художественных произведений. Во-первых, необходимо стремиться рассмотреть совокупность представлений о социальных отношениях, представленных в данном художественном произведении: ценности какого образа жизни несут. Во-вторых, необходимо сравнивать данный социальный идеал с насущными нравственными проблемами общества: востребовано ли подобное поведение в той или иной социокультурной ситуации и насколько. И в-третьих, необходимо найти в глубине внутренних противоречий ценности проявления человеческого бытия, гуманистические ориентации в формировании патриотизма сотрудников органов внутренних дел. Такой алгоритм рассмотрения художественной ценности произведения искусства способствует глубокому и всестороннему осмыслению сотрудником своего собственного места и роли в обществе, а значит, успешно сформирует качества гражданина-патриота. А умение видеть правовую действительность на основании патриотической позиции сотрудника влечет за собой реализацию не только компетентностного подхода, но и культурологического, аксиологического и интегративного подходов в воспитательном процессе в органах внутренних дел.

Использование в организации и проведении занятий по морально-психологической подготовке с сотрудниками органов внутренних дел в преддверии памятных дат и праздничных дней теоретического и практического материала педагогического и культурологического знания направлено на совершенствование процессов формирования патриотического сознания сотрудников, на улучшение морально-психологического климата в служебных коллективах.

Библиографический список

1. Формирование и совершенствование кадрового потенциала органов внутренних дел Российской Федерации: учебное пособие / И.Ф. Амельчаков, М.Г. Чесовская, Ю.И. Андриенко, А.Е. Таранова, В.А. Долин, И.В. Зайцева. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2016.

2. *Пенионжек Е.В.* Культурология: учебно-методическое пособие. – Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2016.

3. Пенионжеск Е.В. Педагогические основы воспитательной работы в органах внутренних дел: учебное пособие. – Москва: Юстиция, 2016.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СЛАВЯНСКОЙ ФЭНТЕЗИ

УДК 008

Антонова Е.Л.,

кандидат философских наук, доцент;

Туркина В.Г.,

кандидат философских наук, доцент

(Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Аннотация: статья направлена на рассмотрение проблемы визуализации социального самочувствия в современной славянской фэнтези. Особое внимание уделяется осмыслению мироощущения людей, испытывающих «культурный шок» от сравнения «привычных» (типичных, стереотипизированных) и навязываемых в эпоху глобализации «непривычных» (нетипичных, «виртуальных») бытовых, психологических, духовных и «исторических» контекстов культуры.

Ключевые слова: визуальный поворот, социальное самочувствие, славянское фэнтези, визуально закодированные смыслы, изменяющаяся реальность, мироощущение города и деревни.

VISUALIZATION OF SOCIAL WELL-BEING IN THE MODERN SLAVIC FANTASY

Antonova E.L.,

the candidate of philosophy sciences, the associate professor;

Turkina V.G.,

the candidate of philosophy sciences, the associate professor

(Belgorod state Institute of arts and culture)

Abstract: the article is directed at addressing the problem of visualization of social well-being in the modern Slavic fantasy. Special attention is given to understanding the attitude of the people experiencing «cultural shock» by comparison, «normal» (typical, stereotypization) and imposed in the era of globalization «unusual» (unusual, «virtual») of domestic, psychological, spiritual, and «historical» contexts of culture.

Key words: visual turn, social well-being, Slavonic fantasy, a visually encoded meaning, changing reality, the attitude of towns and villages.

Когда речь идет о фиксации социального самочувствия в ходе социокультурной динамики, – следует учитывать специфику исторического времени. Проблема заключается в том, что фактор времени ставит человека в заведомо подчиненное положение: если человек не вписывается в него, то либо «выпадает» из времени, погружаясь в зону небытия, либо вынужденно действует под его диктовку. Как это происходит, позволяет понять визуализация социокультурной реальности: в эпоху Возрождения – средствами изобразительного искусства, когда же реализм становится художественным методом (XIX в.) – средствами литературного нарратива. В XXI в., в условиях мир-системного противостояния западного и не-западного миров, доминирующие позиции занимает «визуальный монтаж» социальной реальности, намеренно погружающий человека в реальность виртуальную. Последнее становится возможным лишь в информационном обществе, в культурном пространстве которого становится возможным доминирование «визуального» над «вербальным».

Победа «визуального» над «вербальным» была, по сути, обусловлена «снятием» интеллектуальных барьеров в пространстве глобально трансформируемой культуры, что упрощает процесс современной коммуникации, обсуждение специфики которой давно уже стало «общим местом» в социально-культурологическом дискурсе. В этом же ряду стоит и так называемое «актуальное» искусство», наименее «маргинальными» формами которого являются стрит-арт, социально-политическая (некоммерческая) и товарно-сервисная (коммерческая) реклама¹. Именно они превращают социальное пространство в «ловушку» из визуально закодированных смыслов. В этой связи, идеальным представляется междисциплинарный подход к осмыслению проблемы визуализации социальной реальности, формирующийся на стыке истории, культурологии и искусствоведения.

Интерес вызывает тот факт, что в условиях визуального поворота, пришедшего на смену лингвистическому, когда деление социума на авторов и читателей/зрителей/слушателей начинает терять принципиальное значение, граница между искусством и «не-искусством» незаметно стирается. По мнению В. Беньямина, граница между ними исчезает в момент, когда любой человек способен превратиться из зрителя в автора [2].

Одним из признаков означенной тенденции является осознанное и неосознанное погружение социума в виртуальную реальность, похожее на бегство от действительности. Здесь-то на первый план и выходит проблема институционализации «маргинальных» форм художественного творчества, возникших в условиях глобального «визуального поворота», в качестве новой эпистемологической парадигмы пришедшего на смену «лингвистическому». И хоть средствами популистской риторики западных политологов и социологов навязывается мысль, что в эпоху «глобальных стратегий» информационно-

¹ Показательно, что по способу ретрансляции различают не только аудио и текстовую, но и визуальную, текстово-визуальную, аудио-визуальную и аудио-текстово-визуальную типы рекламы, по методу воздействия – прямой и *косвенный* соответственно. Именно последний (напрямую связанный с *визуальным* способом ретрансляции) целенаправленно воздействует на *подсознательный уровень* человека.

го общества «расширяются горизонты виденья современного человека», на самом деле – они катастрофически сужаются: вытеснение человека из традиционных сфер деятельности в означенное **время** ведет не только к вытеснению последнего из реального в виртуальное **пространство**, но и к обеднению образного и мотивационно-сюжетного «арсенала» искусства. Этот факт частично объясняет причину, по которой для заполнения смыслом «интеллектуального вакуума» мир современного искусства стал, с одной стороны, выискивать «маргинальные» способы демонстрации результатов художественного творчества, с другой – использование «визуальных» художественных практик не только в художественном, но и в нехудожественном пространстве культуры, по сути, вытесняющих традиционные формы репрезентации реальности.

Как результат, все возрастающее влияние «маргинальных» визуальных художественных практик на формирование ценностных предпочтений современного человека, помноженное на ускоренное развитие информационных технологий, приобретающих **организованный** и **упорядоченный** характер, становится действенным инструментом глобализации. Именно в этом контексте обращение к фэнтези, «созидающему» собственное «виртуально-визуализированное» пространство (продвигаемое посредством соцсетей, кино- и медиаиндустрии и др.), обретает для культурологов и искусствоведов особую актуальность.

Первые трудности у исследователей возникают при выборе дискурсивных границ и методологии осмысления фэнтези, постепенно вытесняющего классические и неклассические жанры и формы литературы. Особенно если речь идет о славянском фэнтези, которое возникнув на сломе культурной эпохи XX ст., с одной стороны, берет на себя те же функции, что и традиционная для России **вербальная форма коммуникации** – **информационную** (передача информации), **экспрессивную** (передача оценки информации) и **прагматическую** (передача коммуникативной установки, оказывающей **требуемое воздействие** на получателя информации), с другой – «визуализирует» противоречивую сущность нарождающейся реальности, создавая многомерный «образ» социального самочувствия. На этом основании, к славянскому фэнтези следует подходить не только как к **«социальному тексту»** переходной эпохи, где сталкиваются мироощущения людей, испытавших «культурный шок» от сравнения «привычных» (типичных, стереотипизированных) и «непривычных» (нетипичных, нестереотипизированных и «виртуальных»), навязываемых Западом в эпоху глобализации, бытовых, психологических, духовных и «ценностно-исторических» смыслов культуры, но и как к тексту, конструирующему **«визуализируемый»** – зримый – **«образ» новой исторической, политической, культурной и социальной реальности.**

Интерес вызывает тот факт, что в литературоведческой среде принято считать, что современное славянское фэнтези заполняет пустоту в художественном пространстве, образовавшуюся после распада Советского Союза и занимает в нем место, которое ранее отводилось детской литературе и научной фантастике. Однако даже беглый культурологический анализ позволяет утверждать, что славянское фэнтези, сложившееся на постсоветском пространстве как жанр новой литературы, обслуживает не столько любителей фантастики,

сколько «маргинально» мыслящих индивидов, отказавшихся от активной деятельности в реалиях новой социально-культурной реальности и действующих пассивно – через героев и антигероев – в принудительно «маргинализируемом» виртуальном пространстве, что способствует превращению славянского фэнтези, как уже бывало в истории, в «ведущую тенденцию» по конструированию, коррекции и даже «наметке» перспектив развития общества. Но и это только отчасти. При ближайшем рассмотрении, в жанре современного славянского фэнтези можно рассмотреть несколько направлений:

- фэнтези, выстроенные на модели противостояния Добра и Зла как сюжетообразующей основе, взятой из фольклорной прозы традиционной «деревни», где все – и мотивы, и образы – «структурировано этически». (Как пример, в «исторических» формах фольклора – былинах, исторических песнях, сказках и поздних сказах – добро всегда сильнее зла и обязательно его побеждает, что формирует на уровне индивидуального и общественного сознания «мироощущение» *созидания*);

- фэнтези, где Добро и Зло «равносильны»: добро с потерями побеждает зло или зло остается безнаказанным, что репрезентирует мироощущение индивидов 1) «не приемлющих» «перспективно» отмеченный оптимизм, создающий неизвестное Будущее, или 2) отстаивающих приоритетность вседозволенности «здесь и сейчас», разрушающей Настоящее, без которого нет и не может быть Будущего. Такой тип славянского фэнтези, как правило, приближено к сюжетам этнических мифологий, либо к городскому «примитиву» – бывальщинам, быличкам – как «маргинальной» (т.н. гибридной) форме фольклора, возникшей на стыке деревенского и городского мироощущений в культуре городских «низов».

Здесь-то и выходит на первый план проблема перманентного столкновения мировосприятия двух миров: мир-культуры *города* – носителя мироощущения «новизны», отвергающего любую форму культурной преемственности («модерн» как перманентная «конструкция-деконструкция») и мир-культуры «деревни», выразившей свое мироощущение в идеологии культурного консерватизма («архаика»), по-своему проявивших себя в условиях глобальных социокультурных трансформаций. Столкновение мироощущений города и деревни легко отыскать в «иносказательном» содержании жанра славянского фэнтези:

- мироощущение города, давно порвавшего с «традиционализмом» (связь фэнтези с мифологией);

- мироощущение «исторической» деревни (связь фэнтези с традиционным фольклором).

В современной славянской фэнтези, с одной стороны, легко распознать реальное противостояние в социокультурном пространстве трансформируемой России мироощущений «мега-города» и глубинки (как современной «деревни»). Оно легко прочитывается в оценке деятельности сил, стоящих в современной славянской фэнтези на стороне «многоликого зла» (как мироощущения современного города) и «человекоберегающего добра» (как мироощущения традиционной деревни). Так, в современной славянской фэнтези происходит визуализация социального самочувствия в образах сил, стоящих за «многоликим злом» и «человеколюбивым добром».

С другой стороны, при рассмотрении современной славянской фэнтези как виртуального «поля битвы» между традиционным – «своим» и наносным – «чужим», доминирующим в пространстве современного «города», можно выделить две «классические» подгруппы – «*историческую*» и «*героическую*», сюжет и «визуализированные» образы которых, также «завязаны» на славянский фольклор и мифологию. При их рассмотрении можно говорить о попытках авторов конструировать «альтернативную» историю, средствами визуально закодированных смыслов.

С этой точки зрения, в современной славянской фэнтези можно рассмотреть два типа «альтернативной» «историко-героической» фантастики. Это:

– «чистая альтернатива», когда изменение истории происходит в соответствии с «законами» физического мира и формальной логики (создание «фантастического образа» исторической личности, действие которой изменяло историю, или направление реального исторического события, способного изменить историю, в нужное автору «русло» и т.д.);

– и «фантастическая альтернатива», когда изменение истории происходит в результате абсолютно нереального – фантастического, или сверхъестественного вмешательства (магии, волшебства, темных сил и т.д.).

Иными словами, визуализация социального самочувствия в современной славянской фэнтези позволяет понять, что настоящее, по мнению Ф. Броделя включающее «вчера, позавчера и «некогда»», пропущенное сквозь призму мироощущения в изменяющейся социокультурной реальности, на подсознательном уровне порождает *реальное желание* вырваться из настоящего *в виртуальное* прошлое или будущее. Об этом красноречиво свидетельствуют попытки авторов современной славянской фэнтези – через бегство от того «фантастического», что пришло в современную действительность – виртуально «*перейграть*» новейшую историю. Означенная перспектива на интуитивном уровне улавливается трансформируемым обществом, что в форме визуализации социального самочувствия находит выход в современной славянской фэнтези, полной визуально закодированных смыслов.

Обращение авторов современной славянской фэнтези к фольклорной «классике» и образам этнических мифологий трагически отражает всю глубину «мироощущенческого» разрыва, возникшего на границе реального настоящего и виртуального будущего не менее «виртуального» общечеловечества.

Трагедия, на самом деле, состоит в том, что означенная проблема никем – кроме авторов современной славянской фэнтези – с позиций «антропологического кризиса» не рассматривается. Именно это противоречие, стоящее за визуализацией социального самочувствия и ее наложением на ценностные предпочтения и социальные ожидания требуют самого серьезного культурологического, философского, социологического и политологического анализа.

Библиографический список

1. Антонова Е.Л., Калениченко О.Н. Столкновение мироощущений города и деревни в современном славянском фэнтези: монография. – Харьков: Атос, 2013. – 88 с.

2. *Беньямин В.* Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. – Москва: Культурный центр имени Гете; Медиум, 1996.

3. Мультикультурализм: порождение или альтернатива глобализации // Глобализация и мультикультурализм. – Москва, 2005. С. 190.

ПОНЯТИЕ «ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕКА» В ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: СОДЕРЖАНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

УДК 1(091)

Долин В.А.,

кандидат философских наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье на основе анализа общенаучной категории «потенциал» предложено определение понятия «потенциал человека». Сделан вывод о необходимости использования данного понятия в философской антропологии.

Ключевые слова: потенциал человека, человеческий потенциал, сущность человека, природа человека, эссенциализм, антиэссенциализм, человечность.

NOTION «POTENTIAL OF A HUMAN BEING» IN PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL CONTEXT: CONTENT AND APPLICATION CAPABILITIES

Dolin V.A.,

the candidate of philosophy sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: in this article is suggested a definition of «potential of human being» on the basis of analysis of general scientific category «potential». The author makes a conclusion on necessity of using this concept in philosophical anthropology.

Key words: potential of human being, human potential, human essence, human nature, essentialism, antiessentialism, humanity.

Вопрос о возможностях человека и их расширении является одним из важнейших в философском постижении человека. Каждая эпоха в истории философии предлагает свои варианты его решения. Не является исключением и современная философия эпохи постмодерна [см., напр.: 19]. Одним из концептуальных средств исследования вопроса о возможностях человека является концепт «потенциал человека», недавно вошедший в социальную философию [7, 9].

Данная статья посвящена постановке проблемы использования понятия «потенциал человека» в философской антропологии, понимаемой в расширительном значении, т.е. как философия человека. Для рассмотрения предмета статьи необходимо решение двух исследовательских задач:

- на основе анализа представлений о потенциале как общенаучной категории сформулировать определение понятия «потенциал человека»;
- соотнести содержание понятия «потенциал человека» с методологическими представлениями, фундирующими философско-антропологический дискурс.

Понятие «потенциал» используется как в естествознании (физика и технические науки), так и в социально-гуманитарных дисциплинах (психология, педагогика, экономика, социология, демография). В каждой из наук понимание потенциала соответствует предмету дисциплины. Однако рассмотрение особенностей трактовки понятия «потенциал» в конкретных науках требует отдельного изучения, выходящего за рамки данной статьи [см., напр.: 12]. Поэтому необходимо сосредоточиться на анализе существующих в литературе представлений о потенциале как общенаучной категории для формулировки собственного определения понятия «потенциал человека» (первая задача).

Основоположником дискурсивности о потенциале является Аристотель, который в своей метафизике различает актуальную действительность предмета рассмотрения («акт») и потенциальную возможность бытия («потенция»). Связующим звеном между ними, переводящим потенциальное в актуальное, является энергия. Для характеристики конечного результата названного перехода используется понятие «энтелехия». Хотя часто Аристотель употребляет понятия «энергия» и «энтелехия» как синонимы.

Противоположностью понятия «потенциал» является понятие «реальное» («действительное») [18, с. 116]. М.А. Романова на основе подробного обзора значений понятия «потенциал» приходит к выводу о существовании двух вариантов его понимания. В узком представлении о потенциале указывается лишь на то, что «...или отсутствует в данный момент времени, или не в полной мере проявляется в активности соответствующего объекта или субъекта» [18, с. 117]. Широкое представление включает в себя «...в определенной степени несовместимые друг с другом вещи: имеющееся и отсутствующее, реализованное и не реализованное, действительное и возможное» [18, с. 117]. Фактически автор проницательно различает логический и онтологический аспекты проблемы. Потенциальное возможно однозначно отличать от реального (действительного) логически, но крайне сложно это делать в реальности, то есть онтологически. Ведь в последнем случае потенциал имеет объективно-материальную основу, которая принципиально не может быть скрытой. Как отмечает Аристотель, «...каждая вещь есть нечто единое, и точно также существующее в возможности и существующее в действительности в некотором отношении одно...» [3, с. 234]. Соответственно, поиск и обоснование объективно-материальной основы и составляет главную сложность анализа общенаучной категории «потенциал».

Рассмотрим особенности ее решения у различных авторов. Хотя совершенно очевидно, что фактически речь пойдет преимущественно о логическом пони-

мании онтологического аспекта проблемы потенциала. М.Т. Шафиков с социологических позиций критикует три распространенных в литературе варианта понимания потенциала: как возможности, как способности, как ресурсы [20].

Рассмотрим точку зрения автора подробнее. Совокупность возможностей не отражает сущность потенциала по причине зависимости их реализации от внешних причин и от выбора личностью реализуемых возможностей [20, с. 239-240]. В итоге определение потенциала является чрезмерно широким [20, с. 240].

Определение потенциала через систему способностей, напротив, является слишком узким, поскольку «...наличие потенциала или его формирование у какой-то системы не обязательно означает наличие и формирование у нее каких-то способностей» [20, с. 240]. Иначе говоря, актуальный характер способностей не отражает двойственный – «актуально-потенциальный» – характер потенциала.

В свою очередь, ресурсное толкование понятия «потенциал» оказывается противоречивым, поскольку ведет, «...с одной стороны, ... к сужению объема этого понятия, а с другой – к его расширению» [20, с. 241]. Соответственно, «...ресурсы не представлены в полном объеме в рамках потенциала» [20, с. 241]. Хотя применительно ко всей совокупности ресурсов будет обоснованным использование понятия «ресурсный потенциал» с подразделением его на актуальный и неактуальный [20, с. 241]. Критику понимания потенциала как возможностей, как способностей и как ресурсов возможно встретить и у других авторов [см., напр.: 14].

С учетом проявления потенциала в реальности М.Т. Шафиков различает формальный потенциал (не обнаруживается в практической плоскости) и реальный (существует фактически либо может существовать при наличии определенных условий) [20, с. 242].

На основе проведенного критического анализа автор предлагает два определения понятия «потенциал». При номинальном понимании «потенциал – это понятие, которым обозначается *система сил*, действие которых актуально или может быть актуализировано при определенных условиях» [20, с. 242] (курсив мой – В.Д.). Реальное определение формулируется автором следующим образом: «потенциал – это присущая материально-духовным системам ... *совокупность параметров*, обуславливающих (обеспечивающих) наличие у этих систем определенных возможностей, способностей, ресурсов для реализации (осуществления) ими тех или иных усилий, направленных на самосохранение и самодвижение, а также преобразование условий и характеристик среды» [20, с. 242] (курсив наш).

Таким образом, при определении понятия «потенциал» М.Т. Шафиков использует родовые понятия «система сил» (для номинального определения) и «совокупность параметров» (для реального определения). Поскольку номинальное определение при выражении существенных признаков может стать реальным, то фактически налицо два родовых понятия, для которых понятие «потенциал человека» является видовым.

Подводя промежуточный итог, следует признать обоснованность вывода М.Т. Шафикова о *номинальном* несовпадении объема понятия «потенциал» с объемами понятий «возможность», «способность» и «ресурсы». Вместе с тем,

реально, с онтологических позиций, возможности, способности и ресурсы правомерно рассматривать как сущностные проявления потенциала. Хотя логично предположить, что триада «возможность – способность – ресурсы» не исчерпывает содержания понятия «потенциал».

М.П. Куркина и В.В. Зотов выделяют пять сущностных характеристик потенциала и соответствующие им способы развития (Таблица 1). Подобный вывод противоположен умозаключению М.Т. Шафикова: возможности, способности и ресурсы «...даже вместе взятые, не исчерпывают содержание понятия «потенциал» [20, с. 239]. И это несмотря на то, что две сущностные характеристики названных авторов – способность и возможность – идентичны таковым в анализе М.Т. Шафикова, а двуединство средства и резерва правомерно отождествить с ресурсами.

По мнению М.П. Куркиной и В.В. Зотова, потенциал «...выражает систему свойств и качеств объекта, подлежащих и способных к развитию, а также к практическому воплощению в конкретных результатах развития (материально и нематериально проявленных), что позволяет судить о степени реализации потенциала в конкретных условиях» [10, с. 54].

Таблица 1

Потенциал как категория в научном знании о развитии [10, с. 54]

Сущностные характеристики потенциала	Стадии потенциала в процессе развития
Энергия, сила, мощность	Формирование, накопление
Способность	Проявление, осознание
Средство	Реализация
Резерв	Совершенствование
Возможность	Расширение

Поскольку представленное понимание потенциала носит динамический характер, то последний закономерно рассматривается как существующий в трех измерениях [10, с. 54]:

- прошлое – как запас свойств, обуславливающих возможность функционирования и развития;
- настоящее – как применение и использование наличных способностей;
- будущее – как возможность прогрессивной или регрессивной динамики свойств.

На основании проведенного анализа понятие «потенциал человека» возможно определить как совокупность изменяющихся актуальных и потенциальных характеристик, реализующихся (формирующихся) во взаимодействии с вещами (артефактами), людьми и их объединениями, продуктами духовного творчества и технологиями. Иначе говоря, потенциал человека реализуется и формируется в культуре и посредством культуры [см. также: 15].

Полноценный анализ существующих в литературе представлений о потенциале как общенаучной категории невозможен без соотнесения его с представлениями о человеческом потенциале в экономической теории и социологии [см., напр.: 13, 17]. Необходимость подобного соотнесения обусловлена принципиальной возможностью мыслить понятия «человеческий потенциал» и «потенциал человека» как тождественные, ведь в обоих понятиях представления о потенциале связываются с человеком.

Преимущественно социоцентрический характер мышления в социологии и экономике обуславливает игнорирование или второстепенный характер проблемы отдельного человека и малых групп. Экономическая и социологическая дискурсивность о человеке оказываются несовместимыми с пониманием проблем отдельного человека. К примеру, Н.В. Панкратов на основе проведенного анализа содержания понятия «человеческий потенциал» констатирует, что для многих социологов «оно неприменимо ни к индивиду, ни к малой группе, но вполне осмысленно по отношению к «большим» социальным системам...» [17, с. 130].

Однако было бы неверным утверждать полный отказ от программы антропоцентризма в экономике и социологии. В данных дисциплинах существует два подхода к пониманию человеческого потенциала: производственно-экономический и антропологический. В рамках первого подхода человек понимается преимущественно как ресурс, рабочая сила (т.е. инструментально), а во втором подходе человек, наряду с признанием его экономического значения в качестве ресурса (рабочей силы), рассматривается как самостоятельная ценность (т.е. неинструментально). Во втором подходе представление о человеческом потенциале требует отдельного определения, подчеркивающего не просто более широкое вовлечение способностей и возможностей человека в экономическое производство, но и необходимость участия в нем целостного и духовно развитого человека. Без данного условия многие виды трудовой деятельности, востребованные в постиндустриальном обществе, просто невозможны. Поскольку антропологическая трактовка понятия «человеческий потенциал» относительно новая, то необходимо ее терминологическое разграничение от экономико-производственного понимания человеческого потенциала. В данном качестве возможно использовать понятие «потенциал человека».

После завершения анализа представлений о потенциале как общенаучной категории следует соотнести содержание понятия «потенциал человека» с методологическими представлениями, фундирующими философско-антропологический дискурс (вторая задача). Необходимость обращения к названным представлениям обусловлена, как минимум, двумя причинами. Первая из них связана с осознанием самостоятельного значения проблемы человека в современной экономической теории и социологии. В данном случае философско-антропологическое понимание выполняет методологические функции. Вторая причина имеет собственно философско-антропологический характер: исследование проблемы возможностей человека важно в контексте понимания того, что есть человек. А названный вопрос является центральным для философской антропологии в ее широком понимании. В итоге появляется возможность отве-

та на вопрос о возможностях применения понятия «потенциал человека», вынесенный в заголовок статьи.

По причине ограниченного объема статьи целесообразно ограничиться тезисами, выражающими наиболее значимые связи понятия «потенциал человека» с представлениями, фундирующими философско-антропологический дискурс. Более подробное их рассмотрение и концептуально-методологическое обоснование требует отдельного исследования, выходящего за рамки статьи. Поскольку понятию «потенциал человека» соответствует и определенная онтологическая реальность, в дальнейшем изложении контекст высказывания о потенциале человека будет обязательно уточняться.

1. Понятие «потенциал человека» позволяет выразить онтологическую основу, которая определяет основные отношения человека к миру: «Я – Ты (Другой)», «Я – Мы (общество)», «человек – культура» и «человек – природа» [6, с. 54-78]. Потенциал человека в онтологическом аспекте формируется, поддерживается и достигает максимальной реализации в вышеназванной системе «антропологических координат». Они представляют собой основные онтологические отношения человека и мира, формирующие «сущностные параметры человеческой природы» (М. Шелер). Столь высокая значимость данных отношений определяет эмпирически очевидный факт: проблемы во взаимодействии с хотя бы одной из вышеназванных сфер неизбежно обедняют человека, нарушают и ослабляют его целостность.

2. Содержание понятия «потенциал человека» имеет, с одной стороны, антиэссенциалистское звучание, а с другой стороны, совместимо с эссенциалистскими представлениями о наличии у человека сущности и (или) природы. При антиэссенциалистском понимании подчеркивается открытость, незавершенность человека, рассматриваемая как одна из главных особенностей человека. Данное понимание доминирует в современной философской антропологии (Ж. Батай, П. Слотердаjk, Б.Г. Юдин, С.А. Смирнов, С.С. Хоружий, Ф.И. Гиренок). Для эссенциалистского представления потенциал является мерой соотношения раскрытого и нераскрытого в природе человека.

3. Если исходить с эссенциалистских позиций, то любая трактовка понятия «потенциал человека» фундируется конкретно-историческим пониманием его природы. К примеру, если исходить из авторитетного тезиса марксизма о биосоциальной природе человека, то в содержание понятия «потенциал человека» обязательно войдет в качестве предикатов биологическое и социальное измерения человека. Следует уточнить: в споре о том, есть ли у человека природа или ее упраздняет история, будет обоснованным принять методологическую позицию, сформулированную К. Вальверде: «...история не разрушает природы, а совершенствует ее. ... человек имеет не только историю, но и природу» [5, с. 11]. Люди, независимо от исторической эпохи и культурной специфики, имеют общие черты.

Историчность понимания вопроса о природе человека определяет изменчивость представлений о потенциале как варианте репрезентации вопроса о возможностях человека. В контексте современного – неклассического – этапа развития философии будет обоснованным говорить о неклассическом понима-

нии природы человека. С методологической точки зрения это означает отказ от ее универсалистско-субстанционального понимания. Вместе с тем, следует понимать, что выводить содержание понятия «потенциал человека» из человеческой природы напрямую, без опосредующих звеньев, было бы возвратом к традиции понимания человека в XVII-XVIII вв., что не совсем обоснованно.

4. Предложенное в статье определение понятия «потенциал человека» будет совместимым и с объективистски-натуралистическим, и с субъективно-экзистенциалистским пониманием человека в философской антропологии. В первом случае в содержании понятия подчеркивается его генетическая основа, во втором – обусловленность свободным выбором человека, который относительно слабо детерминирован внешними обстоятельствами.

В качестве косвенного подтверждения данного тезиса возможно рассматривать факт, что представления о потенциале человека рассматриваются и в экономике, тяготеющей к объективистски-натуралистическому, и в психологии и педагогике, которые более близки к субъективно-экзистенциалистскому пониманию человека.

5. Понятие «потенциал человека» может оказаться востребованным и при рассмотрении новых тем антропологического дискурса. Одной из них является рассмотрение положения человека в контексте «постчеловеческого будущего» [см., напр.: 2; 16; 21]. В рамках названного дискурса перед философской антропологией возникает вопрос: если антиэссенциалистское понимание человека в дискурсе трансгуманизма оправдывает его «демонтаж» технологическими средствами ради создания Сверхчеловека эпохи NBIC-технологий, не означает ли это, что философская антропология испытывает дефицит концептуальных средств для описания подобной ситуации?

Вопрос является риторическим в контексте доминирования антиэссенциализма в современной отечественной и зарубежной философской антропологии (Ж. Батай, П. Слотердаик, Б.Г. Юдин, С.А. Смирнов, С.С. Хоружий, Ф.И. Гиренок). Действительно, если у человека нет природы (или) сущности, то с ним возможно сделать все, что угодно. Парадокс рассматриваемой ситуации состоит в том, что гуманистический пафос антиэссенциализма («человек – это свобода») оборачивается отчуждением человека в контексте «постчеловеческого будущего». Техника как средство, инструмент улучшения жизни людей становится целью, ради которой человека возможно «вынести за скобки» не только концептуально, но и онтологически.

В этой связи Б. Латур справедливо констатирует: «...нам *запрещено повторять ловкий ход Сартра*, который определяет человека через свободное существование, вырывающееся из природы, лишенной каких бы то ни было значений, поскольку мы наделили все квазиобъекты¹ действием, волей, значением и даже речью» [11, с. 219] (курсив наш). Логично предположить, что понятие «потенциал человека» позволит сформулировать «концептуальный барьер», осознать онтологическую границу, которую не следует переступать ни при каких преобразованиях человека. В отличие от различных вариантов антиэс-

¹ Объекты, наделенные признаками субъектности (прим. мое – В.Д.)

сенциалистской «антропологии границы» (православно-христианских, сциентистских или собственно философских), понятие «потенциал человека» позволяет концептуально осознать факт: внутри этой границы есть содержание, заслуживающее – как минимум – серьезного обсуждения вопроса о его значении.

6. Для полноты понимания значения понятия «потенциал человека» следует учесть его взаимосвязь с представлениями о человечности как интегральном показателе уровня развития отдельного человека. В качестве иллюстрации возможно вспомнить следующие понятия и концептуальные представления: «жэнь», или «гуманность» Конфуция (моральный абсолютизм), экзистенциально-феноменологическое понимание человечности (Э. Гуссерль, М. Бубер) как «...отвечающее сущности человека бытие в совокупностях, обусловленных связями внутри поколений и социальными связями» [4, с. 195], учение о невротической личности К. Хорни и понятие «социальное чувство», или «общинный дух» А. Адлера [1, с. 139-143] (психодинамическое направление в психологии), представления А. Маслоу о «сниженной человечности» (гуманистическая психология). Все они могут получить новую интерпретацию с использованием рассматриваемого в статье понятия.

В практическом аспекте это означает, что философско-антропологическое понимание проблемы потенциала человека может выступить в качестве концептуальной основы педагогики, в том числе и воспитательной работы в органах внутренних дел.

Подводя итог, следует признать не только принципиальную возможность использования понятия «потенциал человека» в философской антропологии, но и ее необходимость. Данное понятие позволит обогатить концептуальный арсенал и философской антропологии, и дисциплин, опирающихся на ее методологические идеи и представления (педагогика, психология, отчасти – социология, экономика).

Библиографический список

1. Адлер А. Наука о характерах: понять природу человека. – Москва: Академический проект, 2015. – 243 с.
2. Алиева Н.З., Некрасова Е.Г., Шевченко Ю.С., Ковальдина О.Г. Природа человека в контексте сверхтехнологий // Успехи современного естествознания. 2012. № 6. С. 203.
3. Аристотель Сочинения: в 4-х т. – Москва: Мысль, 1976. Т. 1. – 550 с.
4. Бубер М. Проблема человека / Два образа веры / под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лёзова. – Москва: Республика, 1995. С. 157-232.
5. Вальверде К. Философская антропология. – Москва: Христианская Россия, 2000. – 412 с.
6. Губин В.Д., Некрасова Е.Ф. Философская антропология: учебное пособие для вузов. – Москва: ПЕР СЭ, Санкт-Петербург: Университетская книга, 2000. – 240 с.
7. Краева О.Л. Диалектика потенциала человека: монография. – Москва, Нижний Новгород, 1999. С. 80-89.

8. *Краева О.Л.* Проблема потенциала человека в аспекте постнеклассической парадигмы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2002. № 1. С. 301-305.
9. *Краева О.Л.* Социально-философский анализ потенциала человека: дис. ... д-ра филос. наук. – Нижний Новгород: Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, 1999. – 390 с.
10. *Куркина М.П., Зотов В.В.* Человеческий потенциал как категория социального управления регионом // Бизнес информ. 2012. № 7. С. 53-56.
11. *Латур Б.* Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. – Санкт-Петербург: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. – 240 с.
12. *Липатова Т.Н.* Потенциал как категория социально-гуманитарной науки // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2010. № 3. С. 201-205.
13. *Маммаев Р.А.* Понятие потенциала как экономической категории // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Общественные науки. 2006. № 5. С. 53-55.
14. *Митрахович В.А.* Потенциал как педагогическая категория // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 9. С. 16-20.
15. *Михайлова Р.В.* Человек в мире культуры. – Чебоксары: Чувашский университет, 2008. – 88 с.
16. Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего / отв. ред. В. Прайд, А.В. Коротаев. – Москва: ЛКИ, 2008. – 320 с.
17. *Панкратов Н.В.* Возможные подходы к социологической реализации категории «человеческий потенциал» // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 129-132.
18. *Романова М.А.* Потенциал как общенаучное понятие // Инновации в образовании. 2011. № 2. С. 113-125.
19. *Черникова Д.В., Черникова И.В.* Расширение человеческих возможностей: когнитивные технологии и их риски // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2012. Т. 321. № 6. С. 114-119.
20. *Шафиков М.Т.* Потенциал: сущность и структура // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 1. С. 236-245.
21. *Ястреб Н.А., Никифоров О.Ю.* Человек в эпоху четвертой промышленной революции. – Вологда: Вологодский государственный университет, 2015. – 230 с.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА РОДИТЕЛЕЙ НА СВОБОДУ РЕЛИГИОЗНОГО ВОСПИТАНИЯ РЕБЕНКА: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 34.05

Кутько В.В.,

кандидат юридических наук;

Белкина К.А.,

студентка

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Аннотация: работа посвящена рассмотрению вопросов, связанных с особенностями реализации родителями права на религиозное воспитание своего ребенка. В ней авторы попытались проанализировать точки зрения российских и зарубежных авторов по данной проблематике.

Ключевые слова: религия, государство, реализация права, ценности.

PROBLEMS OF PARENTAL RIGHTS TO FREEDOM OF RELIGIOUS EDUCATION OF CHILDREN: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Kutko V.V.,

the candidate of juridical sciences;

Belkina K.A.,

the student

(Belgorod State National Research University)

Abstract: work deals with the issues related to the peculiarities of the implementation of the right of parents to religious education of their child. In it, the authors tried to analyze the point of view of Russian and foreign authors on the subject.

Key words: religion, the state, the implementation of the rights, values.

Эпоха перемен, начавшаяся в нашей стране в начале 90-х годов XX века, постепенно близится к своему логическому завершению. За последние двадцать лет принято большое количество нормативно-правовых актов, призванных привести в соответствие российское законодательство с ценностными ориентациями современного российского общества и нормами международного права. Социальные реформы, проводимые в настоящее время в Российской Федерации, обусловлены происходящими в мировом сообществе процессами глобализации [19, с. 16] и затрагивают каждого гражданина и одновременно естественные союзы граждан, каким является семья. Действующий Семейный кодекс РФ развивает конституционные нормы о защите семьи, материнства и детства государством. Особое внимание в данном документе уделено процессу воспитания.

Понятие воспитания включает в себя не только уход за растущим человеком, но и заботу о его духовно-нравственном становлении и личностном развитии. Поэтому воспитание представляет собой не только сугубо педагогическую категорию, но и общественное явление, подлежащее правовому урегулированию. Важной проблемой в развитии всех форм воспитания детей является незавершенность его правового регулирования. До сих пор в семейном законодательстве РФ отсутствуют положения, определяющие основные направления воспитания детей на современном этапе, указанные в Конвенции ООН о правах ребенка; нет специальных законов о правовом положении семьи и ее членов, нет нормативно-правовых актов, развивающих общие положения СК РФ о воспитании.

Индифферентность в вопросах веры не менее страшна, чем ложные ответы на неизбежные вопросы, поскольку свидетельствует об опустошенности души и поддерживает невежество. Религиозное мировоззрение, становление и развитие которого входит в задачи воспитания, дополняет, а не заменяет собой мировоззрение научное. Родитель должен помочь в поиске и нахождении правильных и конструктивных ответов на мировоззренческие вопросы [20, с. 11].

Воспитание не просто должно помогать ребенку войти в жизнь, но, по возможности, в лучшую жизнь. Это будет возможно, если научить его употреблять силы духа и тела для служения высшим идеалам и ценностям, а не для угождения своим слабостям.

Как было отмечено ранее, среди прав несовершеннолетних особое место занимает его право на свободу совести и религии. Это право несовершеннолетнего регулируется как внутригосударственным законодательством, так и международными правовыми актами.

Российская Федерация является светским государством (статья 14 Конституции Российской Федерации), в котором в качестве государственной и обязательной не может быть установлена ни одна религия. Вместе с тем устанавливается равенство и отделение религиозных объединений от государства.

Указанная статья непосредственно связана со статьей 28 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует каждому свободу совести и вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними [6].

Отметим, что в современном мире в конституциях многих государств закреплены нормы, которые в той или иной мере выражают отношение к религии. В некоторых государствах лишь закрепляется право на свободу совести и религии. Например, Конституция Польши определяет, что «свобода религии включает в себе свободу исповедовать или принимать религию по собственному выбору, а также индивидуально или вместе с другими, публично или частным образом, выражать свою религию путем отправления культа, моления, участия в обрядах, осуществления практик и обучения» [3]. Родители имеют право обеспечивать детям моральное и религиозное воспитание и обучение согласно своим убеждениям (статья 53 Конституции Польской Республики).

Наряду с Конституцией Российской Федерации на территории России действует ряд нормативных актов, которые непосредственно касаются данного права. В частности, особое внимание хочется уделить федеральному закону от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и религиозных объединениях». В этом законе особое внимание следует уделить статье 5, которая касается религиозного образования несовершеннолетнего. В ней, в частности, указывается, что воспитание и образование детей осуществляется родителями или лицами, их заменяющими, с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания. И именно по письменной просьбе указанных лиц образовательные организации могут предоставлять религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы [12].

Хочется отметить, что данное положение полностью соответствует статье 14 Конвенции о правах ребенка, в которой в частности указывается, что государства-участники уважают право ребенка на свободу мысли, совести и религии, уважают права и обязанности родителей и, в соответствующих случаях, законных опекунов руководить ребенком в осуществлении его права методом, согласующимся с развивающимися способностями ребенка [4]. Конвенция о правах ребенка является одним из главных международных документов, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 20 ноября 1989 г. [10, с. 4]. Этот акт считается первым сводом прав ребенка [14, с. 17].

Однако потребность в кодификации прав детей отмечалась намного раньше. Работы по обеспечению детям определенных стандартов датируются ещё периодом перед Первой мировой войной. Стоит отметить, что предметом обсуждения в отдельные годы были наиболее проблемные для тех лет вопросы. Так, например, в связи с нелегальной международной торговлей девочками, используемыми для проституции, в 1904 году в Париже была организована конференция, результатом которой было заключение европейскими государствами соглашения, которое запрещало такую практику. Оно было дополнено конвенцией, принятой в 1910 году, которая обязывала Государства-Стороны ввести в свои законодательства положения, регулирующие занятие проституцией несовершеннолетними женщинами. В свою очередь в 1922 году была создана Международная ассоциация опеки над детьми, целью которой было осуществление действий, влияющих на улучшение общего положения детей как с точки зрения закона, так и общества [13, с. 1].

Перелом наступил в 1924 г., когда Генеральной ассамблеей Лиги Наций была принята Декларация о правах ребенка, называемая также Женевской декларацией, однако, это, скорее, был свод, содержащий общие принципы в отношении прав ребенка, нежели их кодификацию [15, с. 4]. Она содержала 5 пунктов, которые должны были гарантировать право на воспитание, опеку и социальную защиту детей. В 1948 году Декларация была расширена за счет создания Хартии прав ребенка, которая добавляла очередные три пункта к документу, однако ни в Декларации, ни в Хартии никак не рассматривались вопросы религиозного воспитания ребенка [17].

В преамбуле в Конвенции о правах ребенка была принята основная роль семьи как ячейки общества, ответственной за процесс воспитания и привива-

ние ценностей, характерных для данной нации и культурного окружения. Уже в самом начале этого акта была подчеркнута роль родителей, которые являются основой семьи в формировании взглядов своих детей и, тем самым, в подготовке их к надлежащему функционированию в обществе [16, с. 162].

В декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений [1] закреплено, что родители или, в соответствующих случаях, законные опекуны ребенка имеют право определять образ жизни в рамках семьи в соответствии со своей религией или убеждениями, а также исходя из нравственного воспитания, которое, по их мнению, должен получить ребенок. Каждый ребенок имеет право на доступ к образованию в области религии или убеждений в соответствии с желаниями его родителей или, в соответствующих случаях, законных опекунов и не принуждается к обучению в области религии или убеждений вопреки желаниям его родителей или законных опекунов, причем руководящим принципом являются интересы ребенка.

В жизни ребенка огромную роль играет не только религиозное воспитание, но и образование, которое обеспечивает государство. Все вышеуказанные положения, как федерального закона Российской Федерации, так и международных правовых актов непосредственно связаны с таким правом несовершеннолетнего, как право на образование. Актом международного значения, который также стоит упомянуть, является Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования, созданная ЮНЕСКО в 1960 г. и ратифицированная Польшей в 1964 г. В соответствии со ст. 5 абз. 1 литера «b» родители и, в соответствующих случаях, законные опекуны должны иметь возможность, во-первых, в рамках, определенных законодательством каждого государства, свободно отправлять своих детей не в государственные, а в другие учебные заведения, отвечающие минимальным требованиям, предписанным или утвержденным компетентными органами образования, и, во-вторых, обеспечивать религиозное и моральное воспитание детей в соответствии с их собственными убеждениями [5].

Во время создания положения возникли также сомнения, была ли в него включена обязанность обеспечить религиозное образование в государственных учебных учреждениях, что могло существенно затронуть системы образования, функционирующие в отдельных государствах. Чтобы разрешить все сомнения, связанные с этим вопросом, была добавлена запись «в границах, очерченных законодательством каждого государства» [18, с. 27-28].

Религиозное воспитание несовершеннолетних осуществляется не только в стенах школы, но и в семье. В пункте 2 статьи 4 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» указано, что государство не вмешивается в воспитание детей родителями или лицами, их заменяющими в соответствии со своими убеждениями и с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания.

Семейное законодательство Российской Федерации не содержит какие-либо специальные положения, которые касались бы религиозного воспитания детей. В статье 63 Семейного кодекса Российской Федерации лишь указано, что родители обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Представляется, что это не со-

всем правильно, так как изо дня в день увеличиваются смешанные браки, браки между лицами разных вероисповеданий.

Разногласия в этом вопросе между супругами могут явиться серьезным основанием для семейных конфликтов, что, конечно, неблагоприятно отразится на интересах несовершеннолетнего.

В современной России супруги также имеют право составить соглашение об осуществлении родительских прав, в котором будут оговариваться права и обязанности каждого из них по религиозному воспитанию совместных детей. Вместе с тем понятно, что и заключение такого договора не является гарантией исключения конфликтов между родителями по поводу религиозного воспитания детей.

Примером того, что действия родителей могут быть обжалованы в вышестоящей инстанции, может служить дело «Никишина против РФ», рассмотренное в 2007 году в Европейском Суде по Правам Человека [8], в котором заявительница – гражданка РФ, получившая при расставании со своим фактическим супругом опеку над их совместным, рожденным вне брака ребенком, стала членом секты «Свидетели Иеговы». Заявительница вовлекала в религиозную деятельность малолетнего сына, против чего возражал отец ребенка. Пытаясь защитить сына, он обратился в районный орган опеки и попечительства с требованием передать ему ребенка, которое позднее было удовлетворено районным судом. Суд вышестоящей инстанции оставил решение без изменения. Европейский суд по правам человека встал на сторону истицы, указав, что нижестоящими инстанциями были нарушены права на уважение частной жизни, семейной жизни, на свободу мысли, совести и религии, а также право воспитывать и обучать ребенка в соответствии с собственными религиозными и философскими убеждениями.

Думается, что во избежание повторения аналогичного прецедента необходимо на законодательном уровне регулировать данный вопрос. Как отмечает А.М. Рабец, было бы не лишним закрепление в статье 63 СК нормы, согласно которой каждый из родителей вправе предоставлять ребенку информацию о вере, которую он исповедует, однако не вправе принуждать ребенка исповедовать ту или иную религию. По мере взросления ребенок, знакомый с информацией о религии, исповедуемой каждым из родителей, сам будет в состоянии разобраться в том, исповедовать ли ему какую-либо религию или не исповедовать никакой религии [11, с. 153].

В соответствии со ст. 18 абз. 4 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, государства-участники настоящего пакта обязуются соблюдать права родителей. Участвующие в настоящем Пакте государства признают, что в отношении пользования теми правами, которые то или иное государство обеспечивает в соответствии с настоящим Пактом, это государство может устанавливать только такие ограничения этих прав, которые определяются законом, и только постольку, поскольку это совместимо с природой указанных прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе [6].

На основании этого положения часто проводится обсуждение вопроса, пользуются ли дети на основании этого Пакта свободой выбора, в т.ч. религии, или же она реализуется при посредстве родителей. Следует отметить, что ст. 18 пункт. 4 не разрешает этот вопрос. По мнению Р. Верушевского, в связи с тем, что в ст. 18 абз. 1 присутствует фраза, что «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии», то, конечно же, нельзя ограничивать этот вопрос исключительно совершеннолетними, которые имеют полную дееспособность, поэтому им пользуются также дети. При этом он также отмечает, что в область этого права входит также право на выбор родителями пути получения образования и воспитания, связанного с религиозностью [21, с. 460].

В соответствии со ст. 2 Протокола №1 к Конвенции о защите прав человека и основных свободах, никому не может быть отказано в праве на образование. Государство при осуществлении функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать такое образование и обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениям [9].

Данное положение представляет собой обеспечение права родителей выбирать направление воспитания, что также может быть связано с выбором религии. Многие авторы считают, что эта статья предполагает, что основой семейной жизни является обеспечение родителям возможности воспитывать своих детей, передавая им исповедуемые самими собой системы ценностей, веры и убеждений. Используемое в этом урегулировании понятие «убеждений» следует рассматривать применительно к ст. 9 ЕКПЧ. Следовательно, давая определение «религиозные убеждения» следует признать, что это сведения, представляющие собой основу определенной веры, а из «философских убеждений» будет состоять своего рода система мировосприятия или концентрация на одном из аспектов человеческой жизни или поведения. Целесообразно также различать понятия «обучение» и «воспитание», потому что последнее охватывает гораздо более широкую область. «Обучение» тесно связано с передачей образовательного контента, или знаний. Если же речь идет о «воспитании», это многоступенчатый процесс, осуществляемый взрослыми в отношении детей, заключающийся в передаче им своей системы ценностей и прививании принципов, которыми они должны руководствоваться в жизни. Стоит также обратить внимание, что «воспитание» является элементом, который реализуется в каждой плоскости жизни, а не только в доме или школе, но также во всех иных местах [20, с. 556-558].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что с каждым годом права ребенка сокращаются, и поэтому необходимо внести некие изменения и дополнения в законодательство. Для конституционного права вопрос религии представляет особый интерес, поскольку на территории России в ходе исторического развития получили свое распространение различные верования. Как было сказано ранее, право на свободу совести и вероисповедания закреплено в статье 28 Конституции РФ и регламентируется ФЗ от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Каждый ребенок имеет право на защиту от неправомерных действий своих родителей по отношению к

нему. Поэтому необходимо в указанный ФЗ внести коррективы в виде того, чтобы право на свободу вероисповедания относилось не только к взрослому человеку, но и ребенку, который тоже имеет свое мнение и права.

При выявленных нарушениях прав детей или конкретного ребенка необходимо обратиться в суд, компетентные органы с просьбой о возбуждении дисциплинарного или административного производства в отношении лиц, в действиях которых усматриваются нарушения прав ребенка. Поэтому в нормах российского законодательства и международного права необходимо расширять возможности несовершеннолетних лиц в доступе к религиозным ценностям, соблюдая при этом определенные границы, чтобы ребенок не попал под влияние различных религиозных организаций, ведущих противоправную деятельность. На наш взгляд, ребенку должен быть дан выбор самостоятельно участвовать в споре, касающемся права на свободу совести и религии, а родители в данном случае должны выполнять роль «ночного сторожа», вмешивающегося в происходящее лишь в случае выхода за рамки правового поля, в иных случаях ребенок должен получать равный доступ и возможности духовно развиваться.

Библиографический список

1. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений / Принята 25.11.1981 Резолюцией 36/55 на 73-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН: электронный ресурс: режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml

2. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования. – Париж 15 декабря 1960 г.: электронный ресурс: режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/educat.shtml

3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990): электронный ресурс: режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.

4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. – Нью-Йорк 19 декабря 1966 г.: электронный ресурс: режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml

5. Конституция Польши от 2 апреля 1997: электронный ресурс: режим доступа: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/poland/poland-r.htm

6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря; 2009. 21 января; 2014. 07 февраля; 2014. 23 июля.

7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Российская газета. 1996. 27 января.

8. О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

9. О введении учебного курса ОРКСЭ: Письмо Минобрнауки России от 22.08.2012 № 08-250 // Администратор образования. 2012. № 20.
10. Постановление ЕСПЧ от 08.02.2007 «Дело Никишин (Nikishin) против Российской Федерации» (жалоба № 20515/04): электронный ресурс: режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2466721/2466721-001.htm>
11. Michalska A. Międzynarodowa ochrona praw dziecka w ONZ, «Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny» 1 (1985).
12. Górecka H., Góreck M. Ochrona praw dziecka w prawie międzynarodowym i jego realizacja w Polsce, Kraków – Olsztyn, 2001.
13. Garlicki J. Konwencja o Ochronie Praw Człowieka i Podstawowych Wolności. T. II. Komentarz do artykułów 19-59 oraz Protokołów dodatkowych. – Warszawa, 2011.
14. K. Myszone – Kostrzewa. Prawo międzynarodowe a prawa dzieci i ich rodziców [в:] Права ребенка в праве международном, ред. Е. Карска. – Warszawa, 2014.
15. Skrzypek M., Szlapka K. Prawa Dziecka w Unii Europejskiej. – Koszalin, 2003.
16. Żytko M. Jakie prawa mają dzieci // Nowa Szkoła. 1992.
17. Międzynarodowy pakt praw obywatelskich (osobistych) i politycznych. Komentarz. – Warszawa, 2012.
18. Daudet Y., Eisemann P.M. Commentary on The Convention Against Discrimination in Education, United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization.
19. Зайцева И.В., Шабалина Е.И. Развитие глобализационных тенденций в общественной мысли и культурной среде Древнего мира // Наука и образование в XXI веке: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 сентября 2013 года. Часть 32. – Тамбов, 2013.
20. Козырев Ф.Н. Гуманитарное религиозное образование. – Москва: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2010.
21. Рабец А.М. Ювенальное право Российской Федерации: учебник для магистров. – Москва: Юрайт, 2012.

ДВОРЯНСКАЯ ОПЕКА В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

УДК 364

Шахов В.В.,

кандидат исторических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина);

Лашина Л.С.,

кандидат исторических наук

(Белгородский государственный технологический университет
имени В.Г. Шухова)

Аннотация: в статье поднимается вопрос о законодательном закреплении внутрисословного дворянского корпоративного благотворительного учре-

ждения – дворянской опеки. Проводится анализ законодательных актов и историографии по данной проблеме.

Ключевые слова: дворянская внутрисословная благотворительность, социальное призрение, дворянская опека, опекуны, призреваемый.

NOBLE GUARDIANSHIP IN LEGAL ACTS OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

Shahov V.V.,

the candidate of historical sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia);

Lashina L.S.,

the candidate of historical sciences

(The Belgorod state technological university of V.G. Shukhov)

Abstract: in article the question of legislative fixing of intra class noble corporate charitable organization – noble guardianship is brought up. The analysis of legal acts and a historiography on this problem is carried out.

Key words: noble intra class charity, social contempt, noble guardianship, trustee, prizrevayemy.

Важным этапом на пути формирования основ внутрисословной дворянской благотворительности стало правление Екатерины II. Манифест 18 февраля 1762 г. «О даровании вольности и свободы дворянству» в значительной степени преумножил привилегии господствующего сословия. Реформа органов местного управления 1775 года, кроме всего прочего, коснулась такого важного аспекта социальной жизни, как благотворительность. В частности, была учреждена дворянская опека, имеющая на наш взгляд, не только социально-экономическое, но и политическое значение, так как ее целью было сохранение материальной основы существования дворянского сословия, являвшегося главной опорой абсолютизма. По этому поводу в документе сказано: «По силе 20 и 209 статей Учреждений при каждом уездном суде создается место под названием дворянская опека для дворянских вдов и малолетних» [9, с. 22].

Социально-экономическая и политическая обстановка в России на данный момент складывалась таким образом, что даже представители наиболее привилегированного сословия – дворянства ощутили необходимость в создании внутрисословных структур, направленных на поддержание оказавшихся в затруднительном положении представителей собственного сословия, основной задачей которых было призрение дворян и надзор за сохранностью их имущества.

Несмотря на то, что окончательное законодательное подтверждение опека получила только в Жалованной грамоте 1785 г., на наш взгляд, первые основы её деятельности были заложены еще в Учреждении об управлении губерниями, где целая глава была посвящена вопросам, связанным с опекой вдов и малолетних, которые остались без имени: «Буде же малолетный остался без

всякаго имения, тогда городской сиротский суд старается поместить малолетнаго, по состоянию его, или в общественных для сирых училищах, или у добродетельных людей, дабы научился науке, или промыслу, или ремеслу, и доставлен был ему способ учиниться добрым гражданином; вдовам же, у коих нет никакого имения, старается доставить пристанище и пропитание или работу, приличную их состоянию» [4, с. 432].

В Уложении 1775 г. были четко прописаны все этапы деятельности опеки, а также права и обязанности сторон:

О приеме имения малолетнего. «Опекун принимает движимое и не движимое имение опекаемого по описи в свое смотрение и ведомство» [4, с. 432].

О сбережении движимого имения малолетнего. «Принятое же опекуном в своё смотрение и ведомство движимое имение и всякие вещи опекун хранить имеет в удобных и безопасных местах, дабы от худого смотрения или небрежения повреждены, утрачены или изтреблены (растрчены) быть не могли» [4, с. 432].

О верных приходных и расходных книгах. «Приходам и прибыли по торгам, или промыслам, или имению, малолетнему принадлежащему, опекун долженствует вести верные и точные приходный, а расходам – расходный книги погодно и старается, чтоб прибыль или приход собраны и выручены были в свое время, а расходы производились без излишества» [4, с. 433].

О особе малолетнего, о его содержании и воспитании. «О особе и здравии малолетнего опекун имеет наиприлежное попечение и всячески старается, дабы малолетний воспитан был в страхе божием, ...в удалении от всех злых примеров, сердце и нрав от самого детства развращающих и повреждающих, и для того ...надлежит определить к малолетнему по необходимости только нужных людей для услужения и воспитания, людей добрых и поведения непорочного, ...дабы мог он быть воспитан в добронравии и добродетели, и в знании приличного его состоянию промысла или ремесла» [4, с. 433].

О послушании к опекунам и о порядочном опекунском управлении. «Буде же за малолетним случатся фабрики или заводы, а при них люди и крестьяне, то опекунам надлежит содержать фабрики, заводы и людей малолетнего в таком состоянии, чтоб малолетний получал с них принадлежащие ему доходы, государственные поборы бездоимочно выплачены были в определенное время; крестьяне же и люди и все, малолетнему принадлежащее, в добропорядочном положении сохранено пребыло» [4, с. 434].

О взыскании долгов с заемщиков. «Опекун долженствует обратить внимание и на прочие дела малолетнего, и буде есть закладные, или вексели, или долги, то опекуны взыскивают оные деньги в сроки с заемщиков, а в случае неплатежа закладные для записи объявляют, где по законам надлежит, и просьбу производят, и пошлины платят из доходов малолетнего, вексели же в срок протестуют, и долги взыскивают, деньги же малолетнего отдают в узаконенные проценты на верные вексели или закладные или же употребляют их в торги, промыслы тому подобное» [4, с. 434].

О заплате долгов малолетнего. «Буде же случится, что имение малолетнего отягощено долгами, то опекуны стараются из приходов и из оставшейся за расхо-

дами прибыли неоспоримые долги уплачивать, сохраняя во всем доверие или кредит малолетнего, и имение его освободить от всякого долга...» [4, с. 435].

Дворянский опекунский совет через губернское правление назначал опекуна из числа местных преуспевающих дворян-помещиков. Опекуну «надлежало быть с доброхотством, кротку, человеколюбиву, попечительну, радиву и усердну к пользе малолетнего» [4, с. 435]. Опека распространялась на имения, «которые были в хозяйственном отношении разорены или по болезни, малолетству владельца за 5% дохода в пользу опекуна от поместья, переходившего под его хозяйственный контроль» [10, с. 197]. Учрежденные по уездам опеки находились в непосредственном ведении председательствовавших в них уездных предводителей и 2-4 заседателей, избравшихся дворянскими собраниями [6, с. 166].

Проект устава дворянских опеки был составлен собранием господ губернского и уездного предводителей и депутатов дворянства Курской губернии. Проект имел следующее содержание:

§ 1. Дворянские опеки налагаются с целью попечения о личности и охране имуществ дворян.

§ 2. Дворянские опеки учреждаются над лицом и имуществом как совокупно, так и отдельно, немедленно по получении известия о том, что они подлежат опекунству:

а) над лицами и имуществом совокупно налагается опека вследствие:

- малолетства до 17 лет;
- сумасшествия;
- немоги;

б) над имуществом без отношения к лицу:

- лишенных прав состояния впредь до признания прав владения наследников;
- безвестно отсутствующих;
- расточителей;
- над имуществом спорным;
- над имуществом, дошедшим к малолетним.

§ 4. Определение размера процентного сбора с чистого дохода опекаемых имуществ на содержание опекунских учреждений и лиц, распоряжающихся имуществом опекаемого [8, с. 247].

§ 26. Опека состоит из губернского и уездных предводителей и депутатов дворянства, а также почетных опекунов, избираемых губернским дворянским собранием в числе не менее четырех лиц.

§ 27. Почетные опекуны в служебных правах и имуществах сравниваются с уездными предводителями дворянства и жалование не получают [8, с. 261].

§ 30. Губернская дворянская опека имеет право:

а) продажи и залога недвижимых имуществ опекаемого и тех из движимых, как по существующим постановлениям не подлежат распоряжению опекунов;

б) раздела опекаемого имущества, если нет споров.

§ 32. Дела о признании расточительности решаются губернской опекою окончательно и немедленно вступают в законную силу до утверждения их Сенатом, в котором они представляются лишь на ревизию. При возбуждении этих дел губернская опека немедленно, не ожидая их решения, сообщает о наложении запрещения на имущество лица, о котором возбуждено дело [8, с. 262].

Сводные опекунства.

§ 41. Если у опекаемого есть имущество в разных уездах одной губернии, то по ходатайству семейных советов или опекунов губернская опека сосредотачивает опеку при одной из уездных или окружных опеке губернии.

Опекуны.

§ 46. Опекуны назначаются над личностью и имуществом в совокупности и порознь.

§ 47. Опекуны получают вознаграждение из чистого дохода с имения опекаемого: размер этого вознаграждения определяется уездной или окружной опекой, согласно указаниям губернских дворянских собраний, но во всяком случае вознаграждение не должно превышать 10% чистого дохода.

§ 48. Опекуны предоставляют свои отчеты уездным или окружным опекам не позже 1 февраля ежегодно [8, с. 420].

§ 54. Права, обязанности и ответственность опекунов остаются на прежнем основании со следующими дополнениями:

а) за несвоевременное предоставление отчётов по опекаемым имениям дворянские опеки имеют право подвергать неаккуратных опекунов в дисциплинарном порядке денежному штрафу до 100 руб.;

б) при очевидном же уклонении опекунов от исполнения этой обязанности привлекать их к судебной ответственности и налагать запрещения на их имения впредь до предоставления отчетов;

в) имущественные опекуны, соопекуны и опекунши должны иметь известный имущественный ценз или внести залог, размер того и другого определяет губернское собрание.

§ 57. Все суммы, принадлежащие опекаемому, за исключением требующихся на текущие расходы, представляются опекуном без промедления в уездную или окружную опеку, которое хранит их в банке или казначействе [8, с. 262].

§ 58. По достижению опекаемым возраста 17 лет ему предоставляется непосредственное участие в управлении своим имением с согласия, избранного семейным советом и утверждённого опекой попечителя.

§ 59. Попечитель пользуется всеми правами опекуна с той только разницей, что ведет хозяйство по обоюдному согласию с несовершеннолетним, причем имеет право, если признает то возможным, разрешить управление всем имением или частью его самому несовершеннолетнему под непосредственным своим надзором.

§ 62. Всякие долговые обязательства, выданные несовершеннолетним без согласия попечителя, считаются недействительными до 21 года [8, с. 279].

Какую роль играла опека в жизни русского дворянства Центрально-Черноземного региона? Ответить на этот вопрос нам позволяет анализ документов делопроизводства в данных учреждениях.

В каждой уездной дворянской опеке имелась ведомость, в которую вносились имена призреваемых дворянских детей, их возраст, место нахождения в данное время и фамилия опекуна с полной росписью принадлежащего им имущества (см. табл. 1).

Таблица № 1

Ведомость Старооскольской дворянской опеки, сколько состоит в ней малолетних дворянских детей вместе с имуществом и кто определен им в опекуны [1, л. 2,3]

№	Имя и фамилия малолетних	Сколько им лет	Где малолетние находятся	Вид и количество имущества	Кто к ним определен в опекуны
1	Умершего коллежского комиссара Георгия Жулинова малолетние дети Сыновья 1-й Федор 2-й Дмитрий 3-й Василий 4-й Захар Дочери 5-й Анна 6-й Аграфена	 23 20 16 9 18 12	 Находятся на военной службе Находятся при опекунах	Земли, принадлежащие им, 59 четвертей. Крестьяне – по 5-й ревизии одна душа. В опеку поступили 1794 года октября 6 числа.	Опекун – родная мать их, коллежская комиссарша Дарья Иванова, дочь Жулинова
2	Умершего коллежского асессора Петра, Лукина сына малолетние дети Сыновья 1-й Федосей 2-й Петр 3-й Николай	 23 15 11	 Находятся на военной службе	Земли, принадлежащие им, 1602 десятины, положенных по 5-й ревизии и малороссийских 199 душ. В опеку поступили 1796 года, апреля 7 числа.	Опекун – родная мать их коллежская асессорша Марья Николаевна, дочь Раевская.
3	Умершего титулярного советника Александра Алексеева, сына Бабакина, малолетняя дочь Клеопатра – 2 лет, (от сего года марта 27 числа опека донесла, что она умерла)			Земли, принадлежащие им, 12 десятин. Положенных по 5-й ревизии крестьяне – 8 душ. В опеку поступила 1798 года октября 17 числа, а сего 1800 года 20 апреля. За смертью наследницы оное имение из опеки исключено.	Были опекуны – родная мать малолетней Ольга, Григорьева дочь, и бабка – надворная советница Анна Смелянова, дочь Бабакины.

4	Умерших майора Григория Андрееки сына и жены его Проскевы Алексеевой дочери Бирзениевых малолетние дети Сыновья: 1-й Алексей 2-й Андрей	20 8	Находится на военной службе Находится при опекунах	Земли, принадлежащие им 20 четвертей положенных по 5-й ревизии крестьян – 20 душ. В опеку поступили 1799 года июня 11 числа.	Опекун родной дядя их.
5	Умершей губернской секретарши Праскевы Казьменой, дочери Моисеевой малолетний сын Александр Семенов	5	Находится при опекунах	Земли принадлежащей ему отмежёванной – 268 десятин в чересполосном владении 23 четверти. Положено по 5-й ревизии – 5 душ. В опеку поступил 1799 года июля 30 числа.	Опекун родной дядя – поручик Александр, Степанов сын.
6	Умерших приказчика Михайлы Никитина и жены его малолетние дети Сыновья: 1-й Андрей 2-й Егор 3-й Алексей 4-й Лука 5-й Семен Дочь: Елена	 27 25 22 20 10 14	Находятся на военной службе Находятся при опекунах	Земли, принадлежащие им – 485 десятин. Положенных по 5-й ревизии крестьян – 64 души. В опеку поступили 1800 года, февраля 28 числа.	Опекун – прапорщик Иван Яковлев, сын Русаков.

Из документа видно, что с 1794 по 1800 год в опеку поступило 18 дворянских детей. Такое количество опекаемых по одному только старооскольскому уезду отражает актуальность данного корпоративного учреждения и его значимость для высшего сословия. В данном случае причиной взятия в опеку являлась смерть обоих родителей или смерть отца. Со второй половины XVIII до начала XIX века такая причина взятия в опеку дворянских детей была наиболее распространённой. В случае смерти отца опекуном детей, как правило, становилась их родная мать. Тем не менее, дворянская корпорация считала необходимым условием наличие контроля со стороны опеки даже за деятельностью матери.

Так, например, в одном из дел Корочанской дворянской опеки «Об отдаче в опеку имения покойного титулярного советника Дмитрия Скурыдина», который, по словам его отца малоархангельского помещика Никиты Скурыдина,

«с 1787-го году определен был в городе Щеграх в соляные приставы казенной палаты, где, находясь, того года, ноября 29 дня скоропостижно умер» [3, л. 2].

В Покорнейшем прошении, поданном отцом умершего Дмитрия Скурыдина на имя орловского и курского генерала-губернатора, графа Антона Богдановича Дебалмена, проситель, указывая причину необходимости опекунства над именем сына, сообщает, что «по смерти тестя его, корочанский помещик корнет Иван Михайлович сын Илычникова с женою своею Любовью Микятичною, дочерью сего, сына моего женою, а моею невесткою Катериной Ивановой дочерью, как серебрянные деньги, так и ассигнации равным образом и векселя, платье, посуду серебряную и оловянную и всякие мелкие пожитки из квартиры вывезли вон и увезли с собою в дом в корочанскую округу в деревню свою Вихровку» [3, л. 2].

Кроме всего прочего, основной причиной, вызывавшей необходимость отдачи имения в опеку, было то, что у бывшего титулярного советника остался малолетний наследник, которому, собственно, и должно было перейти отцовское имущество. Говоря об этом, Никита Скурыдин ссылается на упомянутый нами ранее документ «Учреждения для управления губернией» 1775 года.

Данная информация позволяет судить о том, что на территории Центрального Черноземья с 1775 года на законных основаниях существовали и функционировали дворянские опеки, являвшиеся одной из привилегий пожалованных высшему сословию Екатериной II.

Документ 1775 г., положивший начало развитию и юридическому закреплению корпоративных прав дворянства, находит отражение в работах исследователей. В частности, Б.Н. Миронов в двухтомнике «Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XIX в.)» подробно рассматривая привилегии, данные дворянству «Жалованной грамотой» 1785 г., упоминает о том, что «корпоративные права в несколько меньшем объеме были пожалованы дворянству еще в 1775 году» [7, с. 379].

А.П. Корелина в работе «Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг.», рассматривая деятельность дворянских корпоративных органов, пишет: «Сословным учреждением, которое общества также пытались использовать для поддержания экономического положения своих членов, была дворянская опека, существовавшая еще с 1775 года» [6, с. 166].

Тем не менее, следует отметить, что история такого корпоративного института внутрисословной дворянской благотворительности как дворянская опека до сих пор остается мало изученным в отечественной историографии.

Наметившийся со второй половины XIX в. общий упадок дворянских хозяйств приводил к постоянному росту потребности в опеке. Примером тому может служить факт, связанный с установлением опеки над имением малолетнего Дмитрия Шереметева, что говорит о том, что XIX век стал нелёгким даже для столь известного и мощного хозяйства. В год смерти доживавшего свой век в Борисовской вотчине Н.П. Шереметева, задолженность имения была равна его годовому доходу. По «Высочайшему повелению» над Дмитрием была учреждена опека [2, л. 24, 25].

Кроме малолетних дворян, призрению подлежали и вдовы, о чем в «Жалованной грамоте» дворянству было сказано: «По силе 213 статьи учреждений дворянской опеке поручается попечение не только об оставшихся после дворянских родителей малолетних сирот и их имении, но и о вдовах и их делах» [9, с. 36].

В документальных источниках содержится материал о призрении малолетних и вдов дворянского сословия. Но на самом деле анализ архивного материала показал, что были и другие причины взятия имений в опеку, а именно:

- за недоимки по казенным сборам;
- за расточительство;
- за ненадлежащее содержание помещичьего хозяйства;
- по болезни владельца имения.

Таким образом, подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что на территории Центрального Черноземья в XVIII – XIX вв. существовала и успешно функционировала система дворянской внутрисословной благотворительности, важнейшее место в которой занимало такое учреждение, как дворянская опека. Анализ документов показывает, что свою деятельность оно начало с 1775 г., получив юридическое обоснование в «Учреждении для управления губерниями», изданном Екатериной II, и получило развитие в XIX веке.

Библиографический список

1. Государственный архив Белгородской области (далее – ГАБО). Ф.147. Старооскольская дворянская опека. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-3.
2. ГАБО. Ф. Р-1667. Охрименко И.Г. Очерки истории Борисовского района. Оп. 1. Д. 17. Л. 24-25.
3. ГАБО. Ф.149. Корочанская дворянская опека. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
4. Законодательство Екатерины II: в 2-х т. – Москва, 2000. Т. 1. – 546 с.
5. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России. IX-XIX ст.: исторический очерк // Русская мысль. 1910. № [2], III. – 155 с.
6. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. – Москва: Наука, 1979. – 303 с.
7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): в 2-х т. – 3-е изд., испр., доп. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. – 549 с.
8. Проект устава дворянских опеки и попечительства составленный собранием господ губернского и уездных предводителей и депутатов дворянства Курской губернии // Голос землевладельцев. 1892. № 14. С. 247.
9. Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. – Москва: Юридическая литература, 1987. – 528 с.
10. Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. – Белгород, 2002. – 287 с.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В НАЧАЛЕ 90-х гг. XX ВЕКА

УДК 364

Лашина Л.С.,

кандидат исторических наук

(Белгородский государственный технологический университет
имени В.Г. Шухова);

Шахов В.В.,

кандидат исторических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье раскрываются основные проблемы формирования Российской Федерации в переломный момент истории. Содержится анализ политики российского руководства в период реформирования постсоветской системы. Дается фактический материал.

Ключевые слова: экономический федерализм, этнос, этнокультурное сообщество, модернизация, суверенитет.

PROBLEMS OF FORMATION OF RUSSIAN FEDERALISM IN THE EARLY OF THE TWENTIETH CENTURY

Lashina L.S.,

the candidate of historical sciences

(the Belgorod state technological university of V.G. Shukhov);

Shahov V.V.,

the candidate of historical sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: in the article the main problems of formation of the Russian Federation at a critical moment in history. Contains an analysis of the policy of the Russian leadership in reforming the post-Soviet system. Given the actual material.

Key words: economic federalism, ethnos, ethnocultural community, upgrade, sovereignty.

Становление современного экономического федерализма и развитие федеративных отношений немыслимо без учета как исконных (природных, культурных) особенностей Российского государства, так и преходящих особенностей, обусловленных региональной политикой в СССР и экономической политикой 90-х годов.

Исконные особенности нашей страны.

1) огромная территория – Россия является второй по численности в мире после Канады. Это и позитивный фактор развития (обилие ресурсов, разнообразие).

разие условий), и негативный (низкая плотность населения, трудности взаимодействия частей, затраты на преодоление больших расстояний);

2) суровая природа – Россия расположена в суровом северо-восточном углу Евразии, 3/4 ее территории покрыто тундрой и тайгой на вечной мерзлоте, лишь пятая часть удобна для распашки, да и эта часть лежит в зоне рискованного земледелия;

3) контрасты размещения – 3/4 населения сосредоточены в европейской части, которая составляет лишь 1/4 территории страны. Основная часть ресурсов расположена далеко от главных хозяйственных центров;

4) противоречивость географии – разнообразие природы уживается с ее монотонностью вдоль обжитой полосы; отсутствие гор, рек, затрудняющих сообщение; пестрота наций уживается с подавляющим преобладанием одной из них; жесткий государственный централизм – с традиционной автономией отдаленных окраин;

5) ослабленность в русской культуре реакции на пространство (сравнительно слабое чувство расстояния, границы, места). Частично это связано с особенностями природы (расстояния слишком велики, природные рубежи выражены). Это свойство примиряло россиян с централизмом управления, они привыкли определять свое географическое положение по административно-территориальному делению, а не по историко-культурным районам, как большинство народов мира. Все это помогало русским расширять ареал своего расселения, но мешало и мешает им осваивать его.

Особенности советского периода нашей истории.

В 1922 г. на территории СССР существовало 33 национально-государственных и национально-автономных образований (включая РСФСР и ЗСФСР), в то время как число народов превышало 120; эти народы делились еще примерно на 800 этнокультурных сообществ [5, с. 65]. В составе РСФСР существовало 22 из 26 автономий того времени.

В 30-е годы резко увеличилось – с четырех до пятнадцати – число «союзных республик»: из них четыре были созданы за счет присоединенных территорий, пять – за счет выделения из РСФСР, три – в результате распада Закавказской Федерации. Существенно, в полтора раза (до 38), возросло число автономий, появилось жесткое их ранжирование (автономные республики, области, округа). В итоге к 1989 г. под названием СССР мы видим нечто совсем иное, чем в 1922 г. Тогда были три государства, вышедшие из империи, а затем, когда сама она, превратилась в республику (давшую явным национальным меньшинствам в своем составе автономию), «вступившие с ней в Союз». Накануне неуправляемого распада это был уже конгломерат 53-х национально-территориальных образований с несколько меньшим, чем в прошлом, различием в размерах.

На территории Российской Федерации было создано 16 автономных республик и 15 автономных областей и округов, причем только в нескольких из них «титულიная» национальность насчитывала больше половины населения. В других республиках, несмотря на многонациональный состав населения, имелись лишь три автономии в Грузии, две в Азербайджане и по одной в Узбе-

кистане и Таджикистане. В Казахстане, где на долю «титულიной» национальности приходилось значительно меньше половины населения (в 1983 году там проживало 15,5 миллиона человек, тогда как казахов во всем Союзе насчитывалось 6,5 миллиона), не существовало никаких автономий, а русские при этом составляли примерно половину всего населения [4, с. 12]. Само собой разумелось, что основная масса номенклатурных должностей занималась представителями «титულიной» национальности.

В связи с этим можно выделить целый блок причин распада СССР:

I. «Этносоциальные причины» кроются в разнице культур, стремлении народов к национально-культурной независимости, отождествляемой с государственной независимостью. В СССР существовало пять ведущих типов этнокультурных сообществ: православное, протестантское, католико-униатское, мусульманское и буддистское. Наряду с восточно-христианским (армянским) и патриархальными сообществами народов Севера все они были в той или иной степени территориально обособленными. Эти территории зачастую имели особый статус союзных республик или автономий, что явилось предпосылкой для оформления в них националистических сепаратистских движений. Этносоциальные различия побудили к отделению республик Прибалтики, инициируют суверенизацию мусульманских и буддистских республик России.

К тому же в последней четверти XX в. над империей сгустились тучи. С одной стороны, их нагоняли ветры мировых перемен уходящего столетия, а с другой – глубокие трещины советского государства, в которые устремлялись нерешаемые десятилетиями наболевшие проблемы. Мировые перемены проявились прежде всего в кризисах индустриализма и национальной государственности, глобализации мировой экономики и послевоенного устройства мира. Внутренние проблемы Советского Союза накапливались по мере нарастания противоречий между имперской формой его существования и углублением модернизации; гипертрофированным развитием военно-промышленного комплекса и сдерживанием прогресса гражданских отраслей, утверждения в них высоких технологий; жестким укладом командно-административной системы и требованием перемен в обществе. Все это привело к глубокому кризису империи и ее гибели. В связи с этим определяется второй блок причин.

II. Историческая предрасположенность. Она связана с рассмотренными противоречиями империи и модернизации. Хотя развитие империи теснейшим образом переплеталось с модернизацией, инициируя и постоянно подталкивая ее, она же и уничтожила традиционную империю. А незавершенность российской модернизации, неспособность Советского Союза выйти на постиндустриальный виток развития, в конечном счете, привели к распаду великого государства, к потере исторической возможности его трансформации в мощную современную державу.

Непосредственным поводом к этому послужило объявление, а затем и реализация принципа самоопределения наций, составлявших великую страну. Стремление формирующихся национальных государств разрушить империю – яркий индикатор процесса этнополитической модернизации. Возможность распада советской империи была изначально заложена в тех основах, на кото-

рых строился СССР. Все входившие в него республики и созданные в них автономные образования были сформированы по национальному признаку, хотя в некоторых регионах нация, давшая имя республике или автономной области, составляла меньшинство ее населения. За каждой республикой признавалось право свободного выхода из Союза, чего нет ни в одной федерации мира. Право выхода из Союза подтверждалось Конституциями СССР 1936 и 1977 гг., а в последней к тому же был провозглашен безусловный суверенитет каждой союзной республики. Делалось это в пропагандистских целях, для украшения политического фасада: руководители СССР были уверены, что этими правами никто и никогда не воспользуется – вернее, не осмелится воспользоваться.

Действительно. СССР оставался нерушимым, пока существовала строго однопартийная система и страна не вошла в экономический и политический кризис. Но он не выдержал первых же испытаний демократией и свободой. Как только ослабла зависимость руководителей промышленности и сельского хозяйства от центра, директивная плановая экономика оказалась дезорганизованной. Предоставленные самим себе хозяйственники вышли из-под партийно-государственного контроля, сокрушив прежнюю систему управления де-факто, до начала рыночных реформ. Сокращение функций министерств и лишение центрального партийного аппарата властных полномочий, возможности устанавливать директивные плановые задания, лимиты снабжения, назначать цены на продукцию разрушили «нервную систему», объединявшую экономическое и правовое пространство СССР.

Особенности экономического федерализма советского периода нашей истории:

1) гигантизм, гиперконцентрация – упор на гигантские предприятия, крупнейшие центры, главные регионы-локомотивы. В основе – идеологические мотивы (стройки коммунизма, кузницы пролетариата). Следствия – монополизм суперзаводов, удлинение связей, гипертрофия столичных городов, кризис малых, упадок сельской местности;

2) гиперспециализация регионов и центров на узком наборе видов хозяйственной деятельности при неразвитости сферы услуг. Из-за этого регионы оказываются в сильной зависимости извне, появляется обилие «закрытых городов». Экономические связи замыкались лишь в масштабах «единого народнохозяйственного комплекса» (что препятствовало развалу страны на самостоятельные части);

3) сращивание производства с социальной сферой – обилие предприятий с собственным жилым фондом, подсобным хозяйством, больницей и т.п. (города при заводах, которые нужно закрывать);

4) сильные территориальные контрасты. В 1990 году, накануне реформ, душевой национальный доход, пущенный на потребление, колебался от 4 тыс. рублей в год в Москве до 1,3 тыс. в Дагестане. Громадны были и контрасты в экономике – например, в эффективности производства, в благосостоянии, инвестициях, милитаризованности и т.п. Поэтому к началу реформ и перехода к федеративному государству в России существовали регионы, находившиеся на весьма удаленных друг от друга этапах общественного развития, – от доинду-

стриального (Тыва или Дагестан) до постиндустриального (Москва, Санкт-Петербург).

Особенности периода 1991-1995 годов.

1) распад бывшего СССР вызвал развал в хозяйстве связей и повсеместное снижение уровня производства, особенно в регионах с концентрацией ВПК;

2) либерализация цен положила конец многолетнему периоду подавленной инфляции, сделала ее открытой. Инфляция породила целый ряд негативных процессов в экономике регионов, самым непосредственным образом сказывающихся на формировании федеративных отношений как между регионами и центром, так и между самими регионами. Речь идет о следующих процессах:

– возникли серьезные ценовые перекосы, в результате чего межрегиональные различия в уровне жизни еще больше возросли, усилилась напряженность между рядом регионов. Так, по уровню среднемесячного денежного дохода на душу населения разброс между наиболее богатыми (Москва, Тюмень) и наиболее бедными (Северный Кавказ) регионами достиг к сентябрю 1994 года почти пятикратного размера [2, с. 83];

– появился мощный импульс для развития нерыночного, бартерного обмена под контролем местных властей, препятствующего углублению экономических реформ, ведущего к натурализации хозяйства ряда регионов;

– в некоторых регионах власти использовали инфляцию как повод для консервации элементов старой хозяйственной системы (нормированное распределение товаров, жесткий контроль над ценами и т.д.);

– слабо контролируемый рост цен время от времени вызывает приступы кризиса наличности, побуждая регионы к введению собственных денежных суррогатов, разрывающих единое денежное пространство страны, ведущих к самоизоляции;

3) инфляция и другие обстоятельства подорвали стимулы к долгосрочному инвестированию, еще больше усугубив трудности промышленных регионов. Результатом стал технологический откат всей российской индустрии, что было чревато частичной утратой национального суверенитета;

4) инфляция, отсутствие эффективной системы банкротств и несовершенство банковской системы привели к кризису взаимных платежей предприятий, что в свою очередь привело к временной остановке предприятий и разрыву экономических связей уже внутри России.

Все эти процессы и явления самым серьезным образом сказывались на развитии вертикальных и горизонтальных связей, вели к свертыванию тесных взаимоотношений, традиционно существовавших между регионами России в различных сферах жизнедеятельности, замедляли, а порой и серьезно деформировали формирование федеративных отношений.

Начало 90-х годов ознаменовало преобладание тенденции к регионализации экономики страны, приобретающей черты как политического, так и экономического сепаратизма. От идей национального суверенитета в республиках (выливавшегося в установлении одноканальной налоговой системы в Татарстане и Башкортостане, заявлении о независимости Чечни) до самостоятельного поиска многими регионами выхода из экономического кризиса, поразившего

всю страну. Наиболее яркие примеры – эксперименты в Нижегородской области, г. Москве, Шаховском районе Московской области, где предпринимались попытки проведения приватизации в более цивилизованных формах.

Примерно к этому же времени относится пик популярности «свободных экономических зон», охвативших огромные пространства – от расположенных в непосредственной близости от границы Находки и Калининграда до древнего Новгорода и глубинного Алтайского края.

По существу это была попытка ряда регионов, населенных русскими, получить ту же степень экономической независимости от центра («суверенитет»), какую получали в то время бывшие автономии Российской Федерации, не говоря уже о бывших союзных республиках. Сходная цель просматривалась и в попытках некоторых областей, прежде всего Свердловской, провозгласить себя республиками. Хотя при этом нельзя сбрасывать со счетов и другие, внеэкономические факторы сепаратизма. Иллюзия того, что отделившаяся от целого часть будет жить лучше целого, несколько лет будоражила воображение и сибиряков (идея Сибирской Республики), и дальневосточников (Дальневосточная Республика), и жителей (вернее, в большей степени политиков) целого ряда других регионов России.

Об углубляющемся неравенстве между регионами свидетельствует стремительный рост числа дотируемых из федерального бюджета субъектов РФ. Более половины поступлений в доходную часть федерального бюджета обеспечивали всего 12 территорий, в том числе Москва (22%), Московская область (6%), Санкт-Петербург, Свердловская, Нижегородская, Самарская, Челябинская области, Ханты-Мансийский автономный округ (по 3-4%) [3, с. 18]. В то же время многие территории не только не были в состоянии перечислять сколько-нибудь значительные суммы в федеральный бюджет, но и сами оказались во все большей зависимости от финансовой поддержки центра.

В начале 90-х на региональные бюджеты в России приходилось 79% всех государственных расходов на социальную сферу и 64% всех расходов на народное хозяйство. Однако значительная часть этих расходов в регионах не была обеспечена местными налоговыми ресурсами, остальные приходили в виде дотаций из центра. Зависимость субъектов Федерации от федеральных властей особенно ярко проявляется при сравнении между собой суммы федеральных дотаций в регион и суммы федеральных налогов, отправляемых в федеральный бюджет данным субъектом РФ. Для того, чтобы оценить реальную величину зависимости регионов от центра и получить сравнимые результаты, разница между налогами и дотациями берется в расчете на душу населения. В среднем по России этот показатель был равен в 1993 году примерно 16,5 тысяч рублей на человека.

Но наблюдаются диспропорции во взаимоотношениях регионов с федеральным бюджетом. Здесь с большим отрывом от всех остальных субъектов Федерации лидировала Тюменская область, где в расчете на душу населения налоги превышают дотации на сумму 64,91 тысяч рублей на человека, Самарская область (25,96), Ярославская (20,74), г. Москва (20,42), Нижегородская область (18,15).

В то же время среди доноров нет ни одной республики. Все они относятся к дотационным регионам. Первое место занимает Республика Коми с разницей налогов и дотаций в расчете на душу населения - 59,00 тысяч рублей на человека, на втором – Северная Осетия – Алания (57,68), на третьем – Тыва (13,44), на четвертом – Татарстан (10,27) [1, с. 207]. Столь очевидная дотационность республик имела сложные причинно-следственные связи и по-разному видилась из Центра и республик. Но со всей очевидностью она приводила к не санкционированному перераспределению созданного общими усилиями национального дохода в пользу населения отдельных территорий [1, с. 43]. В практике федеративных отношений эти социально-экономические диспропорции вели к росту напряженности во взаимоотношениях между краями и областями, с одной стороны, и республиками, с другой. Заявление осенью 1994 года Пермской областной думы о выходе области из договора об общественном согласии в знак протеста против льгот и преимуществ Башкортостана в финансовой сфере – один из симптомов острых экономических противоречий между республиками и областями, негативно сказывающийся на развитии федеративных отношений. Таким образом, ничто так не подрывало доверие в федеративном государстве, как экономическое неравенство в межбюджетных отношениях.

Все вышесказанное говорит в пользу того, что к середине 90-х годов в Российской Федерации преобладали дезинтеграционные процессы и без необходимых срочных мер по укреплению государственности Россия могла повторить печальный опыт распада СССР.

Библиографический список

1. *Подберезкин А.И.* [и др.]. Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты). – Москва: РАУ-Корпорация, 1994. – 500 с.
2. *Пчелинцев О.* Регионы России: динамика кризиса // Россия: экономика и политика. 1995. № 1. С. 83.
3. Российская Федерация в цифрах в 1993 г. // Социально-экономическое положение Российской Федерации и ее регионов. 1994. № 5. С. 67-68.
4. *Салмин А.М.* Проблема национально-государственных отношений после распада СССР // Полис. 1992. № 1-2.
5. Федерализм в истории России: в 3-х кн. Кн. 1 / Р.Г. Абдулатипов, Л.Ф. Болтенков, Ю.Ф. Яров. – Москва: Республика, 1992. – 383 с.

ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СЕДЬМОГО СОЗЫВА КАК НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

УДК 342.8

Ерыгин А.А.,

кандидат политических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина);

Ерыгина В.И.,

кандидат исторических наук, доцент

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва как новый этап в развитии российского парламентаризма, делаются акценты на правовые и неправовые методы регулирования избирательного процесса и дается оценка влияния результатов выборов на дальнейшее формирование демократических принципов народовластия, многопартийности и политической конкуренции.

Ключевые слова: выборы, Государственная Дума, голосование, депутаты, народовластие, парламентаризм.

ELECTIONS TO THE STATE DUMA OF THE FEDERAL ASSEMBLY OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE SEVENTH CONVOCATION AS A NEW STAGE IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN PARLIAMENTARISM

Erygin A.A.,

the candidate of political sciences, the associate professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia);

Erygina V.I.,

the candidate of historical sciences, the associate professor

(Belgorod State National Research University)

Abstract: this article discusses the features of elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the seventh convocation as a new stage in the development of Russian parliamentarism, accents on legal and non-legal methods of regulating the electoral process, and assesses the impact of the elections on the further development of the democratic principles of democracy, multi-party system and political competition.

Key words: State Duma, elections, voting, democracy, parliamentarism.

Проведенные 18 сентября 2016 г. выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва имеют ряд отличительных особенностей по сравнению с предыдущими аналогичными выборами. Впервые в современном избирательном процессе выборы депутатов Государственной Думы проводились досрочно, т.е. раньше установленного Конституцией РФ пятилетнего срока ее полномочий. Традиционно выборы проводились в том месяце, в котором истекал срок полномочий предыдущей Думы, начиная с 1995 г. выборы назначались на декабрь. В связи с установлением единого дня голосования в сентябре было принято решение совместить все виды выборов: федеральные, региональные и муниципальные в один день, тем самым на два с половиной месяца сокращая срок полномочий депутатов Думы предыдущего созыва.

Допустимость сокращения полномочий депутатов была обоснована в Постановлении Конституционного Суда РФ от 1 июля 2015 г. № 18-П, согласно которому данная мера была признана однократной, не приводящей к нарушению разумной периодичности выборов в Государственную Думу и непрерывности ее работы [8]. При этом Конституционный Суд подчеркнул, что избрание депутатов Государственной Думы как самостоятельного независимого органа государственной власти должно осуществляться на пятилетний срок, что соответствует конституционно установленному принципу разделения властей, системе сдержек и противовесов между ними, регулярной сменяемости депутатского корпуса, без чего немыслима демократическая природа народовластия. Так называемая конституционная целесообразность переноса даты выборов была вызвана, по мнению Конституционного Суда РФ, рядом причин, среди которых назывались: упорядочение электорального цикла, экономия бюджетных средств, повышение явки избирателей и т.п. [8]. В материальном плане депутаты, чьи полномочия были прекращены досрочно, не пострадали, так как они получили компенсацию за время, в течение которого фактически не будут исполнять обязанности депутатов [6, с. 48], но при этом нарушен основополагающий конституционный принцип народовластия, игнорирование правовой природы депутатского мандата, призванной отражать волеизъявление народа, быть его представителями во власти, т.е. тем самым произошло умаление права народа на власть или его участия в управлении делами государства.

Несмотря на то что Конституционный Суд РФ признал допустимым однократное сокращение срока полномочий Государственной Думы ФС РФ, все равно возникают сомнения в однократности подобных изменений по сути конституционных норм без всякого на то веского основания. Эти сомнения связаны с тем, что в политических кругах, Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и научном сообществе широко обсуждается вопрос о переносе единого дня голосования с сентября на октябрь или ноябрь. Высказанные предложения о переносе единого дня голосования связаны, в частности с тем, что в целом по стране явка избирателей составила менее 50 процентов, поскольку многие избиратели в сентябре находятся в отпуске. В случае переноса единого дня голосования опять может возникнуть ситуация правовой неопределенности, которая потребует конституционного оправдания переноса даты назначения новых выборов

в Государственную Думу ФС РФ. Подобная нестабильность и шараханье из стороны в сторону не добавляет авторитетности федеральному законодательному (представительному) органу государственной власти и напоминает опыт российского парламентаризма начала XX века, свидетельствующий о бесправии законодательной власти, дважды позволившей досрочный роспуск нижней палаты парламента по воле главы государства.

Еще одна важная новелла при формировании Государственной Думы седьмого созыва связана со сменой избирательной системы, которая за полтора года до выборов поменялась с пропорциональной на смешанную (мажоритарно-пропорциональную) систему, предусматривающую голосование как за партийные списки, так и за кандидатов в одномандатных округах (в отличие от пропорциональных выборов депутатов Государственной Думы пятого и шестого созывов). По мнению Президента России В.В. Путина, инициатива возвращения к смешанной модели выборов депутатов Государственной Думы, применявшейся до 2003 г., была высказана им в Послании Федеральному Собранию РФ в 2012 г. и означала «принципиальный шаг навстречу общественному мнению» [5], поскольку это расширяет выбор избирателей, наделенных возможностью голосовать как за партию, так и за отдельных депутатов, реальных представителей избирателей соответствующих избирательных округов. Изначально было понятно стремление правящей партии укрепить свои позиции и вернуть депутатские мандаты, которые были утеряны в 2011 г. На выборах 4 декабря 2011 г. «ЕДИНАЯ РОССИЯ» получила всего 49, 31% голосов избирателей или 238 депутатских мандатов [10]. Выборы 18 сентября 2016 г. подтвердили политическую подоплеку изменения избирательной системы, так как «ЕДИНАЯ РОССИЯ» получила 140 мест в Государственной Думе по партийным спискам и 203 места – по одномандатным округам, а в сумме она имеет 343 места в нижней палате парламента из 450 (76,2%), т.е. квалифицированное большинство, дающее ей значительные возможности при реализации полномочий [3].

Политическая ангажированность результатов голосования является удачным проектом правящей партии, получившим соответствующую правовую огранку. Только способствуют ли изменения избирательного законодательства в течение последних двух лет по инициативе той же политической силы реальному развитию российского парламентаризма и народного представительства? Вопрос о целесообразности научного подхода к решению вопроса о выборе оптимальной избирательной системы в условиях перехода к демократическому правовому государству уже неоднократно затрагивался в юридической литературе [1]. Изменения избирательного законодательства последних лет М.С. Саликов признает довольно показательными с точки зрения не столько избирательного, сколько политического процесса [6]. Э.В. Алимов аргументированно доказывает, что введение новой схемы «нарезки» одномандатных избирательных округов было «обусловлено политическими соображениями», вызванными желанием лидирующей политической силы получить выигрышное положение на выборах. Ученый убедительно показал, как классическая американская технология джерримендеринга была апробирована в Российской Федерации на выборах 18 сентября 2016 г. с целью ослабления оппозиционных сил и победы

в округах кандидатов от партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ». Округа были искусственно перераспределены таким образом, чтобы сила поддержки правящей партии оказалась больше силы сопротивления ее конкурентов [1].

Важной особенностью анализируемых выборов является возможность участия в них большого количества политических партий (73 – по данным Министерства юстиции России на 10 августа 2016 г.). 14 политических партий были освобождены от сбора подписей для регистрации в качестве избирательного объединения и участвовали в выборах: «ЕДИНАЯ РОССИЯ», КПРФ, «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ», ЛДПР, «ПАТРИОТЫ РОССИИ», «Гражданская платформа», «Зеленые», «ПАРТИЯ РОСТА», Партия народной свободы (ПАРНАС), «Гражданская сила», «Коммунисты России», «Яблоко», «РОДИНА» и «Партия пенсионеров» [6]. Трем партиям («Воля», «Великое отечество» и «Союз труда») отказано в регистрации, так как по итогам выборочной проверки на полноту и достоверность представленных ими подписей избирателей ЦИК России установил целый ряд нарушений [4].

В преддверии избирательной кампании более активно и организованно, в сравнении с предыдущими выборами, применялся институт «праймериз» (предварительное голосование), с которым связывается повышение уровня политической конкуренции. К преимуществам «праймериз» относят: повышение доверия к политической системе, выборам; закрепление лояльности элит, избирателей, членов и активистов политической партии; стабилизацию партийной системы; расширение электоральной базы политической партии, а также временных рамок избирательной кампании; обеспечение дополнительного финансирования избирательной кампании [12, с. 52].

В партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» «праймериз» проводилось в соответствии с Положением о порядке проведения Общефедерального предварительного голосования по определению кандидатур для последующего выдвижения кандидатами в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва, утвержденным XV съездом партии 6 февраля 2016 г. В день предварительного голосования – 22 мая 2016 г. – явка избирателей в целом по России составила 9,6% (или 10,5 млн. человек), в ряде регионов – 14% (Республики Татарстан, Калмыкия, Чувашия, Чеченская Республика), в Санкт-Петербурге – более 4%, в Москве – 7%. В результате Федеральный организационный комитет партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» утвердил 225 кандидатов в одномандатных округах и 400 кандидатов в партийном списке.

Общий список кандидатов был представлен съезду партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» для окончательного утверждения. Проведение партией «ЕДИНАЯ РОССИЯ» предварительного голосования свидетельствует, таким образом, о том, что: а) партия занимает доминирующее положение в общественно-политической жизни; б) партия фактически продлила избирательную кампанию, стартовав раньше других партий; в) в политике начинает преобладать принцип публичности. В последние годы высказываются предложения процедуру «праймериз» сделать обязательной для всех политических партий, участвующих в думских выборах [9]. Законодательное закрепление процедуры «праймериз» может способствовать стабилизации многопартийной системы, возмож-

ному «укрупнению» политических партий. Результаты «праймериз» продемонстрировали приверженность партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» курсу на «деолигархизацию парламентского корпуса». В составе предварительного списка кандидатов в депутаты Государственной Думы от правящей партии были представители деловой элиты и общественные лидеры, депутаты прежних созывов. Предварительное голосование стало также механизмом цивилизованного разрешения региональных «внутриэлитных конфликтов» [5].

Процедура предварительного голосования использовалась и другими политическими партиями, однако результаты оказались неоднозначными. Так, «праймериз» в партии «ПАРНАС» закончился фактическим скандалом, да и число заявленных претендентов было меньше, чем минимальное число мест в списке кандидатов: 95 вместо необходимых 225. По мнению генерального директора Агентства политических и экономических коммуникаций Д. Орлова, процедура «праймериз» в целом имеет положительный эффект для институтов российского парламентаризма, так как удачно сочетает элементы преемственности и развития при смене кадрового состава представительных органов власти и местного самоуправления [5].

18 сентября 2016 г. голосование было проведено более чем на 94 тысячах избирательных участков как в России, так и за ее пределами. Избиратели получали по два избирательных бюллетеня. В бюллетень для голосования по федеральному избирательному округу были включены 14 политических партий, в федеральные списки которых вошли около 4,5 тысячи кандидатов. Наибольшее число голосов избирателей получил список Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» – 28 527 828 (54,20%). На втором месте – КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – 7 019 752 (13,34%), на третьем – ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИИ – 6 917 063 (13,14%). Пятипроцентный барьер преодолела также партия «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ», за которую проголосовали 3 275 053 избирателей (6,22%).

Остальные политические партии по результатам голосования расположились в следующем порядке: КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КОММУНИСТЫ РОССИИ – 1 192 595 (2,27%), Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» – 1 051 335 (1,99%), Российская партия пенсионеров за справедливость – 910 848 (1,73%), Всероссийская политическая партия «РОДИНА» – 792 226 (1,51%), Всероссийская политическая партия «ПАРТИЯ РОСТА» – 679 030 (1,29%), Российская экологическая партия «Зеленые» – 399 429 (0,76%), Партия народной свободы (ПАРНАС) – 384 675 (0,73%), Политическая партия «ПАТРИОТЫ РОССИИ» – 310 015 (0,59%), Политическая партия «Гражданская Платформа» – 115 433 (0,22%), Всероссийская политическая партия «Гражданская Сила» – 73 971 (0,14 %) [10]. Таким образом, десять политических партий не набрали и трех процентов голосов избирателей, а, следовательно, не имеют право на государственное финансирование. Состоявшиеся выборы подтвердили расклад политических сил в стране, низкую популярность среди избирателей «новых» политических партий.

На выборах по мажоритарной избирательной системе в 203 одномандатных избирательных округах победили кандидаты, выдвинутые партией «ЕДИ-

НАЯ РОССИЯ», по 7 мандатов получили кандидаты от КПРФ и партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ», 5 мандатов – ЛДПР, по одному мандату досталось представителям партий «РОДИНА» (А.А. Журавлев в Аннинском одномандатном избирательном округе № 89 Воронежской области) и «Гражданская Платформа» (Шайхутдинов Р.Г. в Нефтекамском одномандатном избирательном округе № 6 Республики Башкортостан). В Адыгейском одномандатном избирательном округе № 1 победил кандидат-самовыдвиженец В.М. Резник [10]. Одной из причин незначительного числа одномандатников-самовыдвиженцев в целом, а тем более добившихся депутатского мандата, является увеличение количества подписей с двух (на выборах 2003 г.) до трех процентов от численности зарегистрированных избирателей в округе, необходимых для их регистрации, что в значительной степени затруднило многим кандидатам процедуру сбора подписей и дальнейшую регистрацию в качестве кандидатов.

В целом, возвращение к выборам депутатов Государственной Думы ФС РФ по мажоритарно-пропорциональной системе следует оценивать позитивно, т.к. это способствует выдвижению кандидатов не только от политических партий, но и от граждан, в том числе беспартийных. Эта система является более демократической, учитывая также то обстоятельство, что политические партии в целом не пользуются большой популярностью в обществе, и граждане, как правило, голосуют не столько за партийные программы, сколько за конкретных кандидатов.

Новый этап в развитии российского парламентаризма характеризуется следующими основными тенденциями:

1) избирательный процесс стал более управляемым и технологичным и, по сути, превратился в форму замещения депутатских мандатов;

2) все правовые и неправовые (политические) методы регулирования избирательного процесса направлены на сохранение лидирующих позиций одной политической партии и обеспечение ей квалифицированного большинства в Государственной Думе;

3) сокращение реальной политической конкуренции, так как, несмотря на возрастание общего количества политических партий, значительно уменьшилась доля оппозиционных партий с 47,1% до 23% по сравнению с Думой предыдущего созыва за счет получения большего количества депутатских мест «ЕДИНОЙ РОССИЕЙ» с 238 до 342. Большинство кандидатов в одномандатных округах являются выдвиженцами от политических партий, число самовыдвиженцев было незначительным, так как созданы различные искусственные барьеры на пути к получению депутатского мандата (сложность сбора подписей избирателей, недостаточность финансовых средств и др.). Такая расстановка политических сил в нижней палате парламента позволяет доминировать одной политической партии и оказывать решающее влияние на процесс принятия законов. Несовершенство конкуренции приводит к тому, что в Государственной Думе не меняется число депутатских фракций, складывается монополия на власть представителей определенной политической элиты.

Библиографический список

1. Алимов Э.В. Джерримендеринг в современной России: сущность и перспективы использования // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 59-61.
2. Ерыгина В.И. Роль методологических подходов в выборе оптимальной избирательной системы // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 20-33.
3. Об установлении общих результатов выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва: Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 23 сентября 2016 г. № 56/541-7. URL: http://www.cikrf.ru/law/decree_of_cec/2016/09/23/56-541 (дата обращения 08.11.2016).
4. Нормативные правовые акты и решения ЦИК России. URL: http://www.cikrf.ru/analog/vib_d16/2016/resheniya.html (дата обращения 22.01.2017).
5. Орлов Д. Итоги предварительного голосования «Единой России», ситуация в партэлите, интриги и сценарии кампании 2016. URL: <http://er.ru/news/143000/> (дата обращения 07.11.2016).
6. О списке политических партий, на которые распространяется действие части 2 статьи 44 Федерального закона от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 22 июня 2016 г. № 13/106-7. URL: http://www.cikrf.ru/law/decree_of_cec/2016/09/23/56-541-7.htm (дата обращения: 07.11.2016).
7. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию на 2017 год (полный текст от 1 декабря 2016 года). URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 19.12.2016).
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 июля 2015 г. № 18-П «По делу о толковании статей 96 (часть 1) и 99 (части 1, 2 и 4) Конституции Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 8 июля. Федеральный выпуск № 6718 (147).
9. Праймериз – в закон // Российская газета. 2016. 24 мая.
10. Результаты выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва. URL: <http://www.vybory-izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 07.11.2016).
11. Саликов М.С. Избирательный цикл 2011 - 2016 гг.: первичный анализ правового регулирования и правоприменения // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 47-50.
12. Нудненко Л.А. Праймериз в России – партийная политтехнология или инструмент реальной внутрипартийной конкуренции? // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 9. С. 51-55.

ОБРАЩЕНИЕ КАК КОМПОНЕНТ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

УДК 808.5

Воронцова Ю.А.,

кандидат филологических наук, доцент;

Хорошко Е.Ю.,

кандидат филологических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматривается обращение как элемент речевого этикета; выявляются основные параметры и ситуации речевого общения, обуславливающие выбор обращений; описываются стандартные этикетные формы обращения.

Ключевые слова: речевой этикет, обращение, коммуникация, лексико-семантические группы слов.

ADDRESS AS THE COMPONENT OF SPEECH ETIQUETTE

Vorontsova Yu.A.,

the candidate of Philological Sciences, the associate professor;

Khoroshko E.Yu.,

the candidate of Philological Sciences, the associate professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article touches upon the address as an element of speech etiquette and comes to light the key parametres and the situations of speech dialogue causing a choice of addresses. It also describes the standard etiquetteforms of address.

Key words: speech etiquette, address, communications, lexico-semantic groups of words.

Обращение представляет собой самую употребительную речевую единицу, является специфическим контактоустанавливающим средством. Как составная часть речевого этикета, оно используется в самых разнообразных коммуникативных ситуациях, употребляется в речи носителей языка, имеющих разный социальный статус, направляется разным адресатам, с его помощью устанавливается и поддерживается речевой контакт с собеседником, регулируется представление о ситуации общения в целом и о речевых позициях партнеров по коммуникации, их социальных и личных взаимоотношениях.

В настоящее время существуют различные трактовки обращения, их количество определяется различными подходами к изучению языка. Мы понимаем обращение как слово или словосочетание, обозначающее того, кому адресована речь, т.е. рассматриваем его как коммуникативную синтаксическую единицу, как предложение-высказывание, потому что в содержание обращения включено «понятие об адресате речи» [2, с. 24], а обязательная интонация, ко-

торой характеризуется обращение, переводит его как «единицу языка на другой уровень – уровень высказывания» [4, с. 84], поэтому «это уже не словоназвание, а обращенная к адресату коммуникативная единица» [5, с. 84].

Лексической основой для образования обращений являются лексико-семантические группы слов, к числу которых относятся:

1. Наименование лиц по степени родства или указание на семейный статус собеседника: *папа, мама, бабушка, дедушка, дядя, тётя*.

2. Антропонимы (собственные имена, клички и прозвища): Иван Сергеевич! Ванюша! Хриплый! (от Хрипунов), Иванцова! Обращение по фамилии часто свидетельствует об официальной обстановке и может включать слова: уважаемый, глубокоуважаемый, многоуважаемый, досточтимый, господин, госпожа, уважаемый господин и т.д.: Глубокоуважаемый господин Исакович!

Иногда форма обращения, обозначающая степень дружеских отношений, допускает упрощение или модификацию имен: *Михаил – Миша, Мишаня; Павел – Паша, Пашок, Пашка; Елена – Лена, Ленуся; Александра – Саша, Саня, Шура, Аля*, или формирует производные от имени, фамилии или отчества, включая различные юмористические варианты: *Павлович – Палыч, Александрович – Саныч, Артур – Артурище, Цапкин – Цап-цапапкин, Степанович – Степаныч – Стаканыч, Андрей – воробей* и т.п.

3. Апеллятивы (наименование лица, группы лиц по национальному или возрастному признаку, по взаимоотношениям людей, по профессии, занятию, должности, званию или указание на гражданский, социальный, политический, профессиональный статус, военное или ученое звание): *гражданин, товарищ, сударь, мистер, коллега, доктор, солдат, воин, дружище, тёзка, земляк, господини госпожа, месье и мадам, мистери миссис, доктор, министр, директор*, с возможными комбинациями: *Дорогие коллеги! Уважаемые гости! Уважаемый господин директор! Товарищ майор.*

Апеллятивы всегда социально маркированы, в речевую практику начали возвращаться обращения *господин* и *госпожа*, *сударь* и *сударыня*, *дама* и т.д. Поэтому обращение называют «индикатором социальных отношений между коммуникантами» [3, с. 3].

4. Наименование по гендерному признаку: *юноша, мужчина, женщина, девушка*, молодой человек, дамы, господин, госпожа.

Не рекомендуется использовать в речи такие обращения, как *мужчина, женщина, девушка, молодой человек*, их необходимо заменять словосочетаниями типа «Будьте любезны...», «Извините, пожалуйста...», «прошу Вас...», «Простите, пожалуйста...» и т.д.

5. Наименование предметов или явлений неживой природы, как правило, в подобном случае олицетворяемых: *Осень, ты пришла неожиданно!*

6. Географические наименования: *Белгород! Наконец-то я с тобой познакомилась.*

Представленные лексико-семантические группы являются стандартными формулами обращения. Их выбор зависит от различных экстралингвистических факторов таких, как профессия, должность, звание, пол, степень знакомства, ролевые отношения коммуникантов, местопроживание и т.д.

В правовой сфере чаще всего для образования обращений используются антропонимы; апеллятивы, обозначающие должность или указывающие на гражданский, социальный, политический, профессиональный статус, военное или ученое звание. Отметим, что в организациях, занимающихся профессиональной юридической деятельностью, обращение обусловлено законом, уставом, корпоративной политикой и может быть уникальным для конкретной организации: *Уважаемый Суд! Ваша честь!*

Обращение является значимым элементом речевого этикета в официальной ситуации. В письменной речи, в случае отсутствия обращения, контакто-устанавливающую функцию осуществляют реквизиты документа, содержащие фамилию, инициалы и должность адресата в дательном падеже.

Формы обращения формируют часть языкового фонда и при этом являются неотъемлемой составляющей коммуникативного акта. «Тактики и стратегии, формулы и закономерности речевого этикета усваиваются настолько глубоко, что воспринимаются наивным языковым сознанием как часть естественного и закономерного поведения людей. Именно поэтому знание и применение речевого этикета в большей степени неосознанно, доведено до автоматизма, «механизировано»» [1, с. 53]. Выбор обращения определяется коммуникативной ситуацией, межличностными отношениями, социальными характеристиками и т.д. Обращение всегда соотнесено с конкретной обстановкой, социальными аспектами процесса коммуникации, конкретными участниками общения.

Библиографический список

1. *Ефремов В.А.* Речевой этикет: обращение в современной речи // Русская речь. 2012. № 4. С. 53-59.
2. *Проничев В.П.* Синтаксис обращения. – Ленинград, 1971. – 88 с.
3. *Рыжова Л.П.* Обращения как компонент коммуникативного акта: автореф. дис ... канд. филол. наук. – Москва, 1982. – 15 с.
4. *Формановская Н.И.* Обращение // Русский язык в школе. 1994. № 3. С. 84-88.
5. *Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – Москва, 2002. – 216 с.

«ИГРА В САМОУБИЙСТВА» ИЛИ «ГРУППЫ СМЕРТИ» ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

УДК 364.27

**Глушков Е.Л.,
Яровая Т.И.**

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: дано определение понятий «самоубийство», «суицидальное поведение», общая характеристика причин самоубийств несовершеннолетних. Изучена статистика совершения самоубийств в РФ.

Ключевые слова: самоубийство, суицидальное поведение, жестокое обращение, сеть Интернет, запрещенный контент.

«PLAYING SUICIDE» OR «GROUP OF DEATH» FOR TEENS

Glushkov E.L.,

Yarovaya T.I.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the definition of «suicide», «suicidal behavior», General characteristics of suicide in minors. Studied the statistics of suicides in Russia.

Key words: suicide, suicidal behaviour, abuse, Internet, prohibited content.

Проблема подросткового суицида требует самого пристального внимания специалистов многих областей – психологов, педагогов, врачей, юристов, специалистов в области компьютерных технологий и др. Свое слово должен сказать и российский законодатель, поскольку действующее право, способное защитить детей от доведения до самоубийства или склонения к нему, в том числе через Интернет, нельзя признать эффективным.

В настоящее время в интернете идет активная пропаганда суицида среди молодежи. В социальных сетях есть много групп, где несовершеннолетних призывают к самоубийствам и рассказывают, как именно можно это сделать.

По мнению психологов, занимающихся вопросами изучения и профилактики самоубийств несовершеннолетних под воздействием групп в социальных сетях, подростки, не имея желания и возможностями поделиться своими переживаниями с родителями и близкими родственниками, друзьями, романтизируют смерть, делая из нее своеобразное «последнее приключение», о котором они хотят и готовы рассказать только своим сетевым товарищам.

Важно отметить, что из 690 молодых людей, покончивших жизнь самоубийством за последние полгода по всей России, около 580 состояли в таковых «группах смерти» и готовились к тому, чтобы сознательно лишиться себя жизни, действуя по указанию кого-либо.

По мнению пользователей социальных сетей, массовую популярность среди подростков «группы смерти» приобрели после гибели школьницы К. Рины, которая покончила с собой на железнодорожном полотне, написав в одном из своих профилей «Ня.Пока», перед тем, как пойти на роковой шаг.

Буквально за несколько дней ее смерть стала сначала поводом для грубых шуток, связанных с этой самой фразой, а потом, к великому огорчению родственников девочки, самым настоящим «мемом». Из простой жительницы Уссурийска несчастная превратилась в своеобразный образ, в кумира для подростков, одержимых темой смерти и суицида. Они рисуют ее, делают мультяшные картинки с ней (порой страшные и оскорбительные), активно используют хештег #няпока на своих страницах [1, с. 28].

Но часть сетевых обитателей стали делать из темы суицида «веселую» игру для подростков с мистическим подтекстом, например: в закрытых сообществах, используя многочисленные шифры и символы, чтобы не попасться родителям и непричастным людям, они обсуждают друг с другом темы и способы самоубийства, а иногда, вдохновленные историями о лучшей загробной жизни, решаются на то, чтобы добровольно лишиться себя жизни.

Таких групп в ВКонтакте сейчас тысячи, количество подписчиков в них варьируется от десятков до десятков тысяч. Найти их можно по специальным опознавательным знакам из современных сетевых страшилок.

Для того, чтобы читатель понимал, о чем речь, сначала нужно разобраться в том, что это вообще все значит. Попадая в подобные группы, сразу же оказывается вовлечены в паутину сложных хештегов: типа #f57 #тихийдом #морекитов. Эти три явления связаны друг с другом только опосредованно. Вся идеология «групп смерти» – это просто мешанина из интернет-страшилок, слитых воедино очень странным образом.

Как ни странно, называется все это АРГ (ARG – Alternative Reality Gaming). Это такой гибрид «городского квеста» и реалити-шоу. Участники получают кодовые имена и выполняют задания, придуманные организаторами.

Обычно это что-то незначительное: сходить в магазин и купить что-нибудь, сделать «селфи» с какими-нибудь предметами. В данном же случае речь идет о более жестоких вещах, таких, как порезанные руки, постановочные видео с собственным самоубийством (не настоящим), выпитые таблетки снотворного или даже предсмертные фотографии.

«Стиль», в котором сейчас ведутся подобные «игры», раньше назывался «нетсталкингом» (англ. «net stalking» – интернет-сталкерство, назойливый поиск в сети) – это такая своеобразная эстетика поиска мистики в сети, теорий мирового заговора, прячущихся в коде Всемирной паутины и подобной криптофантастики. В кругах «стариков», сидевших в Интернете еще с телефонных модемов, эта тема давным-давно приелась и вышла из моды, но недавно была вновь подхвачена юным поколением в социальных сетях.

Основная концепция данного «верования», навеянного художественным рассказом анонимного пользователя, если предельно упростить, заключается в том, что в недрах Сети существует «глубинный интернет», содержащий различную страшную для человеческого сознания информацию. Чем глубже погружаешься в Сеть – тем больше соприкасаешься с мистическим миром, где цифры, формы и смыслы теряют свое значение.

Самый нижний слой – тот самый «Тихий дом», куда, согласно данной концепции, уходят души мертвых и уже не возвращаются. Писатели сетевых страшилок утверждают, что это место даже страшнее, чем христианский ад.

Разумеется, в реальности никакого «сверхглубинного» Интернета не существует. Точнее, существует так называемый Deep Web, но он скорее представляет собой зашифрованные страницы, к которым нужен отдельный доступ при помощи специальных программ. Определенно, там есть много весьма, мягко скажем, специфической информации, но уж точно не выход в другое измерение.

Таких групп сейчас в интернете несколько, и все они имеют депрессивную направленность. Кит здесь представлен как мудрое и величественное животное, которое, тем не менее, бесконечно одинок, и порой, не вынося терзающей душу грусти, выбрасывается на берег. Контент подобных групп в основном состоит из печальных историй и рассуждений о несправедливости жизни, но особенных непосредственных призывов к суициду мы не заметили.

На следующий же день после публикации статьи к создателю первой из таких групп начали активно стучаться журналисты, но какую-либо свою причастность к гибели подростков молодой человек категорически отрицает.

На его же страницах можно найти «срывающую покровы» инфографику о том, как развивались с течением времени отношения различных «групп смерти» в интернете. Судя по его версии, к суицидам его группа никого никогда не призывала, а делал это другой персонаж, ответственный за возникновение хештега #f57.

Сейчас в социальной сети существует далеко не одна группа, имеющая в своем названии этот хештег. Некоторые из них, кстати, даже содержат в наименовании слово «суицид», не особо скрывая направленность сообщества, причем имеют резервные копии групп, если их вдруг станут удалять.

Руководит несколькими из них, не скрывая ни своего лица, ни пристрастий на своей странице, некто Филипп Лис, житель города Москвы. Согласно журналистскому расследованию «Новой газеты», именно он был одним из тех, кто подталкивал детей к суициду. Хотя сейчас он активно отрицает свою причастность к каким-бы то ни было смертям, однако некоторые скрины переписок с админом сообщества #f57Terminal (админом которого является вышеуказанный персонаж), выкладываемые пользователями, все же, вызывают сомнения.

Перейдя на сомнительный сайт после прочтения очередной страшной истории Вконтакте, вы окажетесь на жутковатой странице, где есть только очередной околומистический символ, леденящая душу песня и подозрительный счетчик, который показывает обратный отсчет, начиная с 70 дней. Каким-то образом он привязан к вашему IP, так что, когда вы вновь зайдете на эту страницу, он будет продолжать отсчитывать дни. Чтобы понять, что это такое, придется зайти в указанную группу в ВКонтакте, где и начнется «игра», согласно которой на табло именно столько суток, сколько тебе осталось жить.

Но это, как принято выражаться, «новодел». Ведь такие счетчики были и раньше, причем имели более зловещий вид.

К примеру, спустя некоторое время после смерти Рины появился таинственный сайт под названием ANILOBMAK (что является анаграммой фамилии погибшей девушки), с тем самым таинственным символом и счетчиком, который уже дошел до нуля.

После смерти Рины дети решили устроить флешмоб – «массовый суицид». 8 декабря 2016 года подростки, участвовавшие в нем, писали сообщение #няпока и на месяц пропадали из своих аккаунтов, чтобы испугать своих сетевых друзей. Практически все, кто размещал у себя на странице в этот день подобную запись, сейчас присутствуют онлайн, живы и здоровы. Ну, а существо-

вание новых счетчиков говорит о том, что подобные игры со смертью продолжаются и по сей день.

В классической мифологии многих народов кит – олицетворение мудрости и долголетия, а бабочка – красоты и женственности, но современные подростки видят их несколько иначе, сообразно своим проблемам.

Кит – это не только стремление к мечте, но и одиночество, а бабочка – не только свобода, но и короткая жизнь. Еще одно значение бабочки в сети – легкость. Оно применяется в группах «Типичная Анорексичка» и «Подслушано Анорексия». У современных подростков и правда много проблем, и, если думаешь, что тебя вряд ли кто-то поймет из ближайшего окружения, начинаешь в сети искать единомышленников, ищешь, во что верить».

«Когда ты попадаешь туда, тебя почти сразу же ставят перед выбором: смерть или жизнь. У многих есть номера, которые им дают администраторы, потом на их страницах или в группе появляются зашифрованные фразы или задания, которые надо выполнять. Смысл игры – смерть, точнее медленное умирание. Если сделать все последовательно и правильно, подготовиться как следует, то сделать последний шаг будет нетрудно, а после смерти тебе будет хорошо. Так они считают. Администраторы сидят обычно с фейков, никаких имен и лиц. Участники – люди из самых разных городов. Подростки «кучкуются» и создают отдельные обсуждения для каждого города [2, с. 56].

В связи с активным расследованием сотрудниками правоохранительных органов, общественных объединений и активистов, выступающих против суицида несовершеннолетних, данные группы смерти сейчас разбиваются на более мелкие группы идейных участников, которые имеют более сложную систему конспирации, чтобы не попадать в поле зрения журналистов и властей.

Согласно последним сведениям, на публикацию уже отреагировала член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, председатель комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей Елена Мизулина, потребовавшая ужесточить контроль за ресурсами, пропагандирующими суицид, а администрация ВКонтакте, по непроверенным данным, уже приступила к блокировке сообществ подобной направленности.

Библиографический список

1. Ментюкова М.А., Дубровина М.М. Эволюция уголовной ответственности до самоубийства с использованием сети Интернет // Вопросы современной науки и практики. 2013. С. 85-98.
2. Уваров А.Н., Кутырёв В.А. Самоубийство как социально-философская проблема в контексте конструирования социального поведения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. С. 1-58.

РОЛЬ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.02

**Земляков В.Д.,
Землякова Т.А.**

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: статья касается вопроса практического овладения иностранными языками сотрудниками МВД для обеспечения правопорядка во время проведения международных мероприятий. Авторы статьи рассматривают ролевую игру как активный метод проведения практического занятия.

Ключевые слова: сотрудник полиции, иностранный язык, международные спортивные мероприятия, обучение, ролевая игра.

THE ROLE OF TRAINING TO FOREIGN LANGUAGE IN VOCATIONAL TRAINING OF HIGHER EDUCATION

**Zemlyakov V.D.,
Zemlyakova T.A.**

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article concerns the question of practical mastering by foreign languages of law-enforcement officers for maintaining the law and order during conducting of the international sports events. The authors of the article examine the role game as an active method of having practical lesson allowing as much as possible to come nearer to natural real activity.

Key words: police officer, foreign language, international sports events, training, role game, practice.

В настоящее время неоспоримым является тот факт, что учебной дисциплине «Иностранный язык» в процессе подготовки сотрудников органов внутренних дел МВД России уделяется большое внимание. Это обусловлено потребностью общества в специалистах данной области, владеющих иностранными языками, и способных выполнять ряд профессиональных задач, связанных с установлением контактов с иностранными гражданами в различных ситуациях.

Сложно представить себе современных сотрудников полиции, принимающих участие в обеспечении мер безопасности и охраны правопорядка в период проведения различных международных мероприятий с участием иностранных граждан, без соответствующей языковой подготовки. Необходимо отметить, что охрана прав и законных интересов иностранных граждан, посещающих нашу страну, занимает важное место в деятельности правоохранительных органов. В последние годы возросло количество преступных посягательств на жизнь, здоровье, имущество и права иностранцев, находящихся в

нашей стране проездом или на отдыхе, работающих на предприятиях и в фирмах или обучающихся в учебных заведениях. Не исключены случаи совершения преступлений самими иностранцами. Успешное раскрытие и расследование этих преступлений зависит, прежде всего, от своевременного получения первичной информации о происшествии. Поэтому умение сотрудников правоохранительных органов получить необходимую информацию на иностранном языке при поступлении заявления о преступлении еще до прибытия переводчика позволит организовать раскрытие преступления «по горячим следам». Кроме того с 1 июля 2014 года на территории России осуществляет свою деятельность туристическая полиция. Сотрудники этого подразделения регулярно патрулируют улицы в городе Москва и помогают гражданам ориентироваться в многочисленных достопримечательностях, в том числе и иностранным. Необходимость практического владения иностранными языками для сотрудников органов внутренних дел очевидна.

Основная и конечная цель обучения иностранным языкам сотрудников органов внутренних дел – обеспечить активное владение иностранным языком как средством формирования и формулирования мыслей в социально обусловленных и профессионально-ориентированных сферах общения. Наиболее эффективно процесс усвоения иностранного языка происходит в процессе общения. Перед образовательными организациями системы МВД России стоит непростая задача найти способы подготовить сотрудников органов внутренних дел к неподготовленной речи на иностранном языке. Под неподготовленной речью подразумевается «естественная речевая деятельность, предполагающая такой уровень развития навыков и умений, при котором обучаемый в состоянии без специальной подготовки во времени практически безошибочно и в естественном, незамедленном для данного языка темпе мобилизовать изученный языковой материал в целях осуществления реальной коммуникации, то есть приема и передачи информации» [1, с. 103]. Чтобы достичь этой цели, необходим поиск инновационных методов обучения иностранным языкам.

Наиболее привлекательным активным методом, позволяющим максимально приблизиться к естественной реальной деятельности, является ролевая игра или использование игровых моментов.

Ролевая игра представляет собой условное воспроизведение ее участниками реальной практической деятельности людей, создает условия реального общения. Преимуществом ролевой игры является то, что она дает возможность использовать неподготовленную речь, и соответственно основной целью любой ролевой игры является тренировка неподготовленной речи.

Общепринятыми видами ролевой игры являются:

- контролируемая ролевая игра (участники получают необходимые реплики);
- умеренно контролируемая ролевая игра (обучающиеся получают общее описание сюжета и описание своих ролей);
- свободная ролевая игра (участники получают обстоятельства общения);
- эпизодическая ролевая игра (разыгрывается отдельный эпизод);
- длительная ролевая игра (в течение длительного времени разыгрывается серия эпизодов).

Преподавателями кафедры иностранных языков Белгородского юридического института активно используются следующие игровые моменты и ролевые игры:

- игровой элемент «Снежный ком» (для тренировки лексики по соответствующим темам);
- обучение элементам неподготовленной речи «Спроси соседа»;
- виртуальные экскурсии (по странам изучаемого языка, по институту);
- игры – Puzzle (собираем по частям различные схемы, таблицы);
- ролевая игра «Будем знакомы» (знакомимся с иностранными гражданами);
- деловая игра «Студенческая конференция» (по изученным темам);
- деловая игра «Круглый стол» (по изученным темам);
- деловая игра «Посещение судебного заседания»;
- ролевые игры «Ситуации профессионального общения» (проверка документов, ориентирование в городе, описание внешности подозреваемого, экстренный вызов и многие другие).

Таким образом, в центре внимания преподавателей иностранных языков в образовательных организациях высшего образования системы МВД России находится обучение общению на иностранном языке, т.е. организация усвоения знаний и формирование речевых умений и навыков через совокупность специальным образом организованных учебно-познавательных действий, связанных с мобилизацией возможностей коллектива, личности каждого обучающегося и эффективного их использования в концентрированно протекающем учебном процессе.

Библиографический список

1. Обносов Н.С. К вопросу о содержании понятия неподготовленной речи и классификация упражнений, направленных на ее развитие // Иностранные языки в школе. 2012. № 4. С. 102-107.

МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СОТРУДНИКАМ ПОЛИЦИИ

УДК 330.1

Безуглый Э.А.,

кандидат экономических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы ценностей, требований, предъявляемых к сотрудникам органов внутренних дел.

Ключевые слова: нравственность, долг, честь, облик сотрудника полиции.

MORAL REQUIREMENTS FOR POLICE OFFICERS

Bezugly E.A.,

the candidate of economic sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article discusses the issues of values, requirements to employees of internal Affairs bodies.

Key words: morality, duty, honor, appearance of a police officer.

Требования, предъявляемые к сотруднику органов внутренних дел, определяют необходимость высокого уровня профессиональной компетентности работников правоохранительных органов как главного интегрального фактора, обеспечивающего, с одной стороны, защиту интересов отдельных лиц и организаций от преступных посягательств и, с другой стороны, соблюдение при этом всех законных прав и интересов граждан и коллективов, а также соблюдение этических норм.

Основополагающими нравственными ценностями сотрудника органов внутренних дел должны быть:

- *гражданственность* – как преданность Российской Федерации, осознание единства прав, свобод и обязанностей человека и гражданина;
- *государственность* – как утверждение идеи правового, демократического, сильного и неделимого Российского государства;
- *патриотизм* – как глубокое и возвышенное чувство любви к Родине, верность Присяге сотрудника органов внутренних дел, избранной профессии и служебному долгу.

Нравственные ценности составляют основу морального духа сотрудника ОВД, воплощающего осознание причастности к благородному делу защиты правопорядка.

Так исторически сложилось, что деятельность сотрудников зависит не только от знаний, умений и навыков, но и от личностных качеств работника. В 1782 году Екатерина II подписала «Устав благочиния», значительную часть которого составлял «Наказ управе благочиния», в котором были сформулированы качества определенного к благочинию начальства и правила его должности (т.е. требования к личности полицейского работника). К ним можно отнести:

- честность и бескорыстие;
- здравый рассудок;
- человеколюбие;
- радение о должности;
- усердие к общему добру;
- добрая воля в отправлении порученного;
- верность к службе императорского величества.

Любому сотруднику правоохранительных органов необходимо обладать коммуникативными качествами, такими как: организованность; независимость;

уверенность; сочувствие; отзывчивость; справедливость; общительность; тактичность и др.

Каждый сотрудник выступает по отношению к гражданам не только как представитель государства, но и как педагог-психолог, который занимается формированием правовой культуры и правопослушного поведения граждан — от подростков до лиц пожилого возраста. Сотрудник для себя должен уяснить, что именно органам внутренних дел государство доверило обязанность по защите жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан, предоставив при этом широкие полномочия.

Основным требованием к моральному и профессиональному облику сотрудника полиции необходимо считать вежливое, доброжелательное и деловое, основанное на российском законодательстве, отношение к гражданам, их правам, свободам и интересам.

Профессионально-нравственный долг сотрудника вытекает из «общечеловеческого» морального долга, но существуют специфические моменты, которые «редуцируют» общеизвестные добродетели к целям и задачам правоохранительной деятельности. В деятельности органов присутствует много моментов, которые нельзя однозначно оценить с точки зрения «общечеловеческой» морали.

Личная честь — это позитивная самооценка и оценка сотрудника коллегами и руководством как человека, гражданина и профессионала. Делать свою работу на высоком уровне, помогать своим товарищам, сохранять добрые взаимоотношения в самых сложных ситуациях — в этом честь любого сотрудника. Уважение к нему как сотруднику полиции напрямую зависит от его служебных действий и успехов. От чести нужно отличать понятие «достоинства», то есть права человека на уважение и отношение к нему как представителю человеческого рода (достоинство надо уважать даже у преступников).

«Честь мундира» — это позитивная оценка окружающим обществом правоохранительных органов в целом на основании его отдельного представителя. Долг чести сотрудника — стремиться добиться позитивной оценки в глазах гражданина, терпеливо исправляя те промахи своих «коллег», в которых ты сам, возможно, и не виноват. Гордость за свой мундир, за свою профессию в сочетании с терпеливостью и настойчивостью должны быть присущи всем сотрудникам.

В целом служба в правоохранительных органах требует от гражданина сочетания высоких моральных и профессиональных качеств, подвергая его испытаниям на нравственную и психологическую прочность. Сотрудник должен обладать ясным умом, быть отзывчивым и чутким по отношению к людям, предельно честно и даже щепетильно выполнять свои обязанности. По своей общественной значимости, по своей опасности и сложности профессию сотрудника правоохранительных органов можно приравнять к профессии защитника отечества, воина, а по предъявляемым нравственным требованиям — к профессиям врача и учителя в самом высоком смысле этих слов. Поэтому можно говорить о феномене профессионально-нравственного сознания сотрудника, в котором нельзя разделить чисто профессиональное и нравственное.

В заключение хочется сказать, что сотрудник полиции обязан и должен стараться быть честным, дисциплинированным, храбрым, бдительным человеком, строго хранить государственную тайну, добросовестно изучать законодательство, регламентирующее деятельность органов внутренних дел Российской Федерации, всемерно беречь народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу.

Библиографический список

1. Анохин С.А. Правовые особенности личностных свойств и качеств сотрудников органов внутренних дел // Административное и муниципальное право. 2008. № 11.

2. Пантелеев Б.Т. Проблемы соблюдения этических норм работниками правоохранительных органов России // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 4.

3. Марьин М.И., Мальцева Т.В., Петров В.Е., Сафронов А.Д. Психологическая подготовка сотрудников полиции к профессиональной деятельности: Учебно-методическое пособие. – Руза: Московский областной филиал Московского университета МВД России, 2014.

ОСОБЕННОСТИ РАННЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ЮНОШЕЙ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МВД РОССИИ

УДК 174: 351. 74

Богмацера В.В.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: статья посвящена особенностям обучения и воспитания юношей в условиях общеобразовательного учебного заведения правоохранительной направленности, факторам, способствующим формированию и развитию у обучающихся личной ответственности и активной гражданской позиции, раскрывается специфика ранней профессиональной подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: правоохранительные органы, профессиональная ориентация, формирование личности, воспитательная работа.

THE CHARACTERISTICS OF THE EARLY TRAINING OF BOYS IN SECONDARY ORGANIZACII OF THE INTERIOR MINISTRY OF RUSSIA

Bogmatsera V.V.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: article is devoted to features of training and education of young men in the conditions of general education educational institution of a law-enforcement orientation, to the factors promoting formation and development in being trained in a personal responsibility and an active civic stand, specifics of early vocational training in law-enforcement bodies of the Russian Federation reveal.

Key words: law enforcement agencies, vocational guidance, formation of the personality, educational work.

Преобразование системы МВД России ориентировано на повышение профессионализма сотрудников органов внутренних дел. Новый образ современного полицейского предъявляет и новые требования к подготовке специалистов в образовательных организациях системы Министерства внутренних дел России. Получить и укрепить доверие общественности возможно лишь при повышении качества работы правоохранительных органов, комплектования их сотрудниками, имеющими высокую интеллектуальную, культурную и специальную подготовку. Сегодня сотрудник полиции должен уметь действовать и принимать ответственные решения в типовых и нестандартных ситуациях профессиональной деятельности, самостоятельно добывать и анализировать информацию, эффективно жить и трудиться в быстро изменяющемся мире, видеть проблемы и уметь искать пути их рационального решения, творчески мыслить, уметь на практике применять полученные знания и др.

Процесс подготовки специалиста в области правоохранительной деятельности должен носить системный и целостный характер с обязательным соблюдением преемственности.

Говоря о многоступенчатой системе подготовки кадров для МВД, необходимо учитывать возможности «нижнего звена». Осуществлять раннюю профессиональную подготовку будущих сотрудников органов внутренних дел параллельно с освоением программ основного общего и среднего (полного) общего образования сегодня можно на базе суворовских училищ, подведомственных МВД, которых на настоящий момент всего шесть. До недавнего времени задачи ранней профессиональной подготовки решали и другие общеобразовательные учреждения, в частности, колледжи и лицеи полиции (милиции). С изменением организационно-штатной структуры министерства внутренних дел в 2011 году учебные заведения подобного типа перестали существовать, хотя потребность в пополнении органов внутренних дел мотивированными на правоохранительную деятельность людьми только возросла. Шесть общеобразовательных учебных заведений ранней профессиональной подготовки не мо-

гут решить поставленных перед министерством внутренних дел перспективных задач формирования кадрового потенциала.

Кадетские классы (классы правоохранительной направленности), существующие в некоторых общеобразовательных школах, из-за отсутствия профессиональных преподавателей, единых программ, надлежащей материально-технической базы не могут обеспечить формирование профессионально значимых для будущих сотрудников органов внутренних дел качеств, умений и навыков, а тем более преемственность учебных программ средней и высшей школы.

В «Дорожной карте» дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации определена необходимость развивать систему ранней профессиональной ориентации молодежи на основе оптимизации деятельности полицейских колледжей, лицеев, специализированных классов (групп) общеобразовательных школ, позволяющую обеспечить сознательную готовность юношей и девушек связать свою жизнь с правоохранительной деятельностью, формирования у молодого поколения позитивного образа сотрудника органов внутренних дел [1, с. 8].

Суворовские училища МВД России созданы с целью предоставления обучающимся условий для интеллектуального, нравственного, культурного и физического развития, адаптации существования в социуме, получения общего среднего образования в соответствии с государственными стандартами. В то же время данные образовательные организации являются профилированными и воспитывают высокую правовую культуру воспитанников, осуществляют раннюю профессиональную ориентацию на круг профессий, связанных с правоохранительной деятельностью, готовят к продолжению обучения в высших учебных заведениях системы МВД России.

Данные организации решают вопрос правового образования и воспитания учащихся. Основной целью обучения является создание условий для формирования навыков сознательного правового поведения и усвоения соответствующих знаний [2, с. 33-39]. Формирование правосознания осуществляется как в процессе преподавания предметов традиционного школьного цикла, так и в ходе освоения специальных дисциплин. Тем самым создается система подготовки учащихся, при которой происходит интеграция общего и допрофессионального образования, формирование специфических умений и навыков в специально организованной деятельности.

Приоритетное место в образовательном процессе подобных учебных организаций отводится воспитанию. Суть нахождения обучающегося в учреждении заключается в специфическом воспитании, в создании специальной среды пребывания. Наиболее эффективно данный процесс на сегодняшний день может быть организован на базе суворовских училищ МВД России (полицейские колледжи и лицеи исключены из структуры органов внутренних дел и ориентированы на общеобразовательное обучение).

Среди факторов, влияющих на процесс воспитания личности воспитуемого, можно выделить следующие: семья, коллектив, среда учебного заведения, социальная обстановка, гуманитарный фон.

Формирование личностных качеств, которые необходимы воспитаннику, учитывая особенности его перспективной деятельности, необходимо рассматривать с позиций компетентностного подхода. Компетентность – это способность к достижению основных жизненных целей, получаемая в процессе обучения, воспитания, взаимодействия, общения, под влиянием политики, культуры, основанная на жизненном опыте, определившихся ценностях [3, с. 36].

Формирование компетентности у воспитанника (в профессиональной деятельности, в общественной и бытовой сфере и т.д.) возможно при создании разнообразной воспитательной среды, которая предполагает различные виды деятельности. Создаются предпосылки для развития соответствующих личностных качеств, способностей (компетентностей), приобретения определенных умений и навыков.

Создание такой воспитательной среды возможно в учебном заведении в условиях интернатного проживания, при подчинении строгому внутреннему распорядку дня, определенной психофизической нагрузке и субординации. В данных условиях возможно формирование психологической установки поведения и деятельности воспитанника, его нравственное становление. Идет процесс формирования ценностных ориентиров юноши и перспектив жизненного развития, происходит испытание самого себя жизненными ситуациями, преодолевая которые обучающийся постепенно выходит на рубеж ценностного самоопределения. Такие условия благоприятны для того, чтобы избежать негативных влияний, а при необходимости провести соответствующую коррекционную работу.

Говоря о юношеском коллективе, следует отметить, что проблема коллективного воспитания, глубоко проработанная в советской педагогике, является актуальной в современных условиях общеобразовательного учебного заведения интернатного типа. Ведущий специалист по вопросам коллективного воспитания В.А. Сухомлинский отмечал, что детский коллектив – это сообщество детей, в котором есть идейная общность, интеллектуальная общность, эмоциональная общность, организационная общность [4, с. 238].

Формирование коллектива базируется на идейном единстве его членов. У юношей должны быть общие, единые взгляды, понятия, представления о чести и достоинстве, добре и зле, благородстве и подлости, верности и предательстве. А в условиях образовательной организации МВД России эти представления приобретают государственное значение и являются приоритетным направлением воспитательной работы.

Создание и развитие коллектива в учебном заведении неразрывно связано с проведением общих мероприятий. Значительное место среди них занимает организация учебно-тренировочных сборов (летних и зимних), во время проведения которых воспитанники попадают в специальные ситуации, где необходимо делать выбор, проявлять чувство товарищества, ощущать взаимосвязь и взаимозависимость с другим человеком, здесь раскрываются личностные качества воспитанников, рождается духовная потребность в другом человеке. Особое место занимают традиции и ритуалы, которые способствуют формированию высоких нравственных норм, готовности к службе, чувства патриотизма и гражданской ответственности.

Обучение в суворовском училище – это постоянные испытания специфическим образом жизни. В процессе повседневной деятельности создается «интеллектуальный фон» для дальнейшего развития в коллективе, происходит взаимодействие разнообразных интересов и увлечений обучающихся, обмен знаниями и умениями.

Умение жить и трудиться в коллективе играет большое значение для будущей трудовой деятельности обучающихся, т.к. дальнейшая учеба в высших образовательных организациях МВД России, работа в правоохранительных органах требует от человека развитого чувства коллективизма.

Юноша, попадая из семьи в воспитательно-образовательную среду учебного заведения, включается в специальный процесс деятельности, положительный результат которой во многом зависит от того психологического фона, на котором она протекает, отсюда возникает необходимость создания и поддержания благоприятного психологического климата в коллективе. Во многом это зависит от руководителей и офицеров.

Коллектив воспитателей в учебном заведении выступает в лице преподавателей, командиров взводов, а также остальных сотрудников. Но его ядро составляют командиры взводов, т.к. именно они являются основными проводниками, организаторами воспитательного процесса, они выступают образцом для подражания. Командир взвода обучает мальчишек основам службы, формирует характер, совершенствует физическое развитие, ориентирует на мужское поведение, тем самым готовит юношей к службе в правоохранительных органах.

Таким образом, в современных условиях процесс подготовки специалиста в области правоохранительной деятельности должен быть системным и целостным. Сотрудник правопорядка должен быть самодостаточной личностью, которая обладает волевыми качествами, позволяющими ориентироваться в противоречивых и динамичных социальных условиях на собственные позитивные доминанты, способная при необходимости жить в условиях «социально-психологической» автономии, но при этом не терять способность создавать и поддерживать необходимый круг общения и значимые межличностные связи и отношения, в том числе коллективные и профессиональные. В этой связи следует активнее использовать возможности общеобразовательных учебных организаций правоохранительной направленности, суворовских военных училищ МВД России, формирующих ответственных граждан, мотивированных на дальнейшую службу в органах внутренних дел.

Библиографический список

1. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации // Профессионал. 2013. №1.
2. Кожин Ю.А. Становление доктрины правового образования школьников в современной России // Преподавание истории и обществознания в школе. 2009. № 8.
3. Елисеев Д.В. Роль педагогического коллектива в развитии самостоятельности лицеиста: сб. статей. – Пермь, 2008.

4. Сухомлинский В.А. Мудрая власть коллектива. – Москва, 1975.
5. Беспалько Е.М. Психолого-педагогические условия развития профессиональной ориентации учащейся молодежи в преемственной связи школа-вуз: дис. ... канд. пед. наук. – Воронеж, 2002.

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

УДК 32.019.51

Зайцева И.В.,

кандидат исторических наук;

Гильд А.Е.,

курсант

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: данная статья посвящена достаточно сложной и вместе с тем крайне актуальной проблеме, связанной с особенностями нового вида противостояния между различными государствами, который в современной политологии называется информационной войной. Развитие средств информации и формирование новых технологий борьбы за лидерство в мире приводит к тому, что возникает потребность в рассмотрении этой проблемы научным сообществом.

Ключевые слова: информационная война, политика, внешнеполитические отношения, информация, СМИ.

TO THE QUESTION ABOUT THE MAIN CHARACTERISTICS OF INFORMATION WARFARE IN THE MODERN WORLD

Zaitseva I.V.,

the candidate of historical sciences;

Gild A.E.,

the cadet

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article is devoted to a rather complex, but the actual problem with the features of a new type of confrontation between different states, which in modern political science called information warfare. Media development and formation of the new technologies of the struggle for leadership in the world leads to the fact that there is a need to address this problem by the scientific community.

Key words: information war, policy, foreign relations, information, mass media.

Современный мир представляет собой динамично развивающуюся, сложную и крайне многогранную систему, каждый элемент которой выполняет определенные функции. Наиболее крупными системообразующими элементами,

безусловно, выступают государства, многие из которых претендуют на замещение одних и тех же ролей в мировом сообществе. На ранних этапах существования человеческой цивилизации проблемы лидерства между государствами решались, как правило, военными методами, используя завоевательную или оборонительную стратегию. Однако XX век, вошедший в историю как самый кровопролитный, заставил мировое сообщество задуматься о недопустимости повторения сценария открытого противостояния между государствами и сформировал новый феномен противостояния, который получил название «холодной войны».

Впервые термин «информационная война» ввел в научный оборот американский эксперт Томас Рон. В своем отчете, подготовленном в 1976 году для компании Boeing «Системы оружия и информационная война», он указал, что информация становится ключевым элементом американской экономики, но одновременно и уязвимой целью [4, с. 30]. В середине 80-х годов этот термин стал употребляться в связи с новыми задачами вооруженных сил США. Так, в 1991 году во время проведения в Ираке операции «Буря в пустыни» информационные технологии впервые были использованы как средство ведения активных боевых действий. Официально этот термин был введен в директиве министра обороны США от 21 декабря 1992 года [4, с. 31].

Под «информационной войной» понимается комплекс мероприятий, которые направлены на уничтожение, подавление или нарушение функционирования систем получения, обработки, хранения и передачи информации противника, а также по защите собственных аналогичных систем. Кроме того, эти мероприятия нацелены на формирование у населения такого восприятия окружающего мира, которое способствует успешному достижению собственных целей в войне, а также препятствует достижению аналогичных целей противником [5, с. 16].

Исходя из данных характеристик, можно выделить два аспекта информационной войны: информационно-техническое противоборство и информационно-психологическое противоборство. Не обладая специализированными знаниями о приеме-передаче информации, представляющей повышенный интерес для государств-противников, сложно вести речь об особенностях информационно-технического противостояния в ходе информационной войны. Исходя из этого, основное внимание в данной статье будет уделено противоборству психологического характера.

Методы и приемы информационно-психологического противоборства использовались человечеством в войнах с глубокой древности. При этом следует понимать, что изначально информационные операции играли вспомогательную роль, и, следовательно, их влияние на характер войн являлось незначительным.

В дальнейшем возрастание роли информационного противоборства в военной стратегии государств было связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, стали выявляться причинно-следственные связи между внешним информационным воздействием и реакцией человека на это воздействие. Во-вторых, происходило совершенствование и увеличение многообразия коммуникаций,

т.е. каналов доведения информации до целевой аудитории, что одновременно позволило расширить объем целевой аудитории. В данном контексте, прежде всего, необходимо говорить об изобретении сети Интернет, а также о создании различных методов и форм манипуляции человеческим сознанием, по примеру нейролингвистического программирования [2, с. 22].

К очевидной особенности информационных войн, безусловно, относится то, что практически всегда при достижении поставленных задач, «на поле боя» отсутствуют потери человеческих ресурсов, в виду то, что в обыденном понимании и само «поле боя» отсутствует. Необходимо заметить, что методы информационных войн могут использоваться и в ходе проведения реальных военных операций для дезорганизации воинских частей, снижения морально-психологического состояния войск противника, насаждения среди них панического страха или, наоборот, пацифизма и благодушия [3, с. 145].

Информационный фон складывается в обществе в период войны из отношения населения к политике своего правительства и действиям своих вооруженных сил, из условий комплектования воюющей армии, функционирования военной экономики и ряда других сфер, влияющих на ход войны. Более того, все усилия командования по защите своих войск от вражеской пропаганды могут в итоге оказаться безрезультатными, если аналогичная работа в собственном тылу не проводится или проводится на недостаточном уровне. Так как сложившееся общественное мнение о войне будет неизбежно распространяться и на вооруженные силы [6, с. 94].

Определив основные теоретические характеристики информационной войны, необходимо выделить наиболее известные ее примеры в современном мире. Одним из самых ярких примеров информационного противоборства в 2008 году стал грузино-осетинский конфликт, который во многом был инициирован США, развернувшими против Российской Федерации новые формы ведения информационной войны. Прежде всего, активно стало использоваться телевидение, с помощью которого Россия приобрела облик мирового агрессора, который реализует свои политические амбиции по всему миру. Аналогичную позицию США заняли и в конфликте между Донецкой и Луганской народными республиками, с одной стороны, и украинской властью, с другой, когда СМИ Украины и Запада, активно пиарили акт вмешательства Российской Федерации в военные действия со стороны ДНР и ЛНР. Достаточно часто и при событиях в Осетии, и при военном конфликте на территории Украины, демонстрировались в телевизионных эфирах кадры разрушений Цхинвала, Донецка, Луганска и ряда других населенных пунктов, приписывая это действиям российских войск. Скандальную известность приобрел также случай с осетинской девочкой Амандой Кокоевой, которую пригласили вместе с тетей на телеканал Fox News, чтобы она в прямом эфире рассказала о войне в Южной Осетии, которую застала в Цхинвале. И в тот момент, когда девочка стала рассказывать об обстрелах города со стороны грузинских войск, телеведущий тут же объявил неполадки в трансляции и рекламу. Еще одним фактом стал сбитый малоазийский Боинг над территорией ДНР. Комиссия при участии ОБСЕ подтвердила факт того, что самолет был сбит украинскими военными, однако, ми-

ровое сообщество до настоящего момента уверено, что все это произошло без участия российской стороны [4, с. 47].

Еще одной формой ведения информационной войны является радиовещание, которое по сравнению с телевидением имеет готовые каналы трансляции на российскую аудиторию, что расширяет сферу распространения негативной компрометирующей информации. Так солидарность с грузинской стороной во время грузино-осетинского конфликта выразили радиостанции «Голос Америки», «Свобода», «Эхо Москвы» [4, с. 50].

К наиболее распространенному методу ведения информационной войны со стороны США является привлечение печатных изданий, которые применяли более тонкие приемы пропаганды, нежели на телевидении. В данном случае могли использоваться скрытые лозунги, неверная интерпретация исторических фактов, заведомая их фальсификация и подтасовка, чтобы продемонстрировать пролонгированную во времени завоевательную политику Российской Федерации.

Также значительное внимание отводилось использованию сети Интернет, которая отличается от остальных СМИ наибольшей гетерогенностью, поскольку в неё входят сетевые информационные ресурсы, а также электронные версии традиционных СМИ: телевидения, радио, газет и журналов.

Стоит заметить, что в ходе информационной войны США против России американская сторона активно использовала технологию так называемого «вирусного маркетинга», когда определенная информация вбрасывается в общественное сознание, минуя СМИ, через определенный круг лиц, являющихся идеологическими работниками, которые затем доводят ее до своих знакомых, и в результате складывается ситуация, когда дальнейшее распространение данной информации уже не требует участия инициаторов. При этом центрами вброса являются соответствующие информационные структуры, СМИ, неправительственные организации, а также идеологически мотивированные неорганизованные агенты. Такая информация подается как строго конфиденциальная, ставшая известной благодаря некоему уникальному случаю. Первичными получателями данной информации являются люди, склонные к привлечению внимания окружающих, к преувеличениям, относящиеся к психологическому типу «душа компании», способные выдать услышанное за увиденное собственными глазами [5, с. 173].

Обобщая вышесказанное, нужно отметить, что при проведении информационной войны используются следующие методы: отключение исторической памяти, ситуативная трактовка событий, подмена понятий, манипуляция числами, приписывание ложных намерений. Применяя метод отключения исторической памяти, противник делает акцент на внедрение в общественное сознание искаженной исторической картины развития государства, которое может дезориентировать население страны и снизить его устойчивость к манипуляциям. Для того чтобы передать информацию, хаотично в нужном ключе используется метод ситуативной трактовки. Так в грузино-осетинском конфликте Осетия рассматривалась как сепаратистское государство, которое претендует на целостность Грузии, а Россия, в этом отношении, рассматривалась как государство, поощряющее напряженность в данном регионе. Достаточно

часто используется метод подмены понятий, когда в общественном сознании агрессор начинает выступать в роли жертвы и наоборот. Неотъемлемой составляющей навязывания обществу ложной картины мира является манипуляция количественными параметрами этой картины. Как правило, информационные войны характеризуются преувеличением параметров, связанных с численностью и вооружением войск противника, с масштабами его военных потерь, жертвами собственного мирного населения и разрушениями собственной гражданской инфраструктуры. И наоборот, прослеживается тенденция к занижению численности своих войск, военных потерь, жертв гражданского населения противника и разрушений его гражданской инфраструктуры.

Приписывание оппоненту намерений, которых он не имеет, является одним из самых распространенных методов информационной войны. Такой метод широко использовался военной пропагандой западных стран во время конфликта в Южной Осетии. Учитывая тот факт, что с объективной точки зрения было трудно оспаривать справедливость требований России, выполнения которых она добивалась посредством военных действий, в ход пошло использование различных домыслов об истинных целях российской военной операции. При этом тот факт, что никто из официальных лиц России никогда не заявлял о наличии у нее приписываемых ей намерений, объяснялся аудитории врожденным российским коварством и вытекающим из него наличием некоего секретного плана войны и послевоенного переустройства региона [6, с. 210].

Таким образом, проблема информационных войн имеет особую актуальность в виду того, что способы использования различных видов информации с каждым днем развиваются все стремительнее. Кроме того, методы информационной войны, применяемые в реальных военных конфликтах, зачастую усугубляют их разрешение, что недопустимо в условиях демократизации современных государств.

Библиографический список

1. Адонкина С.Ю., Кутько В.В. Демократия в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Новый университет. Серия: Экономика и право. 2012. № 3. С. 79-81.
2. Добренков В.И. Мир в XXI веке и Россия: тенденции и перспективы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 3. С. 22-36; № 4. С. 5-23.
3. Кулагин В.М. Современная международная безопасность: учебное пособие. – Москва: Кнорус, 2013. – 432 с.
4. Малькова Т.В. Массы. Элита. Лидер. – Москва: Ягуар, 2006. – 232 с.
5. Почетцов Г.Г. Информационные войны. – Москва: ИЦГарант, 2008. – 453 с.
6. Расторгуев С.П. Информационная война. – Москва: Наука, 2008. – 235 с.

РОЛЬ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИИ И УКРАИНЫ В ФОРМИРОВАНИИ РУССКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 327.57

Зайцева И.В.,

кандидат исторических наук;

Яровенко А.В.,

курсант

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье анализируются проблемы формирования геополитических отношений двух государств через призму геополитических факторов: географического положения, влияния соседних государств на специфику взаимоотношений России и Украины, индивидуальных национальных интересов двух государств.

Ключевые слова: Российская Федерация, Украина, геополитика, географическое положение, Крым.

THE ROLE OF THE GEOPOLITICAL POSITION OF RUSSIA AND UKRAINE IN THE FORMATION OF RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS

Zaitseva I.V.,

the candidate of historical sciences;

Yarovenko A.V.,

the cadet

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article analyzes the problems of formation of geopolitical relations between the two countries through the prism of geopolitical factors: geographical location, influence of neighboring states on the specifics of relations between Russia and Ukraine, the national interest of the two states.

Key words: The Russian Federation, Ukraine, geopolitics, geographical location, Crimea.

Актуальность темы, заявленной в названии статьи, обусловлена тем, что в последнее время крайне остро стоит вопрос взаимоотношений между Россией и Украиной ввиду сложившейся геополитической ситуации в мире. В рамках современной политологии под геополитикой понимается наука о теории международных отношений, которая со своими важнейшими параметрами, концептуальными установками и методологическими принципами представляется как самостоятельная научная дисциплина, составляющая важную часть политической науки [4, с. 14]. В контексте данной дисциплины, принципиаль-

но важным становится анализ процесса взаимодействия данных государств через комплекс методологических оснований.

Система взаимоотношений между Россией и Украиной – это вопрос, выходящий за рамки отношений исключительно двух государств. На сегодняшний момент становится очевидным, что проблемы, возникающие между нашими государствами, затрагивают страны европейского региона с выходом на мировую политическую арену. Исходя из этого, представляется особо важной тема объективной интерпретации событий в русско-украинских отношениях, поскольку это позволит с новой стороны расставить геополитические акценты в мире, обозначив факт изменения позиций обоих государств на международной политической арене.

Кроме того, актуальность данной темы обусловлена рядом внутренних задач, которые на сегодняшний день стоят на повестке дня у России и Украины. Развитие демократических тенденций в политической и экономической жизни обоих государств после распада СССР привело к тому, что прямо или косвенно России и Украине приходится сопоставлять результаты тех или иных политических действий, а также совместно решать наиболее сложные вопросы межгосударственных отношений. Данные закономерности объективно обуславливают необходимость разрешения тех конфликтных ситуаций, которыми изобилуют на сегодняшний день русско-украинские отношения, а также поиска углубления эффективного русско-украинского сотрудничества.

Раскрывая вопрос, заявленный в названии данной статьи, стоит, прежде всего, сказать, что геополитическое положение двух соседних государств имеет огромное значение для геостратегических интересов России в целом. Во многом это связано с тем, что ухудшение отношений между Российской Федерацией и Украиной неизбежно ведет к расформированию так называемого «славянского треугольника» – единого социально-экономического, политического и культурного пространства между Россией, Украиной и Белоруссией. Подтверждением тому факту, что представители славянских государств считают важным тенденцию к сплочению, является то, что в середине 90-х годов подавляющее большинство украинцев и белорусов высказались за придание русскому языку статуса государственного [3, с. 8]. Кроме того, русско-украинская граница, составляющая по протяженности 2295,04 км, разделяет значительное количество семей, проживающих в двух государствах, что также отражает потребность в сплочении России и Украины, в том числе и на локальном уровне.

Преобладающие долгое время в русско-украинских отношениях открыто конфликтные тенденции привели к тому, что в целом для межгосударственных отношений в «славянском треугольнике» были характерны лишь декларативные шаги и символические жесты. Так, на сегодняшний момент количество межгосударственных и межведомственных соглашений между Украиной и Россией исчисляется трехзначными цифрами, но, как правило, они не исполняются [1, с. 187].

Рассматривая специфику геополитического положения Украины, стоит сказать, что оно во многом определяется ее географическим местоположением. Прежде всего, ее соседством с Россией и Польшей. Фактически подобная географическая ориентация прямо отразилась на ориентацию политическую, по-

сколькx фактически на территории Украины существуют два региона: восточный и западный.

На территории Восточной Украины проживает значительная доля русского населения, а также русскоязычных украинцев, которые исповедуют православие. Основная доля промышленного потенциала Украины сосредоточена именно в этом регионе, что и служит поводом к повышению интереса к этой части страны со стороны западных государств. Подобные обстоятельства обуславливают прочные межличностные и межхозяйственные связи с Россией. Говоря о территории Западной Украины, стоит отметить, что долгое время она находилась в составе Польши и Австро-Венгрии, что оказало влияние на социокультурные характеристики ее населения [2, с. 78]. Преобладающая роль униатской церкви и антироссийские настроения обуславливают возникновение на данной территории предпосылок к формированию политической практики ориентации на западные государства. Как следствие, именно данный регион является частью страны, определяющей националистические тенденции развития украинского государства, культивируя ухудшение отношений с Российской Федерацией.

В виду того, что Россия, за исключением Калининградской области, не имеет сухопутной границы с Евросоюзом, украинские политики довольно часто используют этот факт для давления на российское руководство в целях приобретения тех или иных экономических и политических преимуществ. Но следует полагать, что российская политика в отношении Украины была до самого последнего времени экономически неэффективной. Активно действовала модель донор – реципиент, согласно которой Россия в ущерб себе обеспечивала своим соседям разного рода внешнеэкономические льготы, что не создавало условий для возникновения общности экономических интересов на новой рыночной основе [5, с. 80]. В свою очередь Украина не стремилась оказывать поддержку российскому бизнесу, отказывалась и по-прежнему отказывается возвращать долги за полученные ранее от Российской Федерации энергоресурсы, пытаясь найти поддержку на Западе.

Несмотря на эти проблемы, Российская Федерация продолжает рассматривать Украину как ключевое звено геостратегии на юго-западном направлении [6, с. 87]. Сотрудничество с Украиной в этом отношении выгодно Российской Федерации по нескольким геостратегическим основаниям [4, с. 179]: во-первых, союз России и Украины обеспечивает выход первой к Черному морю, а далее – на Балканы и Ближний Восток; во-вторых, данный союз может укрепить положение России в Центральной Европе и Средиземноморье; в-третьих, сближение двух государств позволит более эффективно противостоять современной массовой угрозе в лице различных террористических организаций; в-четвертых, поскольку через территорию Украины осуществляются российские поставки энергоносителей в Западную Европу, то в случае еще большего ухудшения межгосударственных отношений Россия вынуждена будет искать альтернативные пути транзита, что существенно увеличит транспортные издержки и отрицательно скажется на наполняемости ее госбюджета; в-пятых, долгое время российская и украинская промышленность были технически и технологически скооперированы друг с другом, поэтому возобновление утраченных связей позволит обеспечить экономический подъем обоих государств.

Учитывая все объективные плюсы возобновления сотрудничества между Российской Федерацией и Украиной, стоит все же понимать, что больше двадцати лет наши государства ориентируются на разные модели внешне- и внутриполитического развития. Исходя из этого, необходимо говорить о том, что сближению России и Украины могут мешать такие факторы, как противоречия по поводу Крыма и Севастополя; политика украинского руководства по ограничению сферы использования русского языка в СМИ и образовательных организациях, а также по нивелированию роли СССР в победе над гитлеровской Германией; ускоренный курс на интеграцию страны в единое европейское пространство и отдельные евроатлантические структуры. Последний фактор особенно остро влияет на ухудшение русско-украинских отношений ввиду того, что ориентация Украины на Запад предполагает организацию вблизи границ РФ военных баз НАТО и развязывание новых военных операций с участием украинских военных вблизи границ нашего государства (как это происходит на территории Донбасса). Отсутствие понимания у украинских политиков того факта, что США не рассматривают Украину как равноправного партнера, постепенно приводит к эскалации новых видов противоречий как внутри самой Украины, так и в русско-украинских отношениях, поскольку под лозунгом защиты независимости Украины США преследуют главную цель – не допустить ее стратегического сближения с Россией, что могло бы существенно ослабить влияние США не только в Восточной Европе, но и на евразийском континенте в целом.

Таким образом, специфика геополитического фактора русско-украинских отношений заключается в установлении тесных союзнических связей как гарантии независимого и поступательного развития обоих государств. Усиление «славянского треугольника» может стать основой для формирования нового конгломерата стран на территории Евразийского континента, определяющего собственные стратегии и потенциал развития региона.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы российской геополитики / под общ. ред. В.А. Михайлова. – Москва: Проспект, 2004. – 140 с.
2. Глобализация: сущность, проблемы, перспективы / под общ. ред. В.А. Михайлова и В.С. Буянова. – Москва: Проспект, 2013. – 320 с.
3. Губченко А.В. Геополитическая оценка современной России в глобализирующемся мире // Власть. 2011. № 3. С. 3-15.
4. Дугин А.Г. Геополитика России: учебное пособие для вузов. – Москва: Академический проект, 2014. – 585 с.
5. Романов А.А. Геостратегия: Россия и мир в XXI веке. – Москва: Три-вола, 2010. – 132 с.
6. Шеремет О.Л. Геополитическое положение России: современность и будущее // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 31. С. 152-156.

АНТРОПОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 340.12

Антонов Р.Е.

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Аннотация: в статье обосновывается сущность и эвристический потенциал антропологического понимания государства и государственности как актуального направления современных междисциплинарных исследований данных феноменов. Утверждается необходимость реконструкции и изучения исторической динамики антропологических констант российского государства для дальнейшего моделирования его формата.

Ключевые слова: государство; государственность; общество; человек; геополитические процессы; антропологический подход; юридическая антропология; исследования государства.

ANTHROPOLOGY OF THE STATE IN THE SYSTEM OF LEGAL ANTHROPOLOGY

Antonov R.E.

(Belgorod National Research University)

Abstract: in the article the essence of the concept of «statehood», carried out the analysis of anthropological format of the Russian state through the prism of the fundamental constants of statehood, its defining the specifics of the various cultural and historical stages of development.

Key words: government; statehood; society; people; geopolitical developments; anthropological approach; the anthropological constants; study of the state.

Зарождение идеи юридической антропологии имело место в новоевропейской культуре. Здесь происходила «граждански-антропологическая переориентация государства», в ходе которой кардинально изменились взаимоотношения человека и государства. Появился новый исторический субъект, в качестве которого выступила нарождающаяся буржуазия, который выдвинул новые требования в отношении к государственности. «Новому субъекту, – пишет В.С. Барулин, – государство необходимо как политический инструмент регуляции общественных отношений, основ жизни людей, опирающихся на свою собственность и инициативу. Он нуждается в государстве, которое обеспечивает широкие возможности реализации его бытия в качестве свободного во всех сферах жизнедеятельности индивида» [2, с. 155]. Однако антропологические параметры государственности раскрываются не сразу, а развиваются в исто-

рии, как и человеческое общество. Их содержательное раскрытие осуществляется в процессе формирования антропологии государства как нового междисциплинарного направления. В связи с этим проблема антропологических начал в теории государства и права все чаще привлекает внимание представителей юридических наук.

Значительный вклад в разработку междисциплинарных и интегративных исследований в теории государства и права внес В.С. Нерсисянц. Он одним из первых выступил с обоснованием юридической антропологии как специальной дисциплины в теории государства и права. «Важно иметь в виду, – подчеркивал В.С. Нерсисянц, – что *наличие таких юридических (по своему предмету и методу) дисциплин, как философия права, социология права, юридическая антропология, правовая кибернетика* и т.д., вовсе не исключает формирования таких же по своему наименованию дисциплин, которые, однако, по своему предмету и методу относились бы к смежным наукам» [5, с. 39].

В.С. Нерсисянц утверждал также, что в рамках юриспруденции юридическая антропология, как и другие названные науки, являются дисциплинами общенаучного, а не отраслевого характера. При этом он подчеркивал, что научные «разработки в области юридической антропологии, психологии права, правовой логики, правовой информатики, правовой кибернетики находятся пока что на стадии утверждения *самостоятельного научного направления* юридических исследований» [2, с. 40].

В современной юридической науке не существует однозначного понимания юридической антропологии. Так, например, Н.Г. Кашанина включает в теорию государства и права юридическую антропологию, подразделяя ее на антропологию государства и антропологию права. Она пишет, что «будучи в российской классификации юридических наук единой наукой, теория государства и права в то же время имеет относительно автономные части (схема 11): антропология государства и антропология права (учение об их происхождении и эволюции...)» [3, с. 33].

О важности антропологических исследований государства пишут представители различных социально-гуманитарных наук. Особый подход к государству имеет место в юридической науке, нацеливающий на собственно юридический подход. При этом антропология государства рассматривается наряду с антропологией права в качестве составной части юридической антропологии. Так, например, по мнению А.И. Ковлера, «пафос российской юридической антропологии виделся также и в том, что начавшееся освобождение человека и гражданина от всевластия тоталитарного государства требует сломать саму логику традиционного юридического мышления, для которого право есть исключительно монополия Государства, а человек является объектом правового воздействия Государства» [4, с. 24]. Именно в этом предметном поле и может быть адекватно выражена природа и специфика антропологии государства.

Следующий шаг в уточнении содержания юридической антропологии был связан с выяснением ее предмета. В частности О.А. Пучков пишет, что эта дисциплина «в качестве предмета исследования имеет, во-первых, элементы общества (человека, государство, право, практику), во-вторых, гуманистиче-

ские аспекты политической (государственной) и правовой деятельности (правовую культуру человека, психологию власти и права, социальные нормы деятельности, этнические факторы государственно-правового воздействия и т.д.), в-третьих, важнейшие производные государственно-правовой деятельности – свободу человека и ее ограничения (право, правовые санкции и т.д.)» [6, с. 102]. Он отмечает также, что процесс первоначального становления юридической антропологии происходит пока в рамках правоведения. Следующим шагом в становлении этой дисциплины является учет антропологического фактора представителями государствоведения.

О.А. Пучков и А.Р. Кабиров справедливо считают, что «в предмет теории государства и права уже давно пора включить самого человека-человека, осознающего сложные механизмы действия права, человека, непосредственно толкующего и понимающего тексты права, наконец, человека, осуществляющего практическую деятельность в качестве правотворческого субъекта и субъекта применения права» [7, с. 30]. Действительно, именно включение человека в предмет юридической науки и, в частности, теории государства и права, становится насущной задачей ее дальнейшего развития.

По мнению Н.В. Разуваева, «предметом юридической антропологии выступают генезис и эволюция права и государства как правового явления, а также их специфика в традиционном обществе. В настоящей статье мы попытаемся дать общую характеристику традиционного государства и права, рассмотрев юридические предпосылки происхождения и особенности традиционной государственности» [8, с. 68]. Он утверждает также, что в процессе «публицизации» государства происходит его трансформация из частноправового в публично-правовой институт.

Появление таких дисциплин, как юридическая антропология и образующих ее антропологии права и антропологии государства, становится возможным при переходе юридической науки от методологии классической к постклассической, позволяющей осваивать междисциплинарные и интегративные области научного знания. При этом обретение антропологией государства научного статуса преобразует многие исследовательские параметры, позволяя учитывать не только внешние стороны государства, но и глубинную часть государственной жизни, ядром которой выступает человек. В методологическом плане при учете антропологического фактора государственная жизнь человека рассматривается во всем его многообразии. Это означает одновременно познание государственно-антропологической реальности.

Следует признать, что антропология государства в отличие от антропологии права является менее разработанной и осмысленной не только в историко-культурном контексте, но также структурном и содержательном планах и дискурсах. Все это свидетельствует о том, что антропология государства становится важной отраслью юридической антропологии. Ее появление (возникновение) обусловлено самим ходом предшествующего развития антропологии и государствоведения. Именно потребности в инновационном развитии человеческого общества вызвали к жизни исследования взаимоотношений человека в его различных ипостасях (личность, этнос, нация и народ) с государством.

Включаясь в такую отрасль юридической науки, как юридическая антропология, антропология государства в конкретных научных исследованиях выступает в виде этнографии государства, этнологии государства и антропологии государства. Антропологию государства можно определить как субдисциплину юридической антропологии, как учение о государстве, как способе человеческого бытия. Исходя из этого, антропологические измерения бытия государства необходимо изучать, осмысливая соотношения природы человека и природы государства.

Этот подход, учитывающий антропологический фактор правоведами, на наш взгляд, должен быть дополнен государствоведами. Вместе с тем существуют и другие взгляды по этому вопросу. Так, например, В.Д. Перевалов считает, что «человеческий (антропологический) фактор происхождения государства не требует доказательств, он аксиоматичен, ибо, в конечном счете, человек по мере своего развития и в силу объективной необходимости устанавливает для себя и других определенные правила поведения.

Как показывает история развития юридической науки, юридическое познание включает не только познание права, но и познание государства, что позволяет включать в юридическую антропологию такую дисциплину, как антропология государства наряду с антропологией права. Отмечая сам исторический факт становления антропологии права и антропологии государства как органических частей юридической антропологии, важно учитывать предшествующие этому процессу междисциплинарные и интегративные научные исследования, которые развернулись не только в естествознании, но и в социально-гуманитарных науках.

При современном рассмотрении проблем взаимосвязи государствоведения с другими социально-гуманитарными, а также естественными науками важно учитывать исторический опыт постановки и решения этих проблем. Так, например, Н.В. Устрялов в соответствии с уровнем современного ему научного знания выделял и анализировал соотношения между тремя компонентами государства: 1) территория, 2) народонаселение и 3) государственная власть. «Если государственное устройство, – писал он, – есть лишь одна из многих сторон государства, то и проблема народонаселения далеко не исчерпывается ее постановкой в строгих рамках государственного права. Юридические категории в ней пересекаются с этнографическими и социологическими: говорят о народе, о народности, о нации. Часто тут происходит терминологическая путаница, ведущая к путанице понятий. Необходимо остановиться на цикле относящихся сюда вопросов. Государствоведение не может не считаться с выводами физической антропологии и особенно этнологии» [10, с. 620]. Кроме этого нация, как и государство, является, по мнению Н.В. Устрялова, сложным сочетанием природных и культурно-исторических элементов при несомненном преобладании последних.

Позднее ученые стали устанавливать взаимосвязи между различными областями научного знания, осуществляя интегративный синтез. При этом происходит отпочкование антропологии государства от политической антропологии. Об этом свидетельствуют исследования не только политических ан-

тропологов, но и этнографов, этнологов и антропологов, исследующих вместе с юристами государствогенез. Подобно тому, как происходит установление взаимосвязей в теории государства и права, должны осуществляться интегративные связи между антропологией права и антропологией государства в единой юридической антропологии. При этом антропологии государства современные юристы уделяют мало внимания, а государствоведческая этнография в изучении своего предмета и методов исследования следует за тенденциями мировой этнографической науки.

Антропологическая методология обеспечивает изучение всех компонентов и проблем теории государства и права в их человеческом измерении. Она дает самое глубокое понимание государства как отчужденной от человека формы его существования. В юридической антропологии, неразрывно связанной с этнологией, этнографией и этологией заключен импульс развития учения о государственно-правовой жизни как естественно-историческом процессе. При этом юридическая антропология рассматривает государство с иных позиций, нежели культурология, социология, политология, не исключая при этом точек соприкосновения с ними и даже взаимопереплетения в конкретных исследованиях.

Весьма примечательно, что один из основателей юридической антропологии французский юрист Н. Рулан, выпустивший аналогичную книгу, отрицает возможность существования антропологии государства. И это было заявлено в то время, когда во Франции уже была опубликована книга М. Абелеса, ученика К. Леви-Стросса, под названием «Антропология государства» [12]. Правда, следует признать, что имея перед своими глазами первый, не совсем удачный опыт рассуждений об антропологии государства, Н. Рулан мог вполне обоснованно утверждать о невозможности антропологии государства. К этому следует добавить, что антрополог в рамках своей компетенции не мог создать концепцию антропологии государства без юриста. Важно также отметить, что М. Абелес, будучи политическим антропологом, остался в пределах своей специальности и не вошел в юридическую сферу. Что же касается таких общих заявлений М. Абелеса как «государство не существовало все время, оно исчезнет и один день, как оно появилось» [12, с. 50], то оно имело декларативный характер. Вместе с тем следует отметить, что игнорирование этой работы М. Абелеса, по сути дела, привело к отождествлению юридической антропологии и антропологии права в западноевропейской и отечественной научной литературе.

Прекрасно осознавая сложившуюся ситуацию в юридической науке, известный российский специалист в области антропологии права А.И. Ковлер вполне правомерно заявил, что «настало время подумать и об антропологии государства, где человек еще отчужден от власти» [4, с. 23]. Правда, при этом он продолжал в силу традиции отождествлять юридическую антропологию с антропологией права. Последняя определяется им как наука и учебная дисциплина, изучающая «правовое бытие человека на всех стадиях развития этого бытия, от архаических до современных» [там же].

В современной юридической литературе довольно часто антропология права отождествляется с юридической антропологией. Поэтому имея корни в

социальной и политической антропологии, юридическая антропология используется в основном для раскрытия содержания антропологии права. При этом антропология государства оказывается вне сферы внимания современных юристов, включая государствоведов. В частности, Е.А. Агафонова утверждает, что «антропология права (юридическая антропология) представляет собой науку, объединяющую в себе методологию научного исследования социальной антропологии, этнологии, социологии и истории права» [1, с. 127].

Как известно, в любой развитой научной области каждое используемое понятие имеет свой собственный смысл, значение и содержание. Даже один и тот же термин в научном исследовании превращается в понятие, являясь, прежде всего, выражением определенных признаков или черт изучаемого предмета. Правда, в последнее время стали появляться работы, в которых выделяется антропология государства как составная часть юридической антропологии. Следует признать, что качественные разграничения юридической антропологии и антропологии государства сегодня имеют лишь постановочный характер и не получили должной разработки и концептуализации. В определенной мере это связано с отсутствием аналогичных разграничений юридической антропологии и антропологии государства. В этой связи отметим, что, как показывают современные юридические исследования, юридическая антропология изучает генезис не только права, но и государства. В частности, А.А. Шепталин справедливо отмечает, что «изучение генезиса права и государства, вопреки скепсису отдельных правоведов, требует активного и вместе с тем взвешенного и обоснованного применения этнологических источников» [11, с. 5]. К сожалению, он не раскрывает это положение более подробно на конкретном антрополого-юридическом материале.

Исследование антропологии государства предполагает определение ее места и роли в системе юридической антропологии. Юридическая антропология возникает в европейских странах в 60-е годы XIX в. на стыке этнографии и правоведения. Значительно позже она разрабатывается как составная часть теории государства и права. Становление юридической антропологии в России происходило в 70-е годы XIX в., когда происходит широкое ознакомление с бытом многочисленных народов, проживавших в империи. В советский период юридическая антропология рассматривалась как раздел нормативной этнографии.

Новый этап в развитии российской юридической антропологии начинается с середины 90-х годов XX века, когда стали обсуждаться проблемы, связанные с правовым положением коренных народов. В современных условиях разработка юридической антропологии становится важной задачей российского федеративного государства, являющегося полиэтническим образованием с присущими ему разнообразными культурными, конфессиональными и правовыми традициями.

Применительно к вопросу об антропологическом подходе в государствоведении важно учитывать следующее. В первую очередь, необходимо признать, что при исследовании государственно-правовой сферы в антропологическом аспекте такая область знания как антропология государства, явно отстает

в своем развитии от антропологии права. Поэтому приобретают особую значимость исследования антропологии государства. Сегодня требуется расширение предмета юридической антропологии и включение в нее не только антропологии права, но и антропологии государства. Юридическая, в частности, государствоведческая этнография в своем предмете и методах исследования следует за тенденциями мировой этнографической науки.

Таким образом, как показывают современные исследования, антропология государства является наряду с антропологией права важнейшей составной частью юридической антропологии. Она изучает государственное бытие человека на всех стадиях его развития от древности до современности. Антропология государства в конкретных научных исследованиях выступает в виде этнографии государства, этнологии государства и собственно антропологии государства.

Библиографический список

1. Агафонова Е.А. Юридическая антропология: предметно-методологические особенности // Юристь-правоведь. 2009. № 4.
2. Барулин В.С. Социальная философия: учебник. – 2-е изд. – Москва: ФАИР-Пресс, 1999.
3. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. – 2-е изд. пересмотр. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2011.
4. Ковлер А.И. Антропология права: учебник для вузов. – Москва: НОРМА, 2002.
5. Проблемы общей теории права и государства: учебник / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. – 2-е изд., пересмотр. – Москва: Норма: ИНФРА – М, 2016.
6. Пучков О.А. О предмете юридической антропологии // Российский юридический журнал. 1999. № 4.
7. Пучков О.А., Кабиров А.Р. Развитие теории государства и права на современном этапе: проблемы и перспективы // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 4.
8. Разуваев Н.В. Правовые предпосылки возникновения и эволюции государства: очерк юридической антропологии // Правоведение. 2013. № 4 (309).
9. Таранова А.Е., Антонов Р.Е. Специфика базовых констант российской государственности и их влияние на историческое развитие России // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2014. № 1.
10. Устрялов Н.В. Элементы государства / Классика геополитики, XX век: сборник / сост. К. Королев. – Москва: АСТ, 2003.
11. Шепталин А.А. О роли юридической антропологии в изучении генезиса права и государства // Электронное приложение к российскому юридическому журналу. 2016. № 2 (34).

КОНФЕССИОНАЛЬНО-ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ

УДК 008+32.001+34

Масленченко С.В.,

кандидат культурологии, доцент

(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь)

Аннотация: в статье осуществляется комплексный анализ конфессиональных и гендерных факторов (трендов), оказывающих негативное воздействие на современное развитие восточнославянских народов, в частности таких, как поляризация религиозной идеологии, экономическая слабость в условиях глобальной коммерциализации церковных организаций и других.

Ключевые слова: конфессия, католицизм, униатство, гендер, цивилизация, имидж.

CONFESSIONAL AND GENDERTRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CIVILIZATION OF EASTERN SLAVYANIC STATES

Maslenchenko S.V.,

the candidate cultural of sciences, the associate professor

(Academy of the Ministry of internal Affairs of the Republic of Belarus)

Abstract: in modern development and the three Eastern Slavic peoples noted several trends that have a negative impact: first, economic weakness in the global commercialization of church organizations, and secondly, declining to younger generations because of the attractiveness of image-persistent conservatism, thirdly, increasing political polarization of religious ideology, leading to the growth of chauvinism and fundamentalism.

Key words: denomination, Catholic, Uniate, gender, civilization, image.

Десятилетия после распада СССР стали для трех восточнославянских стран временем определения пути собственного государственного развития, а также выстраивания круга внешнеполитического партнерства и взаимодействия. Беларусь и Украина оказались в ситуации лавирования между двумя цивилизациями, что давало не только определенные преимущества, но и несло сложности, выражающиеся в столкновении преимущественно религиозных и общекультурных трендов. При этом каждый народ, в зависимости от своей воли или под принуждением, в полной мере испытал на себе все особенности двух цивилизаций и последствия их столкновения.

Во всем многообразии тенденций цивилизационного развития белорусского, русского и украинского государств значительный интерес представляет

исследование конфессионального тренда. В конце XX в. с новой силой активизировались процессы институционального возрождения бывших ранее традиционными в восточнославянских государствах религиозных организаций. Это, в первую очередь, – греко-католическая церковь, которая всегда играла важную роль в поддержании национально-ориентированной интеллигенции (например, униатство в национальном движении Западной Украины в XX веке и его значение в формировании нынешнего поколения молодых украинцев, с очевидностью проявившееся на фоне Майдана-2014).

На протяжении последних десяти столетий христианство стремилось стать сердцем духовной культуры восточнославянских земель, переживая взлеты и падения, периоды религиозных противоречий и конфессионального мира. Различные политические и духовные центры пытались брать на себя роль собирателя белорусских, украинских и русских земель, что объективировало у этих народов уникальные решения вопросов собственной политической и религиозной идентичности. В этих процессах белорусская и украинская культуры оказались пространством столкновения западной и восточной цивилизаций; развитие же русской культуры на долгое время стало определяться влиянием восточного христианства.

К началу XIX в. католицизм и униатство стали доминантами духовной жизни восточных славян, населявших территории современной Беларуси и Украины. Подавление восстаний 1830-1831 гг. и 1863-1864 гг., запрет униатства, а также последовавшие за этим русификация и насаждение православия, с одной стороны, позволили укрепить императорскую власть на присоединенных после разделов Речи Посполитой территориях; с другой стороны, привели к унификации культур и языков, денационализации местной элиты, ущемлению в правах представителей негосподствующих конфессий, что, в итоге, окончательно сформировало в массовом сознании национально настроенного обывателя представления о России как не совсем дружелюбном государстве и о Московской патриархии как агенте пророссийских устремлений. В последующие почти два столетия эти мнения служили благодатной почвой для развития различного рода националистических идей среди белорусов и украинцев.

В попытках воплощения мечты о независимости белорусский и украинский народы по-разному реализовывали свои устремления. В какой-то степени толерантная ментальность белорусов позволила сгладить религиозные и межнациональные противоречия. В то же время религиозная политика иерархов Украинской греко-католической церкви, начиная с К. Шептицкого, и национально, а в определенных случаях, и националистически настроенной западноукраинской интеллигенции выступала и продолжает выступать благодатной средой противодействия межславянскому взаимодействию, а в последние месяцы приняла открытый антироссийский характер.

Неразрешенность конфессиональных противоречий, западный и восточный уклоны в интерпретации восточнославянскими народами истории и религии дополняется новыми трендами, создающими экономические и гендерные вызовы цивилизационного развития. Сегодня в борьбе за умы и души молодых прихожан христианская церковь столкнулась с необычным конкурентом в лице индустрии

общества потребления. Двигателем преобразований постиндустриального общества стала IT-экономика, чьи поведенческие модели и потребительские ценности активно завоевывают мировоззренческие и ролевые установки всех структурных элементов общества. Нынешняя эпоха требует гибкости и стремления к обновлению не только от отдельно взятого человека, но и от социальных институтов. Идея «чем быстрее приспособишься, тем лучше заживешь» становится правилом успешного развития в быстро изменяющемся мире.

Процессы модернизации не обходят стороной и религиозную сферу. XIX-XXI века объективировали множество коммерциализированных неокультов, выстраивающих свою деятельность посредством маркетинговых технологий. Современные экономические вызовы также дополняются нехарактерными для предыдущих столетий гендерными проблемами: рукоположением женщин и оправданием гомосексуализма.

Экспансии феминистических идей в XX веке в немалой степени способствовало распространение идеалов демократии. Всего за несколько десятилетий женщина перестала быть собственностью мужа и приобрела статус, равный мужскому, во всех сферах общественной жизни. Переплетение данных процессов с протестантской традицией способствовало постановке вопроса о рукоположении женщин. Священство для протестантов – это не сан, а должность. В древней Церкви существовал институт диаконис – особой категории женщин, принявших посвящение и несших определенные церковные обязанности, но не принимавших участия в совершении таинств. К функциям диаконис относилось: приготовление женщин к крещению; оказание помощи священнослужителям при самом крещении женщин; дела милосердия – посещение больных и бедных; размещение входящих в храм женщин по порядку и наблюдение за их поведением во время богослужения. С появлением женского монашества данный институт прекратил существование.

Стоит отметить, что сам Бог не конкретизирует половой статус священника, но в Писании четко прослеживается процедура рукоположения: Бог избирает апостолов (среди них нет женщин) и дает им власть совершать таинства (Авт.: идея выражена без учета содержания апокрифов); эта власть перешла от апостолов к их преемникам – епископам, а от епископов к пресвитерам. По сути, Бог через священника совершает таинства.

Англиканская церковь впервые в мире разрешила возводить женщин в сан дьяконов в 1987 году, в сан священников в 1994 году. В 2012 году 42 из 44 английских епархий предложили проект закона, разрешающего рукоположение женщин в сан епископов. Согласно правилам Генерального Синода, все изменения в канонические законы должны быть одобрены большинством в две трети голосов в каждой из трех его палат. Палата епископов и палата священников проголосовали подавляющим большинством в пользу нового проекта, однако в палате верующих-мирян он не смог собрать нужного количества [2]. В лютеранских и евангелистических церквях женщины все же получили право рукоположения в епископский сан. Вместе с тем не учитывать номинальное демографическое большинство женщин в Европе и США, особенно в старших возрастных группах, а также их политическую, экономическую и религиозную

эмансипированность в условиях конкурентной борьбы за неофитов – непозволительная роскошь. К тому же в католическом лагере уже слышны призывы к обсуждению данной проблемы [3].

Благодаря тому, что современное информационное общество молниеносно продуцирует и тиражирует образы героев и новые ролевые наборы, социальная роль женщины-священника в ближайшей перспективе может стать пространенной и принимаемой пассивным большинством моделью поведения. Однако безграничная свобода самовыражения не останавливается на достигнутом и претендует на разрушение в общественном сознании и культуре еще одной цитадели: табу гомосексуальности. «Евровидение – 2014» с новой силой подняло вопрос о статусе и тиражировании гомосексуальности в западной цивилизации, которая не является столь уж однородной и включает в себя страны, где определенные конфессии играют доминирующую и государственную роль (Греция, Польша, Великобритания и др.).

В настоящее время среди христиан существуют различные мнения по поводу гомосексуальности. В законах библейского Моисея сказано: «Не ложись с мужчиной, как с женщиной – это мерзость» (Лев. 18: 22). На протяжении практически всей христианской истории гомосексуальные отношения рассматривались в христианстве как грех, а его причина (как вообще причина любого греха) объяснялась повреждением человеческой природы и ее склонностью ко греху после грехопадения. Такой взгляд на гомосексуальные отношения содержится в официальной позиции Католической церкви, Православных поместных, Древневосточных церквей и ряда протестантских церквей (включая Церковь адвентистов седьмого дня, большинство Баптистских, Методистских и Пятидесятнических церквей) [4].

Ряд христианских церквей, как, например, Евангелистическая церковь Германии, Церковь Швеции, Церковь Дании, Церковь Исландии, Протестантская церковь Нидерландов, Объединенная церковь Канады, Епископальная церковь США, Евангелистическая лютеранская церковь в Северной и Южной Америке, Евангелистическая лютеранская церковь в Италии и старокатолические церкви разных стран не рассматривают моногамные однополые союзы греховными и допускает совершение обрядов благословения таких однополых пар [4]. Лидером подобного рода реформистских настроений выступает Англиканская церковь. Однако рукоположение в епископы открытого гомосексуала Дж. Робинсона в 2003 года вызвало церковный раскол. Но это не остановило продвижение гомосексуалистов по иерархической церковной лестнице: в 2010 году в епископы была избрана открытая лесбиянка М. Глэспул. Аналогично обстоят дела в Церкви Швеции. Признание гомосексуализма в излишне демократизированном правовом пространстве привело к постановке вопроса о праве однополых пар на усыновление детей.

Раскрытие человеком себя, воплощение его замыслов в современном мире часто вступает в противоречие с системой ценностей главенствующей культуры. Традиционно такое взаимодействие в условиях востребованности частью социума или всем сообществом завершается трансформацией аксиологического элемента культуры, либо ее полным перерождением. Подобные изменения

нередко деактуализируют или уничтожают старые культурные ценности. Аналогичное может произойти с системой воспитания детей, которая существовала в среде традиционной семьи.

Такие процессы в европейской культуре можно наблюдать с конца XX века, когда происходит сращивание идей демократии и полного самовыражения человека, при этом, диапазон его реализации нередко переходил не только социальные, но и природные границы. При всей современной прогрессивности и терпимости трудно смириться с тиражированием однополых отношений. С учетом трансформационных и ориентирующих возможностей mass-media в информационную эпоху молчаливое согласие в условиях скрытого навязывания подобной идеологии способствует ее дальнейшей популяризации в мировоззрении молодых поколений.

Столкновение западных и восточных культурных систем в начале XXI века не ограничивалось сферами демократизации, информатизации и вестернизации.

Таким образом, в текущем развитии трех восточнославянских народов отмечается ряд трендов, оказывающих негативное воздействие: во-первых, экономическая слабость в условиях глобальной коммерциализации церковных организаций, во-вторых, снижающаяся для молодых поколений имиджевая привлекательность по причине сохраняющегося консерватизма, в-третьих, возрастающая политическая поляризация религиозной идеологии, ведущая к росту шовинизма и фундаментализма. Оптимальным механизмом преодоления данных негативных тенденций могли бы стать реформация церковной идеологии и культа, политика межнациональной терпимости и межконфессионального сотрудничества, а, в перспективе, воплощение экуменизма.

Библиографический список

1. *Илюшина И.* Корпорации веры. В США набирают силу мегацеркви с бизнес-структурой и гигантскими доходами // Korrespondent.net [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: <http://korrespondent.net/world/1333794-korrespondent-korporacii-very-v-ssha-nabirayut-silu-megacerkvi-s-biznes-strukturoj-i-gigantskimi-doh> (дата доступа: 28.03.2016).
2. *Taylor J.* Church of England General Synod votes against women bishops despite late plea from next Archbishop of Canterbury // The Independent [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: <http://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/church-of-england-general-synod-votes-against-women-bishops-despite-late-plea-from-next-archbishop-of-canterbury-8335671.html> (дата доступа: 20.11.2016).
3. German bishops open to discussion of female deacons, Communion for divorced/remarried Catholics // [Электронный ресурс]. 2013. Режим доступа: <http://www.catholicculture.org/news/headlines/index.cfm?storyid=17725> (дата доступа: 29.04.2016).
4. Христианство и гомосексуальность // Wikipedia.org [Электронный ресурс]. 2013. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Христианство_и_гомосексуальность (дата доступа: 14.04.2016).

ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ И ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ЦЕННОСТНАЯ ПАРАДИГМА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 378

Жиров М.С.,

доктор педагогических наук, профессор

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Аннотация: в статье анализируется социально-педагогический, аксиологический потенциал народной и православной культуры как основы духовно-нравственного воспитания и этнокультурного образования личности, в частности студенческой молодежи, определяются дидактические и методические условия его реализации в образовательном пространстве вуза.

Ключевые слова: традиции, православная культура, народная художественная культура, этнокультурное образование, духовно-нравственное воспитание.

THE TRADITIONS AND ORTHODOX CULTURE AS THE VALUE PARADIGM OF THE SPIRITUAL EDUCATION

Zhirov M.S.

the doctor of pedagogical sciences, the professor

(Belgorod National Research University)

Abstract: the article analyzes socio-pedagogical, axiological potential of folk and Orthodox culture as the basis of spiritually-moral education and ethno-cultural education of individuals, particularly students, are determined by the didactic and methodical conditions of its realization in the educational space of the University.

Key words: tradition, Orthodox culture, folk arts and culture, ethno-cultural education, spiritual and moral education.

В реалиях современной общественной, социально-экономической и культурной жизни России, когда стремительно растут детская беспризорность и подростковая преступность, статистика распада молодых семей, тревога людей за свою судьбу и судьбу своих близких, для всех нас совершенно очевидна значимость научно-теоретического наследия и практического опыта духовно-нравственного воспитания в исторической ретроспективе, а, следовательно, и необходимость обращения к духовному наследию народа, изучение и освоение культурного фонда и национальных традиций, восстановление их педагогических и социально-культурных функций.

Актуализирует эти проблемы и общемировая тенденция роста национального самосознания народов мира, их своеобразный этнический Ренессанс, особенно отчетливо проявляясь на фоне процессов глобализации. В связи с этим растет потребность россиян в национальной идентичности, в осмыслении своей истории, культуры, этнической «самости», определяющих и регламентирующих личную, семейную, трудовую, социальную жизнь народа в системе «человек – семья – природа – общество» [2, с. 93].

В свете вышеизложенного своевременной и значимой представляется осуществляемая сегодня проблематика межвузовской научно-практической конференции, которая, полагаю, поможет нам выявить смысловой и содержательный объем его ключевых базовых понятий, таких как «духовность», «нравственность», «образование», «воспитание», «традиции», «ценности», «народная и православная культура» в контексте продуктивного сопряжения двух социальных пространств – пространства национальной культуры во всем многообразии ее пластов, жанров, видов, форм бытования и трансляции, с огромным числом социальных институтов, обеспечивающих ее включение в современные духовные процессы и жизнедеятельность человека – и образовательного пространства, в котором этот творческо-деятельностный, гуманистический процесс освоения, сохранения и передачи духовных ценностей, умений, знаний, опыта народа, собственно, и осуществляется.

Данная конференция, безусловно, полезна и необходима, на наш взгляд, как в научном, так и в практическом аспектах, ибо способствует формированию комплексного, междисциплинарного, теоретико-методологического подхода к обсуждаемой проблеме, а, следовательно, имеет своей целью обосновать перспективность социогуманитарного подхода, который может быть определен как культурологический.

Научно-теоретические общения такого уровня дают возможность определить пути профессионального, научно-творческого сотрудничества на личностном уровне в осмыслении столь деликатных, специфически человеческих качеств, характеризующих мотивацию и смысл поведения личности.

Вот почему духовно-нравственное воспитание рассматривается нами в широком, социальном плане как продукт и фундаментальное основание культуры, проявление «человеческого в человеке» с позиции целостного сознания: нравственно-этического, политического, религиозного, эстетического в процессе творческого усвоения культурных ценностей в конкретном социально-историческом контексте, отражая триаду: «знания» – «убеждения» – «практическая деятельность», формируя, таким образом, доминантную основу для преобразования российского общества во всех направлениях его жизнедеятельности: экономике, политике, науке, культуре, духовной сфере.

И как показывает мировой и отечественный исторический опыт, вне пространства культуры как эпицентра человеческого бытия по преобразованию природы и общества, позитивный процесс духовно-нравственного воспитания невозможен. По меткому определению выдающегося российского ученого-культуролога А.И. Арнольдова, культура – это «реальная сила, направленная на утверждение истинно человеческого в человеке. Она – вторая Вселенная,

создаваемая человечеством» [1, с. 7], ключ к пониманию исторического и жизненного опыта народа, творческих сил и способностей человека, материальных и духовных ценностей, созданных предшествующими поколениями.

Не случайно величайший русский художник, писатель, гуманист Н.К. Рерих утверждал, что дума о Культуре есть врата в будущее, и с этим трудно не согласиться, ибо культура раскрывает двери в душу человека, озаряет его дорогу, делает физически и умственно здоровым, помогает обрести самого себя в сфере духовного и социального совершенствования. Она – его прозрение, а в реалиях современности воспринимается уже не только как «совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством», а именно так, как звучит это слово: «культ» – почитание, «ур» – свет.

Более того, семантическое поле слова «культура» включает в себя ряд значений, восходящих к «возделыванию» и «соответствию». Именно в них заключено указание на родственный характер, на первый взгляд, достаточно далеко стоящих друг от друга понятий «культура», и «образование». Культура, понимаемая как возделывание в широком смысле, предполагает необходимость «возделывания соответствующей личности».

Личности, соответствующей определенным социальным требованиям, вытекающим из господствующей системы ценностей. Процесс просвещения человека в социально-гуманитарном аспекте и направлен на сознательное усвоение этой системы ценностей, а образование в культурологическом контексте означает образование личности, соответствующей той самой системе ценностей.

Выдающийся патриарх отечественной гуманитарной мысли Д.С. Лихачев утверждал, что «культура» – в самом широком ее понимании, – это образование, наука, искусство, отношение друг к другу и к природе... Вне культуры существование человечества на планете лишается смысла», Культура, по утверждению мыслителя, – это нравственность, прежде всего.

В этническом аспекте им рассматривается и национальная русская культура, представляющая собой органичный синтез народных и православных традиций, сформированных в результате взаимодействия и взаимопроникновения двух мировоззренческих систем в процессе включения высших достижений архаичной культуры народа в православный культурно-цивилизационный контекст.

Именно народное православие всеобъемлюще сконцентрировало в себе всю совокупность ценностей, передаваемых из поколения в поколение, выраженных в элементах социально-культурного наследия.

Резюмируя сказанное, нам следует подойти к пониманию традиции как широкого общественного явления, отражающего исторически сложившиеся, сохраняемые силой общественного мнения и передаваемые из поколения в поколение определенные общественные установления, нормы и правила поведения, образцы жизнедеятельности, взгляды, вкусы, праздники, обычаи, обряды, культурные ценности.

И в этом контексте, более чем достаточно оснований говорить о традициях народной и православной культуры как ценностной парадигме духовно-

нравственного воспитания, трактуемой нами как «строгая научная теория, воплощенная в системе понятий, выражающих существенные черты действительности», или «исходная концептуальная схема, модель, образец», служащая эталоном научного мышления и имеющая конкретные экспериментальные подтверждения, что вполне согласуется с целями предмета анализа.

Вобрав в себя тысячелетний духовный и практический опыт народа, национальная русская культура (народная и православная) всеобъемлюще отразили его этноконфессиональные, этические, эстетические представления, историю, мировоззрение, менталитет, систему ценностей, ввиду чего вправе выступать в русле продуктивного междисциплинарного (культурологического, этнографического, искусствоведческого, психологического, педагогического) – анализа в качестве полноправного, самодостаточного явления национальной культуры, с поистине неограниченным ценностно-полифункциональным универсализмом:

- как своеобразной энциклопедии народной этики и эстетики, свода народных знаний о многовековом практическом опыте народа, его представлений об окружающем мире, природе, трудовой деятельности, общественно-бытовом укладе в круговороте времен года и жизненного цикла;

- как уникального художественно-эстетического явления, органично соединившего многообразие видов народного творчества: песни, игры, хореографии, инструментальной музыки, декоративно-прикладного и изобразительного искусства, обрядовой поэзии;

- как универсального способа формирования национального самосознания, русской ментальности, базовых общечеловеческих и национальных ценностей и идеалов, их трансляции в современный социум;

- как многофункционального, коммуникативного средства, способного в рамках творческого сотрудничества и культурных контактов обеспечить взаимопонимание мирового сообщества в решении глобальных проблем человечества: экологических, геополитических, нравственных, этических, религиозных и др.

Таким образом, историко-культурное наследие русского народа – это, прежде всего, огромный мир духовного и практического опыта народа, его знаний, ценностей, норм и образцов жизнедеятельности, потребность в освоении, сохранении и развитии которых есть реальность нашего времени, данная нам в мудрости народного слова и народной традиции, в архаике фольклорной песни и музыки, в пластике танца и линии орнамента.

И это не только теоретическое усвоение нами национальных духовных и культурных ценностей и знаний, а их мировоззренческое, культурологическое осмысление как целостной системы, а также практическое преобразование в собственные ценности, интересы и потребности, познание их социально-нравственного «кода»: как сообразно русской традиции строить свою жизнь в семье, в коллективе, в обществе?

Ответ на этот сложный вопрос бытия, на наш взгляд, предопределен самим характером этого чрезвычайно многогранного ценностно-полифункционального явления, так мудро запечатленного в народной пословице: «Что город – то норы, что деревня – то обычаи», ибо, к счастью, старшее поколение жителей края до сих пор помнит и знает «когда сеять, когда жать, когда скирды ме-

тать, как праздник отправлять, когда и как свадьбу играть, как детей растить, как их уму-разуму учить, как усопшего в последний путь проводить, когда святого почтить, как достойно в миру прожить». И, действительно, каждый район Белгородчины, ее уникальные этнографические локусы (населенные пункты) имеют свою особую многообразную систему традиций народной культуры, которую мы вправе рассматривать в качестве ценностного ресурса духовного совершенствования личности.

И это вполне обоснованно, ибо во все времена традиционная художественная культура помогала человеку в познании мира, природы, самого себя, адаптировала к жизни, запоминала, систематизировала и хранила знания, становясь источником прогресса. Традиции народной и православной культуры вбирали и передавали последующим поколениям духовно-нравственные законы бытия, моделировали и очеловечивали нормы отношений между людьми.

Сохранившиеся историко-археологические, фольклорно-этнографические источники, богатейший эмпирический материал, собранный автором на территории края в течение последних тридцати лет, дают уникальную возможность для глубокого понимания духовного мира его носителей и продолжателей.

Образ Родины, родной земли, отчего дома – вот что составляет духовно-нравственную основу всех жанров традиционной народной художественной культуры края.

Родина – это и широкое раздолье необозримых черноземных просторов, приволье «чистых полей», «темных лесушек», «травушек-муравушек», щебетание «пташек Божиих», трудолюбие «мужичка-пахаря», бесстрашие «добра молодца», чистота и верность «красных девушек». Оберегание Родины, забота о ее благе, борьба с врагами-захватчиками – цель и смысл жизни русского народа, и сам он в народной поэзии, в песенной лирике – воплощение масштабности, удали, воли, смелости, бескорыстия, выражение патриотических чувств.

Сама жизнь, подчас полная тревог и трагических событий, готовила молодое поколение к самостоятельной жизни в русском сообществе, главными духовно-нравственными заповедями которого были: «Почитай отца своего... Жену свою любите... Лениость – всему мать, что кто умеет, то забудет, а что не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленись ни на что хорошее... Не лукавь... Будь честен... Плати добро за добро...» – и требование любить, воспитывать, учить ремеслу и рукоделию: матери – дочерей, отцу – сыновей, «кто, в чем способен, какие кому Бог возможности дает» [2].

Яркий пример формирования такого сознания, мышления и познания давала вся жизнь русского сообщества: хозяйственно-бытовой уклад, система общественных отношений и духовно-нравственных ценностей, сформированных «дедовским наследием».

Именно в его недрах формировались, оттачивались и передавались из поколения в поколение базовые духовные ценности и идеалы русского народа: добродетель, соборность, благочестие, бескорыстие, совесть, трудолюбие, любовь к матери, семье, отечеству, становясь источником гражданского самосознания, школой духовного, нравственного и физического воспитания, помогая чело-

веку не только определить существующую ценностную систему координат, но и свое место и роль в этой системе, свои парадигмы созидających действий в ней.

А потому так современна, на наш взгляд, библейская истина «о муже благоразумном, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне», и «о человеке безрассудном, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот, и он упал, и было падение его великое».

Именно поэтому изучение, освоение и продолжение лучших традиций народной и православной культуры как ценностной парадигмы современной социокультурной среды представляет собой важнейшую духовно-нравственную задачу современной культурно-образовательной политики.

Основанная на принципах этнокультурного воспитания и образования эта социальная идея, делая основной акцент на пробуждение заложенного в сознании генофонда, располагает неограниченными возможностями деятельностно-творческого воздействия на формирование личности.

На реализацию этой цели направлены основополагающие документы федерального и регионального уровня: Концепция художественного образования в Российской Федерации; Программа патриотического воспитания граждан Российской Федерации; Концепция духовно-нравственного воспитания молодежи в Белгородской области; Федеральная целевая программа «Культура России»; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации и другие.

В этих документах рефреном проходит мысль о более фундаментальном выстраивании национальной и культурной идентичности детей, подростков, молодежи, формирования не только человека мыслящего, но и человека действующего, готового к адекватному восприятию перемен во всех сферах жизнедеятельности общества, здесь и сейчас формирующего свой жизненный мир, культурный, интеллектуальный и духовный потенциал.

Вот почему весьма значимой и актуальной представляется нам проблема формирования особой модели образовательного процесса (научного, учебного, воспитательного, творческого), способной органично соединить все конструктивное и перспективное, что сегодня наработано системой образования и воспитания для формирования профессиональных и духовно-нравственных качеств личности, развития творческих интересов и способностей детей, подростков, студенческой молодежи и включения их в разнообразные формы социокультурного творчества.

Один из путей решения проблемы видится в функционировании на базе социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета духовно-просветительского Центра «Благовест», представляющего собой полифункциональный ценностный Универсум, реализующий задачи научно-исследовательского, проблемно-аналитического, социально-культурного и социально-реабилитационного центров.

Так, научно-исследовательское направление Центра предусматривает теоретическое и практическое освоение традиций русской народной и православной культуры, выявление ее педагогического и духовно-нравственного по-

тенциала (научно- исследовательская практика, экспедиционная практика, работа студенческого научного общества, сбор, обработка и систематизация этнографического материала, подготовка рефератов, научных статей, курсовых и дипломных работ, работа дискуссионного клуба, «круглых столов», научно-практических конференций и семинаров).

Проблемно-аналитическое направление ставит своей целью изучение культурных предпочтений студенческой молодежи, ее ценностных идеалов и ориентации (проведение замера исходного уровня ценностных предпочтений и ориентации молодежи, анкетирования, опросы, наблюдения, анализ, изучение и обобщение опыта работы образовательных и социально-культурных учреждений).

Направление социально-культурной деятельности духовно-просветительского Центра осуществляет разработку и апробацию педагогических технологий освоения традиций русской народной и православной культуры (работа студенческих творческих кружков и студий, проведение Дней культуры (праздников народного и православного календаря), творческих встреч с аутентичными коллективами, отдельными народными исполнителями, встречи с деятелями культуры, искусства, образования, религиозных и общественных организаций).

Социально-реабилитационная работа Центра направлена на профилактику и устранение асоциальных проявлений в студенческой среде: организация и проведение молодежных акций «За чистоту родного языка», «Нет наркотикам!», «Молодежь и время», «Молодежная культура», встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, труда, руководителями общественных молодежных организаций и движений, деятелями науки, носителями народной и православной культуры. В основе данного проекта, как нам представляется, новая культурно-образовательная идея, соотнесенная с реальными возможностями и условиями ее в конкретной социокультурной среде.

В современных условиях, когда практически утрачены традиционные, прежде всего, этнопедагогические механизмы передачи художественного опыта и знаний, основная роль в освоении, сохранении и развитии русского художественного наследия как всенародного достояния должна принадлежать образовательным, социально-культурным, научно-исследовательским учреждениям и организациям. А все наши концепции могут быть реализованы на основе научной, педагогической, творческой консолидации инициатив ученых, специалистов-практиков, студенческой молодежи, общественных и религиозных организаций, направленных на широкое приобщение молодого поколения к лучшим традициям народной и православной культуры.

Библиографический список

1. Арнольдов А.И. Введение в культурологию. – Москва: НАКиОЦ, 1993. – 349 с.
2. Жиров М.С. Региональная система сохранения и развития традиций народной художественной культуры: учебное пособие. – Белгород: БелГУ, 2003.
3. Художественно-творческие технологии в социальной работе: монография / М.С. Жиров, Д.А. Кулабухов, Е.И. Мозговая, А.Е. Таранова. – Белгород: БелГУ, 2009. – 198 с.

ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 340:1

Пристенский В.Н.,
кандидат философских наук, доцент
(Воронежский институт МВД России)

Аннотация: в статье анализируются философско-антропологические основания права. Автор показывает, что они детерминируются типологическими различиями внутри человечества – существованием его западного и незападного типов и раскрывают себя в контексте цивилизационного взаимодействия.

Ключевые слова: право, свобода, цивилизация, человек, ментальность, этнос.

LAW IN THE CONTEXT OF CIVILIZATIONAL INTERACTION

Pristenskiy V.N.,
the candidate of philosophy sciences, the associate professor
(Voronezh institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: anthropological levels of law are analyzed in the article. The author shows that they determine typological differences inside a human being such as existing west and non-west types and show themselves within the context of civilizational interaction.

Key words: a law, freedom, civilization, a human being, mentality, ethnos.

Цивилизационное «место» права можно установить, если рассмотреть право в онтологическом плане. В ходе этого рассмотрения становится ясно, что следует говорить не вообще о бытии права, а о его различных способах. Суть этого различия определяется «антропологическим характером» права. Право выступает как момент человеческого бытия и поэтому всецело детерминируется его параметрами.

В цивилизационном аспекте эти параметры задаются типологическими различиями внутри человечества. Данные различия все более четко фиксируются современной наукой. В ней все более крепнет убеждение, что следует говорить не о единой общечеловеческой цивилизации, а о двух различных типах цивилизации – западном (гражданском) и незападном (общинном) и о соответствующих им различных, параллельно развивающихся ветвях и типах человечества, которые не могут, да, во многом, и не хотят воспринимать системы интересов и ценностные ориентации друг друга, что позволяет говорить о двух качественно различных формах социализации [2, с. 59, 84; 7] или о двух раз-

личных способах социального бытия человечества, а в данном контексте – и о двух различных способах бытия права – западном и незападном.

Эти способы соотносятся между собой как актуальное бытие с потенциальным. Западный способ бытия права представляет собой его актуальное бытие, а незападный – потенциальное.

Данное различие имеет под собой субстанциальные основания. Чтобы их выявить, необходимо раскрыть онтологические основания генезиса права. На наш взгляд, эти основания с известной долей условности можно разделить на объективные (природные) и субъективные (антропологические). Объективные основания – это те, которые заложены в самой сущности человека как онтологического феномена, как бы априори даны человеку природой как особому виду – виду «*Homo sapiens*» («человек разумный»). Эти основания коренятся в разуме человека и указывают на потенциальную заданность человеку при рождении правовой сущности, правовых качеств и свойств. К этим основаниям относятся свобода как возможность человека отклоняться от природных императивов и самостоятельно строить собственную систему жизнедеятельности и нормативное начало в человеке как стремление и способность к упорядочению универсума, его организации в социум, созданию правил поведения – социальных норм.

Однако, по нашему мнению, объективные основания выступают как необходимое, но недостаточное условие для генезиса права. Требуются также субъективные основания, – то есть готовность, воля индивидов и образуемых ими народов к актуализации своей потенциальной правовой сущности, к завершению генезиса своей человеческой природы, к переводу права из возможности в действительность – его реализации в социальных отношениях.

Такого завершения генезиса человеческой природы, отмечал для своего времени (IV в. до н.э.) Аристотель, достигли лишь греки, другие же этносы (варвары), как люди с неразвитой (нравственно и умственно) природой, живут в дополитических и доправовых условиях деспотизма и рабства [1, с. 376-644].

Эту мысль Аристотеля актуализирует и развивает В.С. Нерсисянц, с которым в данном аспекте вполне можно согласиться. Действительно, древнегреческая (и, в целом, античная) протоправовая цивилизация стала основой для современной западной правовой цивилизации, в то время как спустя два с половиной тысячелетия многие люди и образуемые ими этносы еще так и не завершили, если следовать мысли Аристотеля, генезис своей политической и правовой природы, не достигли высот того политического и правового общения, которое на современном языке называется правовым государством [4, с. 41, 42].

Иными словами, субъективные (антропологические) основания генезиса права в полной мере обнаруживают себя только в геополитическом пространстве Запада. В этом смысле именно западная цивилизация выступает как правопорождающая. В ее основе лежит автономный тип личности, который остро и глубоко осознает свою изначальную свободу как ценность и стремится реализовать ее в социуме в форме права, то есть в виде системы социальных норм, и поэтому становится субстанцией и детерминантой права. Право, таким образом, выступает как результат ментальности западного типа, с необходимостью

предполагается западной социальной традицией, представляет собой логический момент создаваемого западным (автономным) типом личности жизненного пространства, его антропосферы. Поэтому западную социальную традицию, приведшую к возникновению правового государства, можно рассматривать как способ актуального бытия права.

Незападные же народы в ходе своего развития не пришли (на своей собственной, внутренней основе) к правовым формам организации социальной жизни. В основе незападных цивилизаций лежит гетерономный тип личности (как проявление ментальности восточного типа), который сам себя не рассматривает как изначально свободное, автономное существо и поэтому не становится субстанцией и детерминантой права.

Здесь из двух «правопорождающих» начал в человеке реализуется только второе (нормативное) начало. Идея свободы не соединяется с идеей нормативности, не реализуется в системе социальных норм. Незападный человек создает социальные нормы «отдельно» от свободы, не наполняя их идеей естественной свободы личности. Поэтому эти нормы, хотя и выступают как юридические (законодательным образом регулируют отношения индивидов между собой и с государством), но не являются правовыми. Вследствие этого не вполне корректно устоявшееся применение термина «право» по отношению к незападным и дозападным нормативным документам и системам, в которых часто узаконено не право, а идущий от государства произвол. По нашему мнению, более оправданно применять к этим нормативам и системам термины «юридический» и (или) «легистский» (законоподобный).

В силу вышеизложенного в рамках незападных социальных традиций, незападного цивилизационного пространства право не возникает как эмпирическое (социальное) явление, оно существует лишь как возможность и не переводится в действительность, оно не становится актуальностью и существует лишь в сфере потенциального бытия. А с учетом того, что эта возможность реализована на Западе, она ставит незападные народы в некую ситуацию цивилизационной альтернативы, выбора (правового или неправового в своей сути) дальнейшего пути развития.

Парадокс этой ситуации заключается в том, что сами незападные народы до определенного момента «не подозревают» о подобной (правовой) возможности (как принципиально ином, отличающемся от их традиционного существования пути развития). Они осознают ее именно как возможность лишь после появления Запада (примерно, в XVII-XVIII вв.), явившего собой новую (правовую) действительность. Цивилизационную ситуацию, возникшую в мире с появлением Запада в контексте теории коммуникации [3; 5; 6], можно представить как коммуникационное взаимодействие «Запад – Незапад». Запад выступил как отправитель информации о новых (либеральных) социокультурных стандартах (в том числе о праве), тем самым как бы бросив вызов всему остальному миру. Незападный мир оказался в ситуации получателя информации и решил ответить на вызов Запада перестройкой своих внутренних структур – модернизацией.

Правовой аспект модернизации состоит в том, что в процессе передачи информации о праве возникает так называемый шум (понятие теории комму-

никации, означающее искажение информации) – право как оригинал-объект западного отправителя информации неадекватно переводится в мысли ее незападного получателя, поскольку западные «правопорождающие» идеи и ценности (свобода и автономия личности, индивидуализм и др.) «разбиваются» о незападные традиционные (гетерономные) ментальные структуры и искажаются. Ментальностью восточного типа эти идеи воспринимаются не как внутренние, выношенные и выстраданные ценности, а как внешние, привнесенные, «чужие» идеи, ценностями, по большому счету, не являющиеся. Все это, по нашей мысли, приводит к тому, что даже в ходе коммуникационного взаимодействия «Запад – Незапад», цивилизационного влияния западного способа бытия на незападный не происходит полной актуализации права в незападном мире, оно не превращается в универсальный феномен, не усваивается как целое, как система. Право «ведёт себя» «неуниверсализируемо», не «приживается» на иной, незападной «почве». По этой причине в той части незападных стран, которые, хотя официально и продекларировали переход на западные правовые ценности (демократию, парламентаризм, идею естественных прав-свобод человека и т.п.) не происходит глобальной (принципиальной) внутренней правовой трансформации. В этих странах не возникает (по крайней мере пока) правовое государство как система правового регулирования социальных отношений, действующая как по горизонтали (отношение «индивид ↔ индивид»), так и, что более важно, по вертикали (отношение «индивид (общество) → государство»).

Западный (актуальный) и незападный (потенциальный) способы бытия права сопряжены с двумя противоположными подходами к праву и соответствующими им типами правопонимания: западный – с антропологическим (антропоцентристским) подходом и либеральным типом правопонимания, а незападный – с этатистским («государствоцентристским») подходом и легистско-позитивистским (императивистским) типом правопонимания. Согласно первому, право понимается в аспекте человека как экспликация личного начала, внутренне присущих ему нормативно-ценностных принципов (прежде всего свободы). Оно понимается как свобода, реализованная человеком в социуме. Согласно второму, право понимается исключительно в аспекте государства. С данных позиций государство первично по отношению к праву, логически и онтологически предшествует ему, а право производно от государства. Правом считается любой (независимо от содержания) формально-корректный акт государства, в частности любой закон. Понятие права определяется через понятие государства, а государство рассматривается в качестве исключительного источника и причины права (его субстанции и детерминанты). Свобода не рассматривается как исходная предпосылка жизнедеятельности человека, как нечто изначально и безусловно принадлежащее индивиду. Понятие права формулируется не через сопряжение со свободой как возможностью самоопределения, возможностью поступать согласно волеизъявлению, которое не определено (не навязано) внешними условиями, а фактически через сопряжение с противоположной свободе вещью – необходимостью как невозможностью самоопределения, неизбежностью подчинения поступков внешним условиям, чужой воле. Необходимость в контексте данной позиции воплощается в государ-

стве, издаваемых им законах, которым индивид обязан подчиняться, даже если они чужды его воле и интересам. А значит, смысловой акцент в понимании права смещается в сторону императивности (властной общеобязательности), принуждения, исходящего от государства. Право отождествляется с системой государственных общеобязательных законов.

Таким образом, в контексте этатистского («государствоцентристского») подхода к праву и соответствующего ему легистско-позитивистского (императивистского) типа правопонимания право приобретает не эмансипирующий (освобождающий), а запретительный характер. Оно «отрывается» от свободы и сопрягается с принуждением, но одновременно утрачивает свою сущность и специфику (неотделимые от понятия свободы) и превращается в свою противоположность – в произвол. А это значит, что логика такого подхода с неизбежностью приводит к правовому нигилизму, к отрицанию права как в теории, так и на практике.

Итак, в данном ценностно-смысловом поле субстанцией права и основной причиной его возникновения выступает государство, а не человек, которому «отказано» в обладании изначальной свободой. И если человек (и в целом этнос) соглашается с такой оценкой своей природы и сущности, сам себя не рассматривает как субстанцию права и основную причину его возникновения, то он и не становится таковой по существу. Право в его истинном смысле (как реализованная изначальная свобода) в этом случае так и не возникает, за него выдается оформленный в законе государственный произвол. Оно существует лишь как возможность и не переводится в действительность – этнос не приходит к правовой форме организации своего жизненного пространства, форме правового государства.

Все это указывает на важность этнического аспекта бытия права. Этносы, образующие западный (правопорождающий) и незападный («индифферентный» к праву) типы цивилизации соответственно также можно разделить на два типа – «правоцентристские» (социальная жизнь которых организуется вокруг идеи верховенства права и с необходимостью приводит к возникновению правового государства) и «неправоцентристские» (социальная жизнь которых организуется вокруг другой идеи, например, идеи государства как самодовлеющей политической силы, не нуждающейся в правовой легитимации и поэтому не приводит к возникновению правового государства).

Следовательно, этносы второго типа, если они действительно хотят изменить сложившуюся цивилизационную ситуацию и адекватно, достойно ответить на правовой вызов Запада, должны переосмыслить способ своего социального бытия, «антропологическую составляющую» своего мировоззрения, внимательно разобраться в механизме своего правосознания и устранить все ментальные «неполадки» в его работе, не теряя при этом, однако, национальной идентичности, самобытных цивилизационных характеристик.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Политика // Соч.: в 4-х т. Т. 4. – Москва, 1984.

2. *Валентей С.Д., Нестеров Л.И.* Развитие общества в теории социальных альтернатив. – Москва, 2003.

3. *Клюев Е.В.* Речевая коммуникация: учебное пособие для университетов и институтов. – Москва, 1998.

4. *Нерсисянц В.С.* Философия права: учебник для вузов. – Москва, 1997.

5. *Петрушенко Л.А.* Принцип обратной связи. (Некоторые философские и методологические проблемы управления). – Москва, 1967.

6. *Петрушенко Л.А.* Единство системности, организованности и самодвижения (О влиянии философии на формирование понятий теории систем). – Москва, 1975.

7. *Поляков А.В.* Общая теория права: курс лекций. – Санкт-Петербург, 2001.

АКСИОЛОГИЯ БЫТА РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 008

Шемякина М.К.,

доктор философских наук

(Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Аннотация: статья посвящена изучению общих проблем аксиологии, исследованию аксиологии быта русской традиционной культуры. В статье осуществляется постижение сути ценностных ориентаций русского народа, ведется размышление о природе традиционных ценностей и их функциональности. Проводится мысль, что традиционная культура является целостной национальной историко-культурной средой, объединяющей материальные и духовные ценности народа.

Ключевые слова: аксиология русской традиционной культуры, материальные и духовные ценности, ценностные ориентиры развития.

AXIOLOGY OF LIFE OF RUSSIAN TRADITIONAL CULTURE

Shemiakina M.K.,

the doctor of philosophical sciences

(Belgorod state Institute of arts and culture)

Abstract: article is devoted to studying of common problems of an axiology, a research of an axiology of life of the Russian traditional culture. In article comprehension of an essence of valuable orientations of the Russian people is performed, reflection to the nature of traditional values and their functionality is conducted. The thought is carried out that the traditional culture is the complete national historical and cultural environment uniting material and cultural wealth of the people.

Key words: axiology of the Russian traditional culture, material and cultural wealth, valuable development of a reference point.

Одним из параметров аксиологии русской традиционной культуры была семья.

С одной стороны, семья реализовывала непосредственное утилитарное (практическое) назначение, проявляемое в самом принципе построения семейных отношений: форме подготовки, проведения необходимых обрядовых действий, их хозяйственное основание и значение.

С другой стороны, семья сохраняла и передавала в поколениях необходимые культурные ценности, на основе которых совершались все обрядовые действия.

Повторяемость одних и тех же действий влекла за собой выработку стереотипов поведения, закрепление в психологии национальных образцов действия.

Обрядовые действия были крайне устойчивы, несли важную смысловую нагрузку, передавали последующим поколениям опыт предшествующих. При этом именно семья рассматривалась как центр формирования культурных, этнических, нравственных ценностей.

Опыт накапливался старшими, поэтому их авторитет в семье был непрекращаем. Старшее поколение отвечало за воспитание последующего, несло груз ответственности за нравственность и преемственность родового знания.

Известно, что основным принципом, определяющим жизнь семьи, был принцип утилитаризма. Утилитаризм был главенствующим при выборе жениха или невесты, он определял ролевые функции членов семьи.

Свадебная пора также была закреплена в календаре. Чаще всего их играли осенью или зимой. Гуляли широко и не жалели ни запасов, ни увеселений. После свадьбы уже наступала совсем другая трудовая жизнь.

Главным в доме считался старший мужчина. Именно он распоряжался распределением трудовых обязанностей и всеми материальными вопросами, связанными с жизнью семьи. Но все действительно важные вопросы решал семейный совет, далее вопросы могли выноситься только на общий сход.

Семья в русской традиционной культуре, таким образом, дублировала в малой форме жизнь общины. Она воспринималась как субстанция аксиологическая, духовно-нравственная по своей природе (ведь в представлении русского человека «даже браки заключаются на небесах»).

Вторая характеристика семьи дает ей оценку как хозяйственному институту. В этом понимании она предстает своеобразным социально-культурным феноменом, поскольку основывается на общежитии нескольких поколений, связанных и общими заботами, и едиными радостями.

Создание семьи было обязательным действием для всех носителей русской традиционной культуры.

Значимость семьи была так велика, что этот факт нашел отражение в фольклоре, где была сложена не одна сказка или быль. Нашло это отражение и в малой фольклорной форме – пословице. Говорили «*В семье, в куче не страши-*

на и туча», «Не нужен и клад, когда в семье лад», «В семье и каша гуще», «Не женат – не человек».

Качество прожитой семейной жизни определялось тем, какие дети выросли, чем они занимаются, какое в семье хозяйство, сколько голов скота, сколько земли и т.д. Но вместе с тем, значимо было, и какие ценности усвоены, привиты в детстве и проявляемы в зрелом возрасте в качестве норм поведения, какие понятия осмыслены.

Семья не ограничивалась кровными родственниками, хотя в их числе можно было встретить родных, близких и дальних. Семья включала крестных родителей, земляков, члены семьи могли породниться с кем-нибудь в связи с каким-то памятным событием или праздником. Таким образом, утверждалась мысль, что семья – это духовное образование, скорее единение душ, а потом уже суммирование тел.

Центральными чувствами родных людей становились чувства теплоты, общности, любви, взаимовыручки и взаимопонимания.

В христианском понимании мир русской семьи еще более расширялся: включал любого ближнего, с кем необходимо было поделиться краюхой хлеба и последней рубашкой. Подобная семейная консолидация происходила в самые ответственные для народа моменты истории. А в русской традиционной культуре *«намиру и смерть красна», «перед миром не грех и покаяться».*

Главный верховный руководитель семьи – старший мужчина – именовался не иначе как «батюшка». К нему обращалась девица в моменты, определяющие ее судьбу (перед свадьбой, на похоронах). В семье формировался и облик вселенского покровителя: царя, царицы, Бога и Богородицы. К ним взывали в поисках правды, роптали и искали заступничества, вопрошали о справедливости.

В таком звучании особую силу обретает служение как добровольное умаление себя, смирение, дающее формы православного жизнеустройства (служение Богу – монашество) и гражданского долга (служение Отечеству – рекрутство, патриотизм).

В этом отношении семья рассматривалась как особый тип общинной организации, предполагающий наличие патронажных отношений и родовых связей, а в широком смысле – особый тип нравственно-духовных семейных отношений, соотносимых с душевно-духовным родством, единением всех членов конкретного социума.

Семья являлась важнейшей составной частью национального самосознания. Однако вектор «все-человека» в русской традиционной культуре в контексте возрождающей материи семьи определяется не только своим синхронным существованием, но и диахронной заданностью.

В рамках мира русской традиционной семьи формируется особая сфера нравственной жизни, совсем не той, когда человек выражает свои гражданские чувства или показывает знания, демонстрирует умения и навыки.

Человек находится в сонме не только живущих, но и живших задолго до него и только собирающихся жить.

Вот почему носитель русской традиционной культуры согласует и соизмеряет свои действия и поступки не только со старшими в семье, но и с поступками и делами дедов и отцов (предков); делает так, чтобы не было стыдно перед последователями. Скрепляющей единицей в этой родовой цепи жизни будет выступать память. А память, справедливо отмечал Д.С. Лихачев, «основа совести и нравственности, память – основа культуры, «накоплений» культуры...эстетического понимания культурных ценностей» [4, с. 434].

Семья, таким образом, воспринималась в народной среде как нравственная основа правильного образа жизни, практическая сила, способная не дать человеку сбиться «на кривую дорожку», привить ему необходимые жизненные ценности. Семья становилась особым миром человека и его домом.

Традиционные представления о доме также отражали аксиологические установки русского народа в спектре освоения им жизненных культурозначимых ценностей.

Дом описывался через систему важнейших для него категорий. Так в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля подбираются пословицы с его характеристикой: *«Худу быть, кто не умеет домом жить», «Дом вести – не лапти плести», «На стороне добывай, а дома не покидай», «Мило тому, у кого много в дому».*

Дом рождал понимание своего пространства, пространства, объединяющего близких людей, упрочивающих хозяйственные связи. Дом как корень привязывал человека к родной земле, насыщал ценностями родной культуры.

Именно в доме происходили все семейно-бытовые обряды центрального жизненного цикла. В доме происходила та необходимая ритуальная жизнь, которая определяла человека как часть общего коллектива, целого народа.

Дом обретал человеческие черты, он организовывал жизнь человека, определял его судьбу. Человек рождался в доме, из дома его уводила жизненная дорога, и домой он хотел вернуться в конце жизни.

Часто именно категориями дома рассуждали о семье. Рассуждая о всех членах семьи, говорили как о всем доме.

Дом, конечно же, имел физические координаты. Так, вполне привычно, говоря о доме, оперировать четверичной системой в горизонтали и троичной в вертикали. Применительно о доме употреблять характеристику сторон света, уточнять расположение внутренних помещений, подчеркивать наличие внутренних зон, или углов. В этом отношении главное сказать то, что помимо физической характеристики дома более важно его духовное смысловое наполнение.

Не случайно «домовиной» именовался гроб – последнее пристанище человека. Эта мысль достаточно выразительно выражена загадками в описании материала для гроба: *«Этой бабке сто лет,/ Гроба у нее нет,/ Высоконько торчит,/ Далеконько глядит,/ Придет смерть за старушкой -/ Станет бабка избушкой» (Сосна).*

Близким оказывается в таком звучании слова «дом» и его природное название – «гнездо».

Интересны в таком прочтении аллюзии к ребенку в сравнении с пташечкой. Например, в «Плаче по ребенку»: *«Отлетел ты, маленькая пташечка,/*

Ты от батюшки, от матушки,/ Ты на чужу-дальню сторонушку,/ Ты на веки-то вековые!».

Или прямое название дома гнездом в песенной лирике. Как очевидно это в «Плаче после пожара»: *«Мои сердечные родители/В чистом полюшке под кустичком./ Как станем жить, бедные,/ Без витога без гнездышка?!».*

Та же параллель возникает в малом жанре: *«Без рук, без топоренка построена избенка»* (гнездо); *«Глупа та птица, которой гнездо свое не мило»* (о доме).

Естественными атрибутами «гнезда» станут ценностные категории общегуманистического порядка, к которым мы относим «братство», «теплоту», «чувственность», «любовь», «взаимопонимание», «душевную простоту», «непосредственность», «понимание», «патриотизм».

Русское жилище, дом строилось из природных материалов, отличалось гармоничностью всех составных частей, вписанностью в ландшафт. Значит, можем сказать, что воплощалась еще одна ценностная установка – эстетическая. Дом был эстетически близок и дорог русскому человеку.

Дом диктовал правила устройства. Вокруг него формировались целые обрядовые комплексы, которые обозначали нормы поведения и устои.

Так, правила гласили, что при заселении в новое жилище первыми входили старики, люди, уже пожившие на этом свете. При строительстве дома обязательно освящали венцы и благословляли строителей. Уходящую из дома замуж девицу благословляли иконами.

Содержались в доме и истинные святыни. Они располагались в восточном красном углу. Чаще всего это была ладанка, да иконы с изображением Богородицы, Иисуса Христа, Николы Чудотворца, св. Пантелеймона и др. Так дом транслировал духовные добродетели, которые затем перерастали в духовные качества: смирение, понимание, жертвенность, доброту, милосердие.

Дом мыслился в категориях не только родовых. Это был не только кров для семьи. Россия тоже понималась как дом. И родные, семья были все живущие в нем. В таком звучании дом был формой выражения лучшего из социальных качеств русского человека – выражением любви к родной земле, патриотизма.

Так дом закреплялся как категория духовная. Он мыслился в христианских единицах измерения наравне с верой.

Аксиологию быта рождала и другая ценностно значимая единица, напрямую связанная с землей – это труд. Трудолюбие было гарантом безбедной жизни, благополучия и достатка. Считалось, что труд работающего человека всегда прокормит.

В понимании мирской жизни труд всегда обозначался богоугодным делом, рассматривался в качестве одной из форм нравственного деяния, ведущего к спасению человеческой души. Как говорится в русском народе, *«Бог труды любит»*, *«С молитвой в устах, с работой в руках»*. Та же мысль прослеживается и в исторических хрониках.

Трудолюбие считалось христианской добродетелью. Именно трудолюбие было одним из первых испытаний монашествующей братии, делом богоугодным и одобряемым.

Иноки, обрекая себя на благочестивое житье, должны были служить примером праведности для всего мира; напротив, владея имениями, они не только не отрекались от мира, но делались участниками всех неправд, соединенных с тогдашним вотчинным управлением. Так поставлен был вопрос о нестяжательстве, идеологом которого выступил Нил Сорский.

При этом важно помнить, что в качестве нравственного труда особенно значимого был труд душевный. И, действительно, в русской традиции категории душевного становления будут приравнены к тяжелейшим испытаниям. К ним будут относимы абсолютно все богоугодные дела: моления, паломничество по святым местам, помощь сирым и убогим, таинство исповеди и т.д.

Труд создавал не только оценочное представление о русском человеке, но и его социальный статус. Не случайно труд, уважение и достаток в народном сознании были всегда взаимосвязанными понятиями.

Трудовое воспитание детей предусматривало не только обучение их всем необходимым для крестьянской жизни навыкам. Оно формировало у ребенка особое отношение к труду как к жизненно необходимому средству существования и как к внутренней, нравственной потребности человека, детерминирующей его становление, или механизму, посредством которого возможно «возрождение» человека, по тем или иным причинам «свернувшего с жизненной тропы».

Отношение наших предков к труду как к аксиологически значимому жизненному явлению отражено и в «Домострое», где четко прописаны функции всех домочадцев. Так, говорится в «Домострое», все обязаны трудиться: и хозяева, и слуги, и дети. Хозяин заниматься должен «трудом праведным», хозяйка «всегда бы над рукоделием сидела сама», была «добрая, и трудолюбивая, и молчаливая». Слуги тоже должны не отставать от хозяев, знать ремесло и «кто кого достоин и какому ремеслу учен».

Дети должны вырасти под стать отцу и матери: «рукоделию – мать дочерей и мастерству – отец сыновей».

«Домострой» утверждает систему ценностей русского традиционного быта, утверждает долженствующие и одобряемые народным коллективом качества, такие как: трудолюбие, послушание, бережливость, хозяйственность, практичность, порядочность.

Одновременно с утверждением бытовых вопросов книга и обучает, как и что делать. Простые рецепты, так необходимые в хозяйстве, должны стать руководством к действию – как мыть, тереть, солить, квасить, сушить, скоблить, ухаживать за детьми, домашними животными, заниматься рукоделием, печь, готовить и т.д.

При этом важен был не только сам процесс трудового действия, но и подготовка к нему. Поэтому всякое рукоделие или ремесло следовало исполнять, очистившись «от всякой скверны, прежде всего, – святым образом покло-

ниться трижды в землю – с тем и начать всякое дело. Делать работу надо добросовестно, сосредоточенно, не отвлекаясь».

Подобные ритуальные действия были сродни самым священным обрядовым формам, закрепленным традиционной культурой русского народа.

Настоящим подвигом, требующим постоянного напряжения, самоотдачи и терпения рассматривался труд земледельца. Не случайно, именно эта аллюзия будет избрана русским фольклорным творчеством в образе одного из самых любимых былинных персонажей – Ильи Муромца.

Илья Муромец, сын Иванович, был любимейшим героем русских былин, утвердившимся в качестве богатыря-заступника и правдолюбца.

Былинная биография богатыря утверждает, что богатырь просидел сиднем тридцать лет и три года «близ славного города Муром, в том ли селе Карачарове», но, едва поднявшись на ноги, стал олицетворением несокрушимой силы богатырской дружины, могучим охранителем стольна-града Киева от «поганой орды», налетавшей на Русь православную.

Илья Муромец – первый по старшинству лет в гриднице богатырской, первый и по силе, и доброте, хотя и не дающий спуска ничьей обиде-похвальбе.

Уже в имени былинного персонажа исследователями отмечалась связь его с родом и традицией русской земли.

Крестьянский сын из села Карачарова, что под Муромом, характеризовался не столько богатырской силушкой, сколько нравственно-духовными качествами личности, проявлением уважения к старшим рода, непосредственно воплощенному в поведении богатыря и его поступках.

Илья оказывает почтение старцам/каликам-перехожим, поит и кормит страждущих. Илья получает не только исцеление от болезни, но, по сути, – благословение на свершение всех подвигов богатырских. Святые образа (икона святых отцов) наделяют богатыря силушкой немереной, скрепляют его обязательством – землю русскую охранять.

Не забывает богатырь и о родительском благословении: *«Ой ты, гой еси, родимый, милый батюшка! / Дай ты мне свое благословеньице / Я поеду во стольный Киев-град - / Помолиться чудотворцам киевским, / Заложиться за князя Владимира, / Послужить ему верой-правдою, / Постоять за веру христианскую»* [5, с. 83].

Илья Муромец получает родительский наказ от отца-матушки, полностью согласующийся с верой православною: не кровавить саблей вострой, не сиротить малых детушек, не бесчестить молодых жен, жить «поскромненько», не давать «ретиву» сердцу волюшки.

Все повествования о былинном герое – это повествования о силе духа, любви к родной земле, смирении и служении. Каждый раз, идя на поле боя, Илья Муромец помнит об обещании исполнения заповедей, показывает не только силушку богатырскую, но и кротость великую, стремление к справедливости и христианское смирение.

Так, первым из подвигов Ильи становится поистине подвиг крестьянина-труженика: очищение земли-матушки от кореньищ дубовых, расширяемых в

эпическом содержании былины до очищения от полчищворожбиных и метафорическом – низвержении врагов веры православной (Об этом повествуют былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Идолище Погоное», «Бой Ильи Муромца с Жидовином»).

Таким образом, по сути, чудесное исцеление богатыря, а в метафорическом смысле его «возрождение» – до статуса не только национального, но и человеческого во всех смыслах – было озарено трудом. И труд имел не опосредованное, а прямое отношение к становлению героя. Отношение к важности и ценности труда являлось одной из доминантных черт самосознания русского витязя.

Аксиологически значимым рассматривался и бытовой труд. Так, женщина отвечала за домашний уют, потому своеобразным его основанием считалась женская половина («бабий куть» с печью).

Русские крестьянские дети по дому выполняли порядка 85 видов работ. С 5-6 лет дети начинали работать в поле, в саду, на огороде. «По данным, ранние дозированные трудовые задания, выполняемые на основе активной мотивации, формировали психологическую готовность к выполнению многообразных крестьянских обязанностей, – отмечает М.С. Жиров. – К примеру, первой обязанностью пяти-семилетней девочки было «пестунье» младших братьев и сестер, которые именовали ее «няней». В этом возрасте девочка уже имела определенные обязанности по дому и хозяйству. Она подметала пол, присматривала за домашней птицей и мелкими животными, загоняла корову с пастбища во двор, подбирала колоски по жнивью, помогала в посадке и сборе картофеля и овощей. Сызмальства матери приучали своих дочек шить и прясть» [3, с. 90].

Особенно ценились мастеровые хозяева, вырезавшие из дерева, ковавшие, лепившие из глины различные предметы быта.

Любой труд требовал не только умения справляться с орудиями пахотного мастерства, но и выражения личностных качеств.

Способность к тяжелому упорному труду, самостоятельность, энергичность и инициатива были заложены в основу национального характера.

Труд как аксиологическая категория была прочно закреплена в художественном творчестве русского народа. Об этом свидетельствует богатство и разнообразие фольклорных жанров, обилие пословиц, посвященных труду.

Наличием трудовых качеств характеризовался главный герой фольклорного театра.

Известно, что род занятия послужил и фактором дифференциации русского народного танца. Сами названия танцев возникали от специфики занятий танцующих – «Толкуша», «Ленок», «Косари», «Веретено».

Намного позже тема труда утвердится в качестве центральной и в авторской литературе. И даже в ироничном начале будет звучать и прославлять трудовые навыки русского человека. В качестве же литературного примера такого умения достаточно вспомнить притчевую сказку М.Е. Салтыкова-Щедрина «Как один мужик двух генералов прокормил».

Трудовой характер русского человека формировался в устойчивой традиционной семье. С рождения трудовое воспитание органично входило в семейную жизнь и хозяйственную деятельность семьи. Дети постоянно наблюдали за занятиями старших и охотно подражали им.

При этом само понятие «труд» культивировалось созданием и поддержанием в сознании всех членов трудящейся семьи созидательного, а отчасти и идеального, образа предка. Они, люди предшествующих поколений, закрепились памятью в жизни рода как раз благодаря своим добродетельным качествам, благодаря своему трудолюбию и послушанию.

Так, крестьяне ненавязчиво давали понять своему потомству, что труд является естественной формой повседневной жизни. «Этот основной постулат крестьянской жизни закладывался в душу ребенка через своеобразную игру «в труд» взрослых с детьми, а также поощрением любого желания малыша включаться в работу», – отмечает И.И. Шагина [6, с. 41].

Трудовая деятельность всегда осуществлялась с оглядкой на прошедшее с обязательным сохранением заветов и наказов предшествующих поколений.

Таким образом, национальные черты русского человека, такие как: старательность, послушание, работоспособность, любовь к труду и земле, – формировались в процессе жизни, в бытовой практике народа, являлись результатом их насыщенной нравственной жизни, ведущей человека к полноценной реализации себя, восстановлению связей с минувшим задолго до него. Качества прогностически определяющие перспективы не только личностного развития, но «возрождения» человека в пространстве жизненных координат.

Аксиология быта, создаваемая в доме, семьей и трудолюбием культивировала ценности, рожденные и существующие в культуре, ценности, помогающие выстраивать русскому человеку взаимоотношения среди людей, в природе и государстве.

Библиографический список

1. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: в 2-х т. – Москва: Художественная литература, 1984.
2. Домострой // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI в. – Москва: Худож. лит., 1985. – 625 с.
3. *Жиров М.С., Жирова О.Я.* Традиционные народные праздники и обряды Белгородчины. – Белгород: БелГИК, 2002. – 164 с.
4. *Лихачев Д.С.* Раздумья о России. – Санкт-Петербург: Logos, 1999. – 672 с.
5. Свод русского фольклора. Былины Печоры: в 2-х т. – Санкт-Петербург – Москва: Наука: Классика, 2001. Кн. 2. С 83.
6. *Шагина И.И.* Русские дети и их игры. – Санкт-Петербург, 1997. – 42 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

УКД 343

Киданова Н.Л.,

кандидат экономических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассмотрены особенности коррупционных явлений, так как главной из важнейших задач российского государства остается решение проблемы по избавлению общества от коррупционной преступности, путем оказания эффективного противодействия с целью удержания ее на социально «возможном» уровне. Раскрыты законодательные основы, факторы и критерии, влияющие на формирование теоретической проработки проблем первичного учета следователями и дознавателями коррупционных преступлений, а также даны рекомендации по организации обеспечения контроля документов организации.

Ключевые слова: коррупция, экономические преступления, правовое обеспечение, антикоррупционный сегмент.

CURRENT ISSUES AND SPECIFICS OF SOLVING CORRUPTION CASES IN THE SPHERE OF ECONOMIC CRIME

Kidanova N.L.,

the candidate of economic sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article deals with the specifics of corruption, as major objectives of the Russian government include elimination of corruption by means of efficient counteracting with a purpose to keep it at a socially «possible» level. It describes the legislative grounds, factors and criteria, which influence the theoretical exploration of primary reporting by detectives and interrogation officers about corruption cases, and contains recommendations on maintaining control of documents of institutions.

Key words: corruption, economic crime, legal coverage, anticorruption segment.

Одной из самых актуальных проблем для России продолжает оставаться проблема борьбы с коррупцией. Ее размах и уровень проникновения, ущерб, причиняемый государству, экономике и обществу, оказывает отрицательное влияние на моральные и нравственные качества граждан. Случаи коррупции среди представителей органов государственной власти, в том числе сотрудников органов внутренних дел, поколебавшие уверенность граждан в способности правоохранительных структур защитить их интересы, являются критерием для включения коррупции в перечень значимых источников угроз национальной безопасности страны. Следовательно, возникает «острая» необходимость в формировании це-

ленаправленной правовой базы для борьбы с коррупцией, что в свою очередь одновременно обеспечивало бы ее эффективность, и создавало бы необходимые юридические предпосылки для надлежащей организации деятельности правоохранительных органов по учету коррупционных преступлений. Такая задача становится приоритетным направлением государственной политики, а ее реализация во многом зависит от обеспечения информационных потребностей государственных органов в полной, своевременной, достоверной информации, характеризующей состояние коррупционной преступности. В ежегодном Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент Российской Федерации В.В. Путин обратил внимание общественности, правоохранительных и контролирующих органов на наличие фактов коррупционных проявлений в различных сферах государственного управления, в том числе в форме нецелевого использования или хищения бюджетных средств, выделяемых на государственный оборонный заказ и капитальное строительство гражданских объектов [1].

Одним из условий решения указанных задач является борьба с экономическими и должностными преступлениями, такими как: взяточничество, криминальные банкротства, уклонение от погашения кредиторской задолженности, уклонение от уплаты налогов и сборов и т.д. В процессе расследования экономических и должностных преступлений, чаще всего производятся осмотры документов и помещений. Целью осмотра документов является выявление и фиксирование таких признаков, которые придают им значение вещественных доказательств, а также установление наличия в них сведений, имеющих значение для уголовного дела. Для принятия сотрудниками правоохранительных органов обоснованных решений на всех стадиях раскрытия и расследования преступлений коррупционной направленности необходим анализ и обобщение больших объемов данных, полученных как из конфиденциальных, так и открытых источников.

Преступная деятельность становится более организованной и технически оснащенной, что значительно усложняет процесс выявления и раскрытия преступлений. В связи с этим возрастает необходимость разработки новых форм и способов применения специальных экономических познаний для их использования в уголовном судопроизводстве, а также в административном процессе при рассмотрении экономических, налоговых и таможенных правонарушений. При анализе документов организации, специалисты должны уметь выявлять те из них, которые отражают незаконные или фиктивные факты финансово-хозяйственной деятельности. С этой целью необходимо правильно интерпретировать данные и информационные сведения для проведения проверки, исходя из обстоятельств и характера выявленных нарушений – излагать результаты и разрабатывать рекомендации по результатам проверки. Раскрытие экономических преступлений с целью обнаружения в них признаков подлога зачастую сопровождается типичными ошибками и нарушениями в оформлении документации, такими как:

- нераскрытие в документации существенных показателей деятельности организации за отчетный период;
- показатели отчетности не подтверждены результатами инвентаризации;
- отсутствие взаимосвязки отдельных показателей различных форм документации;

- несоставление промежуточной отчетности;
- неопубликование отчетности;
- нераскрытие либо недостаточное раскрытие последствий условных фактов;
- нераскрытие либо неполное раскрытие организациями, имеющими дочерние общества, информации по сегментам и др.

Типичными ошибками и нарушениями оформления документов в соответствии с требованиями действующего законодательства являются следующие:

- несоответствие отдельных положений учетной политики организации требованиям действующих нормативных актов;
- нераскрытие в документации информации о финансово-хозяйственной деятельности организации за отчетный период;
- проверка правильности оформления выписок со счетов в банке и документов, приложенных к выпискам, подтверждающих операции;
- финансовые условия расчетов, т.е. форма расчетов (аккредитив, инкассо и т.д.);
- отсутствие корректировок налогооблагаемой прибыли на суммы доходов и расходов прошлых периодов.

Использование методических приемов исследования документации для обнаружения учетных несоответствий при оформлении фактов хозяйственной деятельности организации способствует сбору доказательственной информации при расследовании уголовных и гражданских дел. Исходную информацию о признаках противоправных действий в дальнейшем можно применять как в административном, так и в исполнительном производстве.

Проблема коррупционных явлений и отдельных общественно опасных деяний в сфере предпринимательской деятельности сейчас весьма актуальны. Функционирование в настоящее время рыночной экономики не полностью обеспечивает соответствующим контролем экономическую и хозяйственную стороны деятельности организаций, а недостаточная координация правоохранительных органов, непоследовательная деятельность государства привели к появлению новых негативных процессов, которые способствуют продолжающейся криминализации экономики и коррумпированности. С одной стороны, принимаются либеральные законы, ограничивающие предпринимателей от произвола недобросовестных сотрудников правоохранительных органов на этапе выявления признаков экономических преступлений, а также возбуждения уголовных дел и предварительного расследования. А с другой стороны, создаются новые контролирующие органы, которые наделяются полномочиями в сфере контроля за экономическими отношениями хозяйствующих субъектов. Одной из важнейших проблем выявления и доказывания преступлений в сфере экономической деятельности на самых ранних этапах обнаружения признаков преступления является определение соответствующих правоохранительных органов, их полномочий в указанной сфере. Вопросы о полномочиях сотрудников полиции и органов предварительного расследования, непосредственно осуществляющих проверку организаций, вызывают большой интерес и со стороны граждан и организаций, и со стороны специалистов в области защиты прав предпринимателей и правоохранительных органов.

Принимаемые государством меры, направленные на борьбу с различными формами социально опасных коррупционных проявлений и экономических преступлений, стимулировали бы повышение эффективности функционирования правоохранительных органов по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений коррупционного характера. Однако без учета всех криминальных коррупционных проявлений, имеющих место в нашем обществе, невозможно знать истинное состояние коррупционной преступности и принимать адекватные меры «борьбы». Как нельзя говорить о надлежащей организации деятельности правоохранительных органов по учету преступлений коррупционного характера без определения его понятия, содержания и современного состояния. Размер причиняемого экономическими преступлениями ущерба за последние годы значительно вырос. По мнению многих ученых, доходы теневого бизнеса могут сравниться с прибылью от незаконной торговли наркотиками. Характерной тенденцией развития человеческого общества в XXI веке является широкая информатизация различных сфер деятельности человека, включая правоохранительную.

Библиографический список

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 04.12.2014 // Российская газета. 2014. 5 декабря.
2. Федеральный закон РФ от 25.07.2006 № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3424.
3. Федеральный закон РФ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
4. <http://www.sud-expertiza.ru> – Центр судебных экспертиз АНО.

ДУХОВНЫЙ ЭКОНОМИЗМ С.Н. БУЛГАКОВА КАК ФАКТОР ГАРМОНИЧНОГО УСТРОЙСТВА СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

УДК 101.1

Фокина А.В.,

кандидат филологических наук

(Духовно-просветительский центр Храма Веры, Надежды, Любви
и матери их Софии);

Колесников С.А.,

доктор филологических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье проводится анализ теории духовного экономизма С.Н. Булгакова. В рамках этой теории определяются следующие контуры социальной парадигмы: метафизика, религиозное удивление, преодоление кризис-

ных явлений за счет духовных ресурсов цивилизации, тесная связь экономики и духовности, внутреннее единство мироустройства.

Ключевые слова: цивилизация, экономика, духовность, С.Н. Булгаков, философия хозяйства.

SPIRITUAL ECONOMISM S.N. BULGAKOV AS A FACTOR OF HARMONIOUS DEVICES OF MODERN CIVILIZATION

Fokina A.V.,

the candidate of philological sciences;

Kolesnikov S.A.,

the doctor of philological sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article analyzes the theory of spiritual Economism S.N. Bulgakov. In the framework of this theory are determined by following the contours of the social paradigm: metaphysical, religious surprise, overcoming the crisis at the expense of the spiritual resources of civilization, the close connection between economy and spirituality, the internal unity of the world order.

Key words: civilization, Economics, spirituality, S. N. Bulgakov, philosophy of economy.

Монографическое исследование С.Н. Булгакова «Философия хозяйства» – весьма сложный в жанровом определении текст. С первого взгляда, это традиционный наукообразный жанр, своей лексикой и внешней структурой уподобленный социо-философско-экономическому трактату. Но если присмотреться внимательнее, то в этом тексте отчетливо начинают проступать и гоимлетические, и общецивилизационные, и даже исповедальные мотивы. Когда автор говорит о хозяйстве, он ведет речь не столько об экономической стороне бытия, сколько о метафизической основе этого бытия; его труд в глобальном масштабе превращается в исследование всей современной цивилизации, сопоставимое с духовными системами, например, каппадокийской школы с ее развернутыми разделами триадологии, христологии, антропологии, ангелологии, эклессиологии, сотериологии...

«Философия хозяйства» (и в целом проблематика духовного хозяйствования) возникла у С.Н. Булгакова из «философского удивления», как он сам характеризует причины обращения к данной теме. Но удивление это генетически восходит к удивлению «перед чудесами мира», с которого, в частности, начиналась вся русская христианская цивилизация, что зафиксировано в памятниках древнерусской литературы. «Философское удивление» С.Н. Булгакова – прямой парафраз к способности удивляться перед «великими чюдесами и добротами, устроенных на сем свете», о которой восторженно-умудренно писал Владимир Мономах в своем «Поучении». Именно гармоничное соединение социальности и духовности, включающей исповедальность и проповедничество,

позволили С. Булгакову создать сохраняющую до сего времени актуальность развернутую концептуальную систему. Этот подход может рассматриваться как дидактически важный для построений современных цивилизационных размышлений, порой сбивающихся то на секуляризированную публицистичность, то на социальный герметизм, утрачивающий связь с реальностью. Проповедничество в жанре научного трактата и логически стройное размышление о духовных основах цивилизации – тот непростой путь, который сумел талантливо пройти С.Н. Булгаков.

В основе его рассуждений на тему экономизма – неотъемлемость этого аспекта из реальности. «Экономический материализм, – писал С.Н. Булгаков в «Философии хозяйства», – в известном смысле неопровержим. Он не может быть просто отвергнут и опровергнут, как любая научная теория. Он должен быть понят и истолкован – не только в своих явных заблуждениях и слабых сторонах, но и в том вещем содержании, которое чрез него просвечивает. Он должен быть не отвергнут, но *внутренне превзойден*, разъяснен в своей ограниченности как философское «отвлеченное начало», в котором одна сторона истины выдается за всю истину» [1, с. 7]. Парадоксальность духовно-цивилизационной позиции С. Булгакова, на которую мы будем неоднократно обращать внимание, являет себя в вопросе овпаивности «экономического материализма» в толщу реальности достаточно ярко. Религиозный контекст всей «Философии хозяйства», казалось бы, не подразумевает «материалистической» составляющей. Но в этом парадоксе раскрывается острейшая проблема как того, так и нашего времени, возможно, и даже в большей степени.

Оппозиция «материализм-идеализм», прошедшая через горнило диалектического материализма советских партшкол, именно сейчас, в наше время, воспринимается как знак непреодолимой дистанции между идеалистическим и материалистическим. Признание неизбежной непримиримости этих позиций, – это то, что вдавлено в сознание многих поколений последних десятилетий философией диалектического материализма. Эта, как утверждалось, неизбежная, фатальная, непрекращающаяся вражда была необходима политически ангажированной материалистической философии, чтобы оправдать свою агрессивность, которая, в свою очередь, позволяла скрывать недостатки этой самой философии. Состояние фатальной войны давало политико-материалистической философии списывать на эту войну все те слабые стороны, все те внутренние противоречия, которые при ином, более вдумчивом, подходе, в ином, менее «милитаристическом» темпе, оказывались явными и «обидными» в своей непреодолимости. Но парадоксальное заявление С. Булгакова о совместимости материалистического и идеалистического, о возможности существования «мостков» между этими оппозициями как раз и работает против устоявшихся сегодняшних стереотипов о непримиримости этих категорий.

Одно из важнейших качеств, необходимых современному исследователю цивилизации, – способность «сопрягать». То самое «сопряжение», художественно озвученное Л.Н. Толстым в «Войне и мире» в образе Платона Каратаева, «сопряжение», корни которого восходят к святоотеческому наследию, в частности, к «Шестодневу» Василия Великого, видящего мир как единое целое, как

слияние идеалистического и материалистического, – в рассуждениях С. Булгакова о совместимости этих категорий предстает как важный урок для современной цивилизации. Отказ от позиции отверженности в отношении какой-либо грани мира, отказ от манихейского «разрубания» мира на «плохой»-«хороший», «ночной»-«дневной» и т.п., умение видеть целостность бытия, в том числе и в свете вопроса о взаимоотношении идеалистического и материалистического – существенная часть науки о проблемах современной цивилизации. Решение этого вопроса является актуальным для любого поколения, и наше не исключение. Поэтому-то столь актуальными представляются мысли С. Булгакова, связанные с «онтологическими и космологическими сторонами христианства» [1, с. 6].

Кризис – одно из самых часто употребляемых сегодня понятий – возникает именно из-за утраты целостного взгляда на проблему. Кризис цивилизации выражается и сейчас, и во времени С. Булгакова в сведении социального устройства к «этике, лишь окрашенной пиэтистическими "переживаниями"» [1, с. 6]. Кризис материалистичности – в утрате онтологических интуиций, предчувствий масштабности преобразований материального бытия, в измельчании хозяйственных задач. И разделяя, разрубая эти способы познания мира, мы лишаемся возможности преодолеть кризис как в одной, так и в другой сфере. С. Булгаков предлагал иной путь...

Он ясно осознавал растущую опасность деградации метафизических горизонтов хозяйствования: «Наше время понимает, чувствует, переживает *мир как хозяйство*, а мощь человечества как богатство преимущественно в экономическом смысле слова» [1, с. 8]. Когда мы говорим сегодня об «ответственности бизнеса», о «гуманном капитализме» и прочих понятиях, стремящихся сформировать хотя бы зачаточные контуры современной российской цивилизации времен капитализма, главным камнем преткновения становится именно этот «экономический смысл». Обращаясь исключительно, или пусть преимущественно, к экономическим механизмам преодоления кризисных явлений, сегодняшнее российское общество лишает себя чувства глубины окружающей реальности. Мир действительно можно рассматривать как «хозяйствующий субъект», но при этом он должен оставаться метафизическим объектом, постижение которого невозможно без религиозного фундамента. В ином случае мы возвращаемся в ситуацию, описанную С. Булгаковым в терминах того времени: «Наука о хозяйстве терпит теперь, хотя это и не для всех еще ясно, жесточайший философский кризис: отказываясь от сознательного экономического материализма, она остается лишенной всяких философских основ, без которых она превращается в сумму эмпирических знаний и наблюдений, едва ли даже заслуживающую название науки. Поэтому проблема *философии хозяйства* или, лучше сказать, совокупность этих проблем приобретает не только общеприкладной философский, но и специально-экономический интерес» [1, с. 9]. Сегодня исследователь цивилизации может увидеть в этом высказывании предупреждение о бесперспективности упований на антикризисные алгоритмы, ориентированные на снятие локальных, «эмпирических», кризисных факторов.

Причем данная фраза актуальна для нас в своей зеркальности: «специально-экономический интерес», достаточно широко представленный в современном хозяйствовании, теперь необходимо соединить с «общефилософским», метафизически-религиозным. Эмпирический экономизм и духовность – вот что может стать продуктивным решением современных проблем. Неслучайно Ж. Бодрийяр писал в «Прозрачности зла» о «триумфе, с которым экономика возвращается в повестку дня». Именно злободневность экономического миропонимания определяет сегодняшний интерес к наследию С. Булгакова, причем подобный метафизический экономизм рассмотрен им с необыкновенной оригинальностью в рамках цивилизационной концепции, детально и доказательно приводящей аргументы в защиту союза экономического и духовно-религиозного.

И еще одна грань актуальности проблем, поднимаемых С. Булгаковым в теме духовного хозяйствования. Это – тема человека. В формировании человека, считал он, одинаково важны и экономическая и духовная составляющие. Современный исследователь цивилизации должен данное положение отчетливо понимать. В интерпретации С. Булгакова оно выглядит следующим образом: «Всякая хозяйственная эпоха имеет свой дух и, в свою очередь, является порождением этого духа, каждая экономическая эпоха имеет свой особый тип "экономического человека", порождаемый духом хозяйства, и объявлять его "рефлексом" данных экономических отношений возможно только при том логическом фетишизме, в который невольно впадает политическая экономия, когда она рассматривает хозяйство, развитие производительных сил, разные экономические организации чрез призму абстрактных категорий, вне их исторической конкретности» [1, с. 101]. Хотелось бы обратить внимание на фрагмент данной фразы: «тип "экономического человека", порождаемый духом хозяйства». Именно здесь, в тесной лингвистической связке, соединены экономизм и дух, и это тот антропологический «рецепт», который С. Булгаков выдает как важнейшие ингредиенты подлинного понимания, что есть человек. Стремление понять себя – извечно для человека. И путь этого познания, по С. Булгакову, лежит через новое понимание хозяйствования.

Идея «двух путей», столь продуктивная для первохристианства и нашедшая свое выражение в «Дидахе», «Канонах двенадцати апостолов» и других первоначальных христианско-цивилизационных концептуализациях: «пути света» и «пути тьмы», «пути добра» и «пути зла» – в интерпретации С. Булгакова приобретает экономическую «тональность». «Каким надо пойти путем – задается он вопросом в статье «Христианство и социализм», – хозяйственным или религиозным в деле спасения мира. И был ответ: человек живет не хлебом единым... но всяким словом Божиим» [2, с. 351]. Данный выбор и стал определяющим для всей цивилизационной позиции С. Булгакова: стремление услышать в максимальной полноте слово Божье.

Самоотверженность в выборе данного пути у С. Булгакова была настолько сильна, что даже сквозь призму критических воззрений на его позицию, в частности, в позиции Н.А. Бердяева, которая представлена в статье «Типы религиозного сознания», самоотверженность и решительность цивилизационного выбора С.Н. Булгакова приближаются к подвижничеству. Когда Н.А. Бердяев говорит о

«религиозном сервилизме», «несовершеннолетию» позиции С.Н. Булгакова, тем не менее, в этом несовершеннолетье отчетливо проступает мужество выбора. С.Н. Булгаков явно согласен со словами Н.А. Бердяева (в которые сам философ вкладывает определенный саркастический смысл), что «человек – трепещущая и униженная тварь», что «ему дано лишь хозяйственно устраивать созданное Богом, Божье имение». Но именно мужество выбора, и, главное, смиренное принятие последствий этого выбора, – вот что делает С.Н. Булгакова глубоким исследователем христианской цивилизации. Именно здесь проходит водораздел между духовностью и экономичностью. И через это смирение С. Булгаков вступает на путь, по словам того же Н.А. Бердяева, «оправдания жизни». Обретение смысла жизни, обретение ориентиров в направлении духовного и цивилизационного развития, шествие в направлении растущей духовности – вот задача, которая всегда стояла и стоит перед подлинным исследованием цивилизации, по мнению С.Н. Булгакова. Каким путем в «оправдании жизни» идти – самостоятельное право каждого. С. Булгаков предлагал увидеть цивилизацию с хозяйственной точки зрения, сфокусировать взгляд на экономически-материальной основе мира и заглянуть за нее. «Понять мир, – писал он в «Философии хозяйства» о главной, по его мнению, задаче цивилизационного исследования, – как объект трудового, хозяйственного воздействия есть очередная ее задача, к которой одинаково ведет и экономизм, и критицизм, и прагматизм, и мистицизм» [1, с. 5].

И здесь мы выходим на весьма важный методологический прием С. Булгакова: он говорит о гносеологической задаче, о необходимости понимания цивилизации, но он не утверждает, что данное человеческое знание абсолютно. Уникальная интуиция, присущая С. Булгакову, – осознание «длительности», «протяженности» истины, разворачиваемости ее во времени. Как раз «продление» исследовательской позиции, оставление открытыми границ цивилизационной концепции как методологический прием С. Булгакова может стать продуктивным уроком для современной науки о цивилизации. В своих размышлениях С. Булгаков удивительно мобилен: он не ограничивает себя – именно не ограничивает – интеллектуализмом, претендующим на конечно-истинную позицию. Его духовно-экономические построения парадоксальным образом сочетают научность и витальность. То, что этот прием был осознаваем самим Булгаковым, видно из письма к П.А. Флоренскому в 1922 г., где Булгаков определял область своих рассуждений как «область, в которой откровения мысли были вместе с тем и откровениями жизни, где я ощущал живо самую стихию, в себе и вне себя, выше себя, это – церковность, все та же вековая проблема Церкви». Способность гармонично соединить жизнь и интеллект, науку и религию – еще один актуальный урок С. Булгакова современности.

Н.А. Бердяев определил богословский метод С. Булгакова как «перевод на гносеологический язык молитвы и таинства», правда, увидел в нем прежде всего «предохранительное приспособление, мера защиты от врагов, принимающая некоторые приемы врагов» («Типы религиозной мысли в России. Возрождение православия»). Но и эта апологитичность, вынужденная вести оборонительные действия, также является важным методологическим приемом С. Булгакова. Его цивилизационные построения полемически заострены, пусть

даже эта заостренность не всегда явна. Умение выстроить свою позицию таким образом, чтобы она являла собой завершенный и защищенный формат, учет противоположных мнений и включение приемов оппонентов в контекст собственных рассуждений, тем самым, преодолевая их, все та же упомянутая готовность к открытому диалогу, потенциальная мобильность границ вокруг неизменного смыслового центра – все это можно отнести к эвристическим моментам, вносимым С. Булгаковым в исследование христианской цивилизации.

Отчетливо это обнаруживается на примере его оценок рациональности как типа мировоззрения, как типа духовного познания реальности. У С. Булгакова в «Агнце Божиим» есть четкое определение его позиции в отношении «разумности» как системообразующей характеристики цивилизации: «Вера никогда не полагает запретов для разума в его *собственной* области» [2, с. 132]. Выделение курсивом собственной области разума весьма показательно. Для С. Булгакова область разума – область четко маркированная, выделенная и «картографированная». Именно в этой области могут и должны осуществляться и создаваться ценности мира материального и научно-идеального. В «Философии хозяйства» С. Булгаков дает следующее определение науки: «Наука есть общественный *трудовой* процесс, направленный к *производству* идеальных ценностей – знаний, по разным причинам нужных или полезных для человека» [1, с. 77]. И опять мы видим акцентировку на понятиях «труд» и «производство». Соединяя в общую схему выделенные понятия, можно реконструировать цивилизационную позицию С. Булгакова: в сфере разумности, рациональности труд и производство, как материальных, так и научно-идеалистических ценностей является главной и необходимой задачей человечества. Но, подчеркнем, – именно в сфере рациональности.

Однако С. Булгаков концептуально декларирует ограниченность, конечность этой сферы, лимитированность ресурсов рационального миропознания и миропреобразования. Ценности, создаваемые рациональным типом сознания, или рациональной цивилизацией, обладают, по Булгакову, конечностью, изнашиванием, ограниченностью в применении к решению метафизических задач. В своей работе «Душевная драма Герцена» (1905) он фиксирует опасность рационалистической цивилизации: «...эта цивилизация, в своих высших проявлениях бесспорно достигшая небывалых успехов, создает страшный для всего индивидуального механизм, захватывающий своими шестернями, зубцами, маховиками индивидуальную жизнь и практически провозглашающий принцип: не суббота для человека, а человек для субботы» [2, с. 84]. И добавляет – «Антагонизм между материальной и духовной цивилизацией неискореним» [2, с. 85].

Именно поэтому свою собственную цивилизационную систему С. Булгаков выстраивает в «над-рациональном» ключе, предполагающем возможность перехода от рационального к сверх-рациональному. Данный «ключ», отрывающий границы между земным и небесным, весьма своеобразен, контуры этого «ключа» не вписываются в традиционное представление о научном методе. Не случайно современный исследователь И.И. Евлампиев говорит о некоем «разочаровании», возникающем при рационалистических установках в восприятии теологуменов С. Булгакова: «...некоторые из упомянутых работ вообще не имеют ясно

выраженного итога (таковы, например, статьи «Иван Карамазов как философский тип», «Русская трагедия», «Чехов как мыслитель», «Моцарт и Сальери» и др.); пройдя через лабиринт мыслительных построений автора, читатель с удивлением и некоторым разочарованием обнаруживает, что в конце проделанного пути находится только призыв к дальнейшему движению, дальнейшим поискам» [3, с. 248]. Традиционно-рационалистическая парадигма, жестко заостренная на обязательности обретения «конечной истины», не видит в позиции С. Булгакова результативности. Но именно в этой принципиальной незавершенности, все той же открытости и содержится один из важнейших ресурсов цивилизационной жизнеспособности, согласно С. Булгакову. Там, где рациональность закрывает занавес проблемы, там духовность продолжает всматриваться в разворачиваемое действо. Дискретность мира и миропознания, отчетливо проступающее в рациональности, восходит к атеистическому императиву о конечности человеческой жизни, о человеческом бытии как «сизифовом труде» (А. Камю), разорванном на бессмысленные отрезки и фрагменты биологической жизни. Ответом С. Булгакова и представляемой им цивилизационной парадигмы на проблему «обесмысленности жизни» становится тема единства бытия.

Потенциальная открытость духовно-экономических построений С. Булгакова, в частности, антропологии, подразумевают всеединство как онтологический и экзистенциальный принцип. Именно всеединство выступает как связующая скрепа, соединяющая фрагменты разорванного бытия и сознания. Способность увидеть единство в кажущейся разорванности – этому всегда учила и учит подлинная духовность. Еще Ф.М. Достоевский восклицал: «Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите! Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь, и тайну Божию постигнешь в вещах». Булгаков продолжает эту мысль в «Свете невечернем»: «... индивидуально мир есть *одна* телесность и *одно* тело, в нем должна ощущать себя каждая телесная энтелехия» [4, с. 188]. Через религиозность, через духовность преодолевается не только разорванность человеческого бытия, но и разорванность между рациональным и иррациональным, материальным и духовным, светским и церковным. Всеобщность церковного, религиозного для С. Булгакова очевидна. «По идее религия, – писал он в статье «Церковь и культура», – а следовательно, и церковь как область религиозной жизни должна быть всем, распространяясь на все области жизни верующих. Не должно быть ничего, принципиально «светского», не должно быть никакой нейтральной зоны, которая была бы религиозно индифферентна, не имела бы того или иного религиозного коэффициента» [4, с. 201]. Духовность как всеобщая цивилизационная доминанта, как основание бытия – решение, по Булгакову, проклятых вопросов неустроенности, безосновности, зыбкости человеческой жизни.

Библиографический список

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – Москва: Наука, 1999.
2. Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. – Санкт-Петербург: РГХИ, 1997.

3. *Булгаков С.Н. PRO ET CONTRA. Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей.* – Санкт-Петербург: РХГИ, 2003.

4. *Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения.* – Москва: Республика, 1994.

ПРИЕМЫ ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ДОСТОВЕРНОСТИ ЗНАНИЯ И БРЕНДОВ В КУЛЬТУРЕ

УДК 008

Бородуля А.А.,

кандидат философских наук

(Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», г. Минск, Беларусь)

Аннотация: в статье осуществляется анализ медиатехнологий репрезентации текстов в контексте визуальных исследований в культуре.

Ключевые слова: архитектура текста; визуальные исследования; культура; информационные технологии; интерпретация.

TECHNIQUES OF TELEVISION PRODUCTION RELIABILITY AND KNOWLEDGE OF BRANDS IN CULTURE

Borodulia A.A.,

the candidate of pedagogical sciences

(Institution of education «Belarusian state economic University»,
Minsk, Belarus)

Abstract: the article analyses media representations of the texts in the context of visual studies and culture.

Key words: architectonics of the text; visual studies; culture; information technology; interpretation.

Новая архитектура нацелена не на интерпретативную «пригонку» текста и картинок, а на создание между ними проблемной зоны, пространства активного чтения образов. Само знание становится еще одним форматом медиа, а социально-гуманитарные науки – одним из ее малых жанров. Это дает возможность для развития способности видеть культурные формы сквозь призму социальной логики.

Общие параметры знания в телевизионном потоке – что, как и для чего нужно знать – в конечном счете определяются в формате телевизионной рек-

ламы. Объектом знания здесь служит «самость» индивида, его бытие «самим собой». Телевизионная стратегия познания себя самого является обратной стороной классической философской установки на самопознание с помощью рефлексии. Знание самого себя не есть результат мышления о собственном мышлении, методической интроспекции и прочих пассивных созерцательных способов познания. Оно есть результат выбора самой эффективной технологии «становления собой», регулярного и правильного ее применения. Эта технология и есть «метод» познания. Она практически раскрывает в индивиде его неповторимую сущность. Эта сущность проявляет себя как действенность технологии, как запись технологии на индивиде, как внешность. Сам индивид становится зрелищем технологии. Средства познания превращаются в саму «субстанцию» познаваемого объекта.

Базовым приемом репрезентации знания в рекламе выступает прием секрета. Во-первых, этот прием представляет какие-либо сведения не просто как новые, но как «секретные». Во-вторых, прием секрета основывается на том, что сообщаемое «лично» телезрителю знание все еще недоступно большинству других. Благодаря разделенному с ним секрету телезритель узнает об «этом» в числе первых. Знание здесь чисто операционально. Оно строится по модели финансовой пирамиды: чем раньше ты узнаешь о выгодных процентах и принесешь свои деньги, тем большее их количество ты успеешь получить за срок действия вклад.

Сущностная «самость» индивида, таким образом, функционирует по модели капитала. Капитал – это деньги, которые находятся в процессе постоянного приращения в результате инвестиций в нечто «новое». Индивид в обществе потребления – это тоже постоянный процесс становления самим собой с помощью разнообразных «новинок»... Нужно постоянно становиться чуть более самим собой, еще чуть более, еще... Нужно не просто жить, но жить «настоящему» – лучше, каждый день немного лучше, как настойчиво повторяет реклама с самых первых дней в обществе потребления.

Многие планы из анонсов телеканала спустя короткое время (от секунд до минут) могут повторяться в анонсе конкретной программы, затем мы их опознаем в самой программе, после чего они снова возвращаются в анонсы разного уровня. Таким образом, во-первых, осуществляется тренинг на узнаваемость (бренда, «звезды») как на самостоятельную ценность, а, во-вторых, размывается различие части и целого. Фрагменты «блуждают» по различным «целостностям» (анонсам канала, блогов программ, самим программам, вводным заставкам программ и внутрипрограммным перебивкам), которые являются уже не собственно целостностями, сколь-нибудь автономными смысловыми образованиями.

Анонс в структуре телепотока оказывается «всей» историей, которая становится понятной только задним числом. Телевизионный поток в этом смысле воспринимается «наоборот» от конца к началу: анонс передачи служит не столько ее началом, сколько концом предыдущей истории.

Логика капитала в форме телепотока связывает в единый узел медийной рациональности знание, рекламу и моду: воспользоваться знанием новинки-секрета нужно в течение ограниченного времени, после которого «этот» секрет обесценивается, а вместе с ним девальвируется и ценность самого Эго. Этот

тип рациональности, основанный на фундаментальном принципе «время-деньги», совмещает визуальную исчислимость истины и технологии времени. Исчислимость истины выражается в том, что успешность индивида, выступающая в поле медиа критерием истины знания, подвергается навязчивому измерению по различным количественным параметрам (сантиментры увеличения мышц, килограммы похудения, проценты гладкости кожи или объема волос и др.) и результаты этих измерений визуализируются в виде разнообразных моделей, представляющих идеальные поверхности и оболочки.

Прайм-тайм канала НТВ является «образцом» развлекательного телевидения, находящегося на другом полюсе от каких-либо просветительских или познавательных передач. Первые 10 минут из 40 минутной программы «Максимум» занимают телевизионные анонсы и реклама. Причем, анонсы и реклама занимает более половины времени программы. Можно сказать, что нам показывается Реальность, в которой царит сильное Эго, собранное из идеальных поверхностей – гладкости волос, белизны зубов и т.д. Вот, например, перечень товаров основного рекламного блока программы: гель для душа (15 секунд), шампунь (26 секунд), стиральный порошок (30 секунд), корм для кошек (30 секунд), краска для волос (23 секунды), лак для волос (20 секунд).

Благодаря своей форме и структурной позиции в телепотоке реклама утверждает в качестве единственной реальности – цельного и стабильного образа мира – частное существование и индивидуальную внешность.

Общая функция телепотока – производство «лиц брендов»: телезвезд и логотипов – как внешних товаров, так и внутренних продуктов самого канала. В последнем случае телепоток превращается в непосредственный способ капитализации медиа-корпораций, который на уровне индивида воспринимается как гарантия стабильного удовольствия в его приватном мире.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: СТРАТЕГИЯ ТРАНСЛЯЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

УДК 008

Панов С.В.,

кандидат педагогических наук

(Государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы», г. Минск, Беларусь)

Аннотация: в статье рассмотрены технологии ретрансляции исторической культуры как комплексного представления о прошлом культурном опыте человечества в контексте образовательной деятельности.

Ключевые слова: историческая культура; опыт человечества; процесс образования; историческое сознание.

HISTORICAL CULTURE: STRATEGIES OF TRANSLATION IN THE LEARNING PROCESS

Panov S.V.,

the candidate of pedagogical sciences

(State institution of education «Republican Institute of higher school», Minsk, Belarus)

Abstract: the article considers the technology of relay historical culture as a complex understanding of the past cultural experience of mankind in the context of educational activities.

Key words: historical culture; the experience of mankind; the process of education; historical consciousness.

Понятие «историческая культура», будучи относительно новым, связано с феноменом комплексного представления о нашем прошлом, транслируемого как социальный опыт человечества в процессе образования. При этом традиция как представление об историческом прошлом, которое влияет на мотивацию социальных действий и переживания людей, а также определяет взгляды на современность, сочетается с модернизацией (новациями) в области обучения, связанными с практиками освоения и присвоения прошлого. Историческая культура включает в себя комплекс компонентов: исторические наука и образование, миф и сознание, традиция и идеология, ценности и менталитет. Исторический миф представляет собой мифическое представление, которое в своем внешнем описательном пласте принадлежит к подтвержденным историками на основе исторических источников событиям и их участникам и может сосуществовать с научным мировоззрением [17, с. 96]. Историческое сознание рассматривается как форма общественного сознания, представляющая собой сложную совокупность взаимосвязанных элементов, среди которых знание истории, осмысление исторического опыта и вытекающих из его уроков, социальное прогнозирование, осознание исторической ответственности за свою деятельность [16, с. 216].

Понятием «историческое сознание» охватывается все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспринимает и оценивает) свое прошлое [9, с. 39]. Рассматривая ценности как разделяемые обществом или социальными группами убеждения по поводу целей, которые необходимо достичь, и путей и средств, которые ведут к их реализации, целесообразно отметить, что в структуру базовых ценностей молодежи студенческого возраста (18-22 года) входят семья, друзья и знакомые, досуг, политика, работа, религия, которые в своей совокупности образуют парадигмальную модель ценностного сознания индивида [15, с. 165, 167]. Исторический менталитет будем рассматривать как совокупность способов мышления и восприятия содержания, характерных для определенного коллектива в определенном времени, которая проявляется в действиях [3, с. 92].

Таким образом, историческая культура формируется у определенной группы общества и характеризуется своей исторически сложившейся системой ценностей, а также художественных произведений, отображающих результаты познания прошлого и его переживания.

В процессе формирования исторической культуры в условиях современного социокультурного пространства и модернизации образовательно-информационной среды актуализируется целесообразность реализации культурологической парадигмы, разработанной И.Я. Лернером, В.В. Краевским, М.Н. Скаткиным [13, с. 145-149]. В соответствии с данной парадигмой содержание образования представляется как педагогически отобранный и адаптированный к возможностям его усвоения обучающимися социальный опыт. В составе данного опыта при его трансляции в процессе обучения находятся следующие элементы:

- предметные знания (теоретические и фактологические, оценочные);
- специфические способы деятельности (хронологические, картографические, анализ исторических источников, реконструкция событий прошлого, интерпретация при работе с версиями и оценками событий, применение знаний и умений в современной социальной среде);
- опыт творческой деятельности, транслируемой в форме проблемных ситуаций и познавательных задач;
- опыт эмоционально-ценностного (личностно-смыслового) отношения к изучаемым событиям и их участникам.

Культурологический подход в обучении будем понимать как комплексное педагогическое средство, состоящее из трех компонентов:

- взаимосвязанная совокупность основных понятий, характеризующих данный подход;
- совокупность принципов реализации данного подхода, т.е. основных направлений деятельности или исходных положений, которых следует придерживаться для достижения цели;
- совокупность методических приемов и средств, применение которых обеспечивает реализацию подхода в обучении [10, с. 84].

Рассмотрим содержание компонентов культурологического подхода в обучении с учетом того, что образование является социокультурным феноменом, а формирование исторической культуры – процессом передачи обучающимся и присвоения ими накопленных поколениями знаний и культурных ценностей, трансляцией культурно оформленных образцов поведения и способов деятельности.

В первом компоненте культурологического подхода представлена совокупность таких традиционных понятий, как личность и ее культура. Личность будем рассматривать как систему отношений человека к окружающему миру, которые выражаются в деятельности, взглядах, убеждениях, мировоззрении, коммуникации с другими людьми, и как отношение человека к самому себе, которое проявляется в самооценке, идеалах [5, с. 50]. Индивид становится личностью по мере овладения им содержанием накопленного поколениями социального опыта, который рассматривается как педагогически адаптированное содержание образования. Культура личности понимается как система знаний,

умений, навыков, взглядов, убеждений, которая формируется в процессе выявления обучающимися заложенного в учебной информации смысла и трансформируется во все аспекты их жизнедеятельности [4, с. 83]. Становление личности связано с восприятием обучающимися истории во взаимосвязи с настоящим и будущим. В современной психолого-педагогической теории подчеркивается актуальность исследования условий становления индивида как культурно-исторического субъекта, который будет воспринимать историю как свое прошлое и чувствовать ответственность перед будущим общества как перед своим будущим, зависящим от его действий в настоящем [14, с. 27].

В процессе обучения обучающийся присваивает социокультурный опыт (овладевает его содержанием), благодаря чему формируется личность как социальная единица общества с такими характеристиками, как историческая память и национальная идентичность, которые могут войти в число новых понятий, характеризующих стратегию трансляции исторической культуры. Историческая память, которую целесообразно рассматривать как социально-педагогическую категорию, включает в себя теоретический, фактологический, оценочный компоненты учебных исторических знаний о событиях прошлого, их времени и месте, участниках, а также способность личности дорожить историческими традициями своего народа. Следует заметить, что историческая память по своей природе образна, она сохраняет и воспроизводит сведения о прошлом на основе чувств и ощущений, вызванных настоящим. Образы событий и персонажей прошлого, как представления о ком-либо или чем-либо, конструируются в содержании исторического образования [12, с. 22-25]. Результатом формирования исторической памяти становится национальная идентичность, которая рассматривается как конкретная позиция личности: эмоционально-психологическая предполагает собственное отношение к изучаемому материалу; политико-идеологическая связана с умением выявлять и соотносить различные позиции и занимать собственную при выборе поступка; культурная проявляется в восприятии и идентификации обучающимися себя в окружающем мире с точки зрения представителя современной нации как политической [6, с. 3-5].

Во втором компоненте культурологического подхода, содержащем принципы его реализации, присутствует в качестве проблемного противоречие между принципом научности содержания исторического образования и принципом доступности, предполагающим учет познавательных возможностей обучающихся в соответствии с их возрастом. Дидактическая проблема, требующая своего разрешения, состоит в разрешении противоречия между научно-теоретическим знанием, представленным в содержании исторического образования (в учебной литературе) в соответствии с принципом фундаментальности научного знания, и индивидуальным эмоционально-окрашенным личностно значимым для обучающихся знанием в соответствии с принципом доступности в условиях широкого распространения различных форм представления истории (в т.ч. мифологизированных) в современном информационном пространстве. Целесообразно поставить вопрос о границах применения принципа научности в практике обучения с учетом познавательных возможностей обучающихся воспринимать различные компоненты исторической культуры. В практике ис-

торического образования в поисках консенсуса находится решение проблемы реализации одного из концептуальных дидактических положений о целесообразности соблюдения концентрического принципа структурирования содержания, который учитывает психологию процесса познания и дает возможность перейти от фактологического аспекта изучения содержания учебного материала к проблемно-теоретическому [1, с. 35-40].

Во втором компоненте культурологического подхода в качестве положений, обеспечивающих стратегию трансляции исторической культуры, нам видится ряд принципов. Среди них принципы диалогической интерпретации и философского обобщения исторических фактов, которые предполагают отказ от монополии на определенную точку зрения и единственность истины как результата исследования, концептуальность в современной исторической науке [8, с. 63-65]. В аспекте реализации такого принципа исторического познания, как аксиологический, в качестве стратегических (системообразующих) рассматриваются ценности государственного суверенитета и национальной культуры. Особое значение в аспекте формирования и трансляции исторической культуры приобретает принцип мультикультурности, т.е. единства и многообразия национальных культур в культуре Беларуси, а также принцип культурно-исторической среды. Он представляет собой исходное положение о педагогической целесообразности усвоения обучающимися совокупности достижений своего народа в области материальной и духовной культуры, транслируемых в процессе обучения через усвоение содержания образования на макроуровне (уровне идей) и микроуровне (уровне конкретных достижений в области культуры).

В третьем компоненте культурологического подхода находится совокупность методических приемов и средств, применение которых обеспечивает трансляцию исторической культуры в процессе обучения. В качестве проблемы тут можно обозначить существующее противоречие между преобладанием в учебной литературе научного, а не учебного знания, и возможностями усвоения научного знания с учетом его личностной востребованности со стороны обучающихся [7, с. 46]. Преодоление данного противоречия видится в конструировании эмоционально-окрашенного и личностно значимого для обучающихся знания с учетом реализации возможностей образного образования. Такие дидактические возможности связаны с применением традиционных приемов и средств формирования и творческой реконструкции образов исторических событий и их участников по алгоритму «образ – слово – действие» (картинное и аналитическое описание, образная характеристика и повествование, сюжетный рассказ, персонификация, драматизация, стилизация, интервью) [2, с. 214-227]. В качестве стратегических для трансляции исторической культуры целесообразно использовать прием перевода социальной ситуации в ситуацию педагогическую, прием комплексной художественно-исторической характеристики изучаемых событий, мультисенсорный прием перевода визуального образа на вербальный язык (виртуальная встреча).

Таким образом, в условиях сложившейся культурно-образовательной традиции существует дидактическая возможность трансляции различных ком-

понентов исторической культуры при реализации культурологического подхода в обучении с учетом следующих новаций:

- введения в понятийный аппарат категорий «историческая память» и «национальная идентичность»;
- конструирования содержания исторического образования с опорой на существующую и формирующуюся культурно-историческую среду;
- реализации в историческом образовании принципов диалогической интерпретации и философского обобщения исторических фактов;
- сочетания методических приемов и средств, ориентированных на формирование наглядно-образного и вербально-логического типов гуманитарного мышления в их совокупности.

Библиографический список

1. *Вяземский Е.Е.* Проведение в семи федеральных округах конференций для преподавателей истории и обществознания // Преподавание истории в школе. 2008. № 1. С. 43-45.
2. *Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю.* Теория и методика преподавания истории. – Москва: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003.
3. *Грыцкевіч В.* Гісторыя і міфы. – Мінск: БелФранс, 2000.
4. *Гребенюк О.С., Рожков М.И.* Общие основы педагогики: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. – Москва: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003.
5. *Лисейчиков О.Е.* Обобщенная теоретическая модель культуры личности: подходы к построению, состав, структура, функции // Образование и педагогическая наука. Труды Национального института образования. Модели и методики. – Минск: НМУ «Национальный институт образования», 2008.
6. *Касцюк М.П.* [і інш.]. Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе / рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Бел. навука, 2008.
7. *Новиков А.М.* Культура как основание содержания образования // Адукацыя і выхаванне. 2012. № 7.
8. *Падокшын С.А.* Беларуская думка ў кантэксце гісторыі і культуры. – Мінск: Бел. навука, 2003. С. 63-65.
9. *Соколова М.В.* Что такое историческая память? // Преподавание истории в школе. 2008. № 7.
10. *Степанов Е.Н., Лузина Л.М.* Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания. – Москва: Творческий центр «Сфера», 2002.
11. *Стрелова О.Ю.* Второй съезд и «вечный вопрос» историков // Преподавание истории и обществознания в школе. 2013. № 4. С. 35-40.
12. *Стрелова О.Ю.* Образы-мифы-фальсификации // Преподавание истории и обществознания в школе. 2010. № 8. С. 22-25.
13. Теоретические основы содержания общего среднего образования / под ред. В.В. Краевского, И.Я. Лернера. – Москва: Педагогика, 1983.
14. *Фельдштейн Д.И.* Взаимосвязь теории и практики в формировании психолого-педагогических оснований организации современного образования // Адукацыя і выхаванне. 2011. № 7.

15. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Д.Г. Ротман [и др.]; под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. – Минск: БГУ, 2009.

16. Яценко Н.Е. Обществоведческий словарь. – Санкт-Петербург: Лань, 2006.

17. Maternicki J. Teoretyczne i metodologiczne podstawy dydaktyki historii // J. Maternicki, Cz. Majorek, A. Suchonski. Dydaktyka historii. – Warszawa: PWN, 1994.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ЦИКЛА СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПЕРВОЙ СТУПЕНИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Титович И.В.,

кандидат исторических наук

(Государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы», г. Минск, Беларусь)

Аннотация: в статье осуществляется анализ инновационных подходов реализации цикла социально-гуманитарных дисциплин в контексте образовательного пространства республики Беларусь.

Ключевые слова: образовательная программа; система образования республики Беларусь; социально-гуманитарные дисциплины; модульная система; инновационные образовательные подходы.

NEW APPROACHES TO THE FORMATION OF A CYCLE OF SOCIAL-HUMANITARIAN DISCIPLINES OF THE EDUCA- TIONAL PROGRAMS FIRST STAGE OF HIGHER EDUCATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Titovich I.V.,

the candidate of historical sciences

(State institution of education «Republican Institute of higher school», Minsk, Belarus)

Abstract: this paper presents the analysis of innovative approaches implementation of the cycle of social-humanitarian disciplines in the context of the educational space of the Republic of Belarus.

Key words: educational program; the educational system of the Republic of Belarus; the socio-humanitarian disciplines; modular system; innovative educational approaches.

Социально-гуманитарная подготовка и идеологическое воспитание студентов высших учебных заведений в Советском Союзе в период с 1964 по 1988 гг. обеспечивались шестью дисциплинами (включая иностранный язык и физическую культуру), что составляло 11-14% от общего объема часов подготовки специалистов. В Белорусском государственном университете в это время изучались: история КПСС, марксистско-ленинская философия, политическая экономия, основы научного атеизма, научный коммунизм, иностранный язык, физическая культура. В дальнейшем за счет увеличения учебного времени на физическую культуру удельный вес данного блока составил 19,7%.

После обретения Республикой Беларусь суверенитета, оптимизация цикла социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе осуществлялась в соответствии с новой концепцией развития национальной системы образования и общей гуманитаризацией постсоветских государств и определялась нормативными правовыми актами Министерства образования Республики Беларусь. Непосредственно письмом Министерства образования от 21.06.1993 г. № 04-6/382 объем социально-гуманитарных дисциплин был увеличен до 25% учебного времени по негуманитарным специальностям, а по гуманитарным специальностям этот показатель составил не менее 35%. Приказом Министерства образования от 29.04.1998 г. № 243 объем социально-гуманитарных дисциплин был снова увеличен на 20%, а также утвержден перечень социально-гуманитарных дисциплин, обязательных для изучения студентами вузов разного профиля.

В 1999 г. появился первый стандарт, определявший объемы и структуру цикла социально-гуманитарных дисциплин, обязательных для всех специальностей высшего образования (РД РБ 02100.5.227-99 «Образовательный стандарт. Высшее образование. Цикл социально-гуманитарных дисциплин»). В указанном стандарте разработчикам удалось сформировать единый основополагающий перечень социально-гуманитарных дисциплин (12), а также их минимальные объемы для всех специальностей высшего образования (общий объем цикла составил 2100 учебных часов или свыше 25%). По поручению Президента Республики Беларусь в 2001 году были внесены соответствующие изменения в данный образовательный стандарт (Изменение № 1), направленные на гармонизацию его со стандартом высших учебных заведений Российской Федерации (объем учебного времени был уменьшен до 1868 часов).

В связи с введением многоступенчатой системы подготовки специалистов с высшим образованием, система стандартов в высшей школе претерпела существенные изменения, что, в свою очередь, отразилось и на стандарте, определяющем объемы и структуру цикла социально-гуманитарных дисциплин.

Приказом Министерства образования Республики Беларусь от 01.09.2006 г. № 89 был введен РД РБ 02100.5.227-2006 «Образовательный стандарт. Высшее образование. Первая ступень. Цикл социально-гуманитарных дисциплин», который предусматривал за счет оптимизации перечня обязательных для изучения социально-гуманитарных дисциплин сокращение объема цикла на 32%.

Во исполнение поручения Администрации Президента Республики Беларусь от 1 декабря 2007 года № 10/209-137 с учетом итогов заседания Администрации Президента Республики Беларусь от 22 ноября 2007 года в вышена-

званный стандарт было внесено Изменение № 1 от 21 января 2008 года. В соответствии с Изменением № 1 объем аудиторных часов, отведенных на изучение социально-гуманитарных дисциплин, увеличился на 5%. В итоге, на дисциплины социально-гуманитарного цикла было отведено 1584 часа (включая физическую культуру), в том числе 1236 аудиторных и 348 часов самостоятельной работы, что составляло:

- для специальностей со сроком обучения 5 лет – 16-20% от объема академических часов за весь период обучения;
- для специальностей со сроком обучения 4 года – 20-22% от объема академических часов за весь период обучения. При этом практически исчезла такая категория дисциплин цикла, как «дисциплин по выбору».

По итогам совещания педагогического актива страны 29 августа 2011 г. с участием Президента Республики Беларусь Министерством образования была сформирована рабочая группа для решения ряда вопросов: насколько оптимальна система социально-гуманитарной подготовки студентов сегодня, каково ее реальное качество и какие пути модернизации социально-гуманитарного блока.

Рабочая группа предложила вариант компоновки цикла социально-гуманитарных дисциплин, состоящего из четырех интегрированных модулей: философия, экономика, политология, история, который будет составлять 12% от общего объема часов всей подготовки специалиста.

Интегрированные модули было предложено понимать как определенную взаимосвязанную целостность в составе образовательных программ высшего образования. Мера самостоятельности модулей внутри интегрированного модуля определяется его относительной тематической замкнутостью. Интегрированный модуль создает целостное представление об определенной предметной области и позволяет наработать определенные компетенции, которые студент должен продемонстрировать по завершению освоения данного модуля.

Предлагалось выделить в каждом интегрированном модуле обязательных для изучения дисциплин и специализированных модулей по выбору студента.

Первый интегрированный модуль «Философия» – включает обязательные дисциплины «Философия» и «Основы психологии и педагогики», а также 2-3 специализированных модуля по выбору студента.

Целесообразность объединения в первом модуле, в качестве обязательных дисциплин, философии и основ психологии и педагогики объясняется тем, что философия выражает интегральную взаимосвязь человека и мира, развивает теоретическое мировоззренческое мышление и является общей концептуальной основой образования и развития человеческой личности. Педагогика и психология в этом смысле выступают как важнейшие гуманитарные приложения философии, позволяющие на деле проверить адекватность философских теорий бытия человека в мире.

Второй интегрированный модуль «Экономика» – включает обязательные дисциплины «Экономическая теория» и «Социология», а также 2-3 специализированных модуля по выбору студента.

Объединение данных дисциплин в одном блоке вытекает из социальной направленности экономических процессов, осуществляемых в обществе. В со-

временных условиях развития общества, ускорения темпов, увеличения потерь в хозяйственной сфере от неучтенных взаимосвязей экономических и социальных аспектов растет потребность в специалистах способных анализировать экономическое развитие с пониманием социальных отношений и умеющих применять эти знания в управлении.

Задача данного модуля формировать у студентов компетенции комплексного анализа изменяющихся социально-экономических процессов: уметь анализировать экономические процессы с учетом социального контекста, соединять преимущества экономического и социологического подходов в решении практических вопросов (в управлении, бизнесе и т.д.).

Третий интегрированный модуль «Политология» включает обязательные дисциплины: «Основы идеологии белорусского государства» и «Политология», а также 1-2 специализированных модуля по выбору студента. Идеология и политика имеют общую концептуально-методологическую основу – Конституцию Республики Беларусь, а также общие задачи, решаемые политическими и идеологическими институтами государства.

Четвертый интегрированный модуль «История» – включает обязательную дисциплину «История Беларуси (в контексте мировых цивилизаций)» и 1-2 специализированных модуля по выбору студента. Включение в модуль специализированных модулей по культурологии и религиоведению объясняется относительной близостью исторических, культурологических и религиоведческих курсов. В широком смысле культурология и религиоведение – дисциплины исторические. История является той органической основой, на которой строится изучение религии и культуры.

Таким образом, сохраняется системность в изучении данного цикла: представлены основные базовые образовательные области социально-гуманитарных знаний (философская, психолого-педагогическая, социально-экономическая, политико-правовая, историческая, культурологическая).

Объем каждого модуля кроме традиционной нагрузки в академических (учебных часах), выражался в зачетных единицах (объемы отводимого на них учебного времени, охватывающего как аудиторные занятия, так и самостоятельную работу студентов).

Все составляющие интегрированных модулей должны быть взаимосвязаны и влиять друг на друга. Для этого необходимо выделить основные идеи и учения, которые значимы для других дисциплин модуля и культуры в целом и т.д. Должен быть определен минимум философских, психолого-педагогических, экономических, политологических, культурологических и др. знаний, без которых нет современного специалиста.

Используя модульный принцип формирования образовательных программ, ставилась цель избежать дублирования в содержании социально-гуманитарного образования на первой ступени высшего образования. Поскольку модульная система предполагает вариативность в изучении социально-гуманитарных дисциплин в интегрированные модули включаются специализированные модули, которые закрепляются:

– правом каждого учреждения высшего образования компоновать интегрированные модули за счет специализированных модулей по выбору студента с учетом тематики интегрированного модуля, профиля образования, требований образовательного стандарта к содержанию (компетенциям) и имеющихся в учебном заведении научно-педагогических школ;

– возможностью студента выбирать четыре из восьми специализированных модулей в случае срока обучения 5 лет и более и, соответственно, два из четырех специализированных модулей в случае срока обучения 4-4,5 года.

Внедренные гибкие модульные образовательные технологии позволят, как считают разработчики, создавать в процессе обучения студентам условия, позволяющие максимально раскрывать и развивать личностно-профессиональные способности и приобретать социальный опыт.

Перечисленные позиции легли в основу Концепции оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования, которая была утверждена приказом Министерства образования Республики Беларусь от 22.03.2012 г. № 194 и внедрена в образовательный процесс с 1 сентября 2012 г.

Проведенный весной 2013 г. мониторинг реализации Концепции в учреждениях высшего образования показал, в целом, позитивные результаты проведенной оптимизации цикла социально-гуманитарных дисциплин.

Профессорско-преподавательский состав в своем большинстве позитивно воспринял переход к междисциплинарности в преподавании социально-гуманитарного цикла и модульности его построения. Однако были отмечены и критические замечания, которые можно свести к следующим:

– снижение педагогической нагрузки профессорско-преподавательского состава по социально-гуманитарным дисциплинам;

– предполагаемая потеря фундаментальности подготовки по социально-гуманитарным дисциплинам. При этом не акцентируется внимание, что частично тематики этих дисциплин изучались в школе и этот материал не должен попасть в содержание вузовской программы;

– отмена традиционных форм текущей аттестации по дисциплинам (замена экзамена на зачет) повлечет снижение качества освоения указанных дисциплин и др.

Студенты положительно оценили проведенную оптимизацию цикла социально-гуманитарных дисциплин, аргументируя свое отношение следующим:

– сокращение времени на непрофильные предметы;

– предоставление права выбора учебных предметов в соответствии с личностными предпочтениями;

– профессиональная ориентация социально-гуманитарных дисциплин и возможность их ориентации на будущую профессиональную составляющую;

– учет мнения обучающихся как полноправных участников образовательного процесса в формировании образовательной программы.

Проведенная оптимизация цикла социально-гуманитарных дисциплин легла в основу разработанного нового макета образовательного стандарта по циклу социально-гуманитарных дисциплин, введение в образовательный про-

цесс высшей школы которого запланирован с 1 сентября 2014 г. и предусматривающего все основные позиции, заложенные в Концепции оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования и реализованные на практике в учреждениях высшего образования Республики Беларусь.

Библиографический список

1. Зеер Э.Ф. Психология профессионального образования: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. – Москва: Академия, 2013.
2. Фельдштейн Д.И. Взаимосвязь теории и практики в формировании психолого-педагогических оснований организации современного образования // Адукацыя і выхаванне. 2011. № 7.

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ДЛЯ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

УДК 339:63(470+476+574)

Мигас В.В.,

кандидат экономических наук, доцент

(Институт предпринимательской деятельности (ИПД), г. Минск, Беларусь)

Аннотация: проанализированы объем и динамика экспорта Республики Беларусь в страны-члены Таможенного союза и Единого экономического пространства. Отмечены шансы и риски для будущего развития внешнеторговых связей республики в связи с переходом евразийской интеграции на новый формат – Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: товар, внешняя торговля, экспорт, интеграция, Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз, товар Евразийского экономического союза.

**EURASIAN ECONOMIC INTEGRATION: POSSIBILITIES AND
RISKS FOR FOREIGN TRADE OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Migas V.V.,

the candidate of economic Sciences, the associate professor

(Institute of business activity (IBA), Belarus, Minsk)

Abstract: amount and dynamics of export of the Republic of Belarus to the country-members of Custom Union and Unified Economic Area. Possibilities and

risks of future development of foreign trade of the Republic of Belarus under transformation into Eurasian Economic Union are pointed out.

Key words: goods, foreign trade, export, integration, Custom Union, Unified Economic Area, Eurasian Economic Union, goods of Eurasian Economic Union.

Вопросы развития экспортного потенциала и обеспечения сбалансированности внешней торговли в Республике Беларусь приобрели исключительную значимость на современном этапе социально-экономического развития, поскольку внешний спрос на продукцию отечественных производителей является важнейшим фактором обеспечения динамичного роста экономики, а также финансовой стабильности на макроуровне. В немалой степени росту внешнеторговых связей способствует участие стран в региональных интеграционных объединениях. Республика Беларусь является членом СНГ, вместе с Россией Союзного государства, Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП), которые со 2 января 2015 г. вышли на новую интеграционную ступень – Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в составе четырех государств: России, Беларуси, Казахстана и Армении. После выполнения всех процедур, связанных с присоединением, к ним весной 2015 г. добавится и Кыргызстан.

Цель статьи – на основе анализа сложившегося состояния и динамики экспорта РБ в государства-члены ТС и ЕЭП, перспектив роста их национальных экономик, углубления интеграционного взаимодействия между ними определить возможности и преграды на пути дальнейшего развития внешнеторговых связей Беларуси.

Представление об объемах и темпах роста экспорта Беларуси в страны СНГ, в том числе в государства ТС и ЕЭП, в сравнении со странами вне СНГ (включая ЕС) дает таблица.

Приведенные в таблице данные показывают, что Республика Беларусь преимущественно реализует свою продукцию на рынках стран СНГ. При этом подавляющая часть продукции, вывозимой в страны СНГ, приходится на государства ТС и ЕЭП, хотя и с понижательной динамикой роста. В итоге, если в 2000 г. доля последних в экспорте в страны СНГ составляла 85%, то в 2013 г. только 77%. В белорусском экспорте в страны вне СНГ преобладают государства-члены Европейского Союза. Их доля в 2000-2013 гг. варьировалась от 71 до 80%, за исключением 2010 г., когда она составляла 65%.

Таблица

*Экспорт Республики Беларусь в страны СНГ и в страны вне СНГ
за 2000-2013 гг., млн. долл. США*

	2000 г.	2005 г.	2009 г.	2010 г.	2011г.	2012 г.	2013 г.
Миллионов долларов США							
Экспорт всего	7 326	15 979	21 304	25 284	41 419	46 060	37 203
Со странами СНГ	4 399	7 060	9 316	13 636	20 375	23 693	23 015
Государства-члены ТС и ЕЭП	3 730	5 900	7 032	10 419	15 183	17 116	17 707

Со странами вне СНГ	2 927	8 919	11 988	11 648	21 044	22 367	14 188
Страны ЕС	2 085	7 130	9 301	7 600	15 695	17 514	10 462
В процентах к предыдущему году							
Экспорт всего	124,0	116,0	65,4	118,7	163,8	111,2	80,8
Со странами СНГ	121,5	36,5	65,0	146,4	149,4	116,3	97,1
Государства-члены ТС и ЕЭП	114,7	89,3	64,4	148,2	145,7	112,7	103,5
Со странами вне СНГ	128,0	138,2	65,7	97,2	180,7	106,3	63,4
Страны ЕС	154,0	140,5	65,6	81,7	206,5	111,6	59,6

Примечание. Таблица составлена авторами по данным [5, с. 488].

Обращает на себя внимание и тот факт, что в 2013 г. вывоз продукции в страны ТС и ЕЭП увеличивался, в то время как в остальные группы стран, прежде всего в ЕС, падал. В числе прочего это можно объяснить использованием преимуществ интеграционного взаимодействия Беларуси, России и Казахстана. В рамках ТС и ЕЭП белорусские производители получили право беспошлинного ввоза своей продукции независимо от происхождения, количества и удельного веса сырья и материалов, которые были использованы в ее производстве, на рынки России и Казахстана. Такую же возможность получили товаропроизводители России и Казахстана на рынке Беларуси. В результате за пять лет, начиная с 1 января 2010 г. – даты создания ТС, был продемонстрирован 75-процентный рост взаимной торговли стран, входящих в Союз [4, с. 4].

Однако в 2014 г. ситуация стала меняться: доля белорусского экспорта в государства ТС и ЕЭП стала сокращаться. И прежде всего это сокращение затронуло российское направление, что, с одной стороны, можно связать с рядом негативных тенденций, сложившихся к этому времени в торговле Беларуси с Российской Федерацией. Среди них: уменьшение доходов и покупательной способности россиян в связи западными санкциями и резким падением цен на нефть; запрет Россельхознадзором осенью 2014 г. поставок продукции более 20 белорусским предприятиям на российский рынок; значительное обесценение российского рубля и, самое главное, вступление Российской Федерации в ВТО открыло ее рынок для других компаний, особенно китайских и европейских. Как следствие – доля белорусских товаров в российском импорте, начиная с 2000 г., стала снижаться, и в итоге сократилась более чем в два раза – с 10,9% до 4,9%. Беларусь в бюджетном сегменте проигрывает на рынке России по ценовому фактору китайским производителям, а по качественным параметрам конкурентоспособности – европейским [3, с. 18].

С другой стороны, сразу после формирования ТС возникли так называемые временные эффекты интеграции, которые выразились в улучшении товарной структуры и увеличении объемов внешней и взаимной торговли РФ, Республики Беларусь и Казахстана. Так, в 2011 г. общий объем экспорта России в

страны данного интеграционного объединения вырос на 32,9%, Беларуси – на 45,7%, Казахстана – на 18,4%. В целом для ТС он увеличился на 33,9%. Однако первоначальный всплеск активности в хозяйственном взаимодействии стран-членов ТС позже сменился заметным снижением темпов роста. Уже в следующем году для Российской Федерации и Республики Беларусь и в целом по ТС соответствующие показатели составили 9,1%, 12,6% и 8,7%. Для Казахстана было характерно падение экспорта в Россию и Беларусь на 3,7%. В 2013 г. по сравнению с 2012 г. замедленный рост объемов взаимной торговли стран-членов ТС и вовсе сменился падением – на 5,5% [2, с. 22-23]. Для Беларуси тенденция падения экспорта в страны-члены ТС и ЕЭП стала проявляться, как уже отмечалось, с 2014 г.

Таким образом, Таможенный Союз, просуществовав четыре года и принеся ощутимые выгоды его участникам, возможно, остановился в своем развитии. Тогда его переход на формат Евразийского экономического союза и увеличение числа членов могут стать новым импульсом для роста взаимной торговли за счёт расширения рынка этого интеграционного объединения и создания дополнительных условий для производственной кооперации.

По оценкам экспертов, ЕАЭС будет шестой экономикой в мире с совокупным ВВП почти в 3 трлн. долларов США. Еще 1 трлн. долларов ожидается в 2030 г. вследствие интеграционного эффекта. Представляя собой более чем 175-миллионный рынок со свободой движения товаров, услуг, капиталов, трудовых ресурсов, он сулит немалые выгоды для бизнеса, торговли и инвестиционной сферы [4, с. 4].

Для усиления конкурентоспособности продукции стран-членов ЕАЭС как на внутреннем рынке, так и на рынках других стран некоторыми белорусскими экономистами предлагается ввести в экономический оборот понятие «товар Евразийского Союза» [3, с. 18]. Он будет относиться к категории товаров с высокой степенью локализации, для реализации которых создаются определенные благоприятные условия и механизмы поддержки. В их числе: возможность получения кредитов на покупку данной категории товаров в любой из стран интеграционного объединения; создание совместных организационно-финансовых и маркетинговых (формирование союзных брендов) инструментов в сфере продвижения данной категории товаров в третьи страны; формирование для таких товаров общей товаропроводящей сети и сети сервисного обслуживания.

ТС и ЕЭП, а теперь и Евразийский экономический союз, создают благоприятные условия для взаимных кооперационных связей. А это, в свою очередь, положительно сказывается на росте торговых связей между странами-участниками. Так, товарооборот кооперационных товаров во взаимной торговле государств-членов ТС вырос в 2013 г. по сравнению с 2012 г. на 3,6% в долларовом эквиваленте, значительно опередив по темпам такие экономические показатели развития стран-членов, как ВВП (прирост на 1,7%), промышленное производство (0,2%), инвестиции в основной капитал (0,6%). На высокий конкурентный потенциал развития кооперации указывает опережающий рост по-

ставок кооперационной продукции в рамках взаимной торговли (3,6%) по сравнению с импортом такой продукции из третьих стран (2,4%) [4, с. 4].

Учитывая масштабность ЕАЭС, ряд третьих стран высказали заинтересованность в установлении с ним режима свободной торговли. Получены соответствующие предложения от Вьетнама, Египта, Новой Зеландии, Израиля, Турции, Индии и КНР. С аналогичными предложениями вышли государства-члены Европейской ассоциации свободной торговли (Норвегия, Исландия, Швейцария, Лихтенштейн) и другие.

Вместе с тем благоприятные возможности, которые открывает для стран-членов новый формат интеграционного объединения, в том числе и в области взаимной торговли, могут не реализоваться в полной мере из-за ряда неблагоприятных обстоятельств, сложившихся к настоящему времени.

Исходя из международного опыта, интеграционные проекты бывают успешными прежде всего там, где есть сильный объединительный центр. В Западной Европе в качестве такового выступила ФРГ, на постсоветском пространстве – Россия, которая в экономическом плане в 2015-2017 гг. может оказаться весьма уязвимой. По оценке аналитиков Всемирного банка, в России в 2014 г. произошло замедление экономического роста до 0,7% в основном вследствие того, что конфликт с Украиной, санкции и падение цен на нефть наложились на структурный спад. В 2015 г. устойчиво низкие цены на нефть также будут подрывать экономическую активность в стране, в результате чего падение ВВП России к концу года может составить 2,9% против прогнозирувшегося ранее 0,7%. Как полагают специалисты Всемирного банка, в 2017 г. российская экономика может вернуться к положительным показателям, но рост будет незначительным – порядка 0,1% [1, с. 7].

Кроме того, в связи с введением Российской Федерацией ответных санкций против Запада Беларусь и Казахстан могли бы воспользоваться правом реэкспорта на российский рынок товаров, ввоз которых она ограничила. Но Москва заняла жесткую позицию, в результате чего негативные экономические последствия такого шага распространились и на другие страны ЕАЭС.

Но самая серьезная угроза для развития внешней торговли Беларуси и Казахстана кроется в продолжающемся обесценивании российского рубля. Более быстрый рост цен на товары из этих стран на рынке РФ по сравнению со стоимостью российских аналогов заметно осложнил экспорт сюда из Беларуси и Казахстана.

Отмеченные дополнительные риски для развития внешнеторговых связей Беларуси со всей остротой ставят вопрос о необходимости не только максимального извлечения выгод из интеграционных процессов, но и диверсификации зарубежных рынков сбыта белорусской продукции.

Библиографический список

1. Алесин А. «Титаник» и шлюпки // Белорусы и рынок. 2015. № 3 (1136). С. 7.
2. Гринберг Р.С. Шансы и риски Евразийского союза // Экономика Беларуси. 2014. № 4 (41). С. 19-23.

3. *Дайнеко А.Е.* Беларусь в Евразийской интеграции // Экономика Беларуси. 2014. № 4 (41). С. 14-18.

4. *Сидорский С.* Потенциал мощной энергии // Беларусь сегодня. 2015. № 13 (24643). С. 4-5.

5. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2016: Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2016. – 534 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Чесовская М.Г., Таранова А.Е. Философско-антропологические аспекты междисциплинарного измерения российской государственности	3
Колесников С.А. Цивилизационные парадигмы постмодерна: отражение текстуальной пустоты	9
Антонов Е.А., Таранова А.Е. Сущность и предметное поле философии права в классическом и не-классическом измерениях	16
Пенионжек Е.В. Профессиональная компетентность сотрудников полиции России: использование материала патриотического воспитания на занятиях по морально-психологической подготовке	26
Антонова Е.Л., Туркина В.Г. Визуализация социального самочувствия в современной славянской фэнтези	30
Долин В.А. Понятие «потенциал человека» в философско-антропологическом контексте: содержание и возможности применения	35
Кутько В.В., Белкина К.А. Проблемы реализации права родителей на свободу религиозного воспитания ребенка: российский и зарубежный опыт	44
Шахов В.В., Лашина Л.С. Дворянская опека в законодательных актах Российской империи второй половины XVIII века	51
Лашина Л.С., Шахов В.В. Проблемы формирования российского федерализма в начале 90-х гг. XX века	60

Ерыгин А.А., Ерыгина В.И. Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва как новый этап в развитии российского парламентаризма	67
Воронцова Ю.А., Хорошко Е.Ю. Обращение как компонент речевого этикета	74
Глушков Е.Л., Яровая Т.И. «Игра в самоубийства» или «группы смерти» для подростков	76
Земляков В.Д., Землякова Т.А. Роль обучения иностранному языку в профессиональной подготовке высшего образования	81
Безуглый Э.А. Морально-нравственные требования, предъявляемые к сотрудникам полиции	83
Богмацера В.В. Особенности ранней профессиональной подготовки юношей в условиях общеобразовательной организации МВД России	86
Зайцева И.В., Гильд А.Е. К вопросу об основных характеристиках информационных войн в современном мире	91
Зайцева И.В., Яровенко А.В. Роль геополитического положения России и Украины в формировании русско-украинских отношений	96
Антонов Р.Е. Антропология государства в системе юридической антропологии	100
Масленченко С.В. Конфессионально-гендерные аспекты цивилизационного развития восточнославянских государств	107

Жиров М.С. Традиции народной и православной культуры как ценностная парадигма духовно-нравственного воспитания личности	112
Пристенский В.Н. Право в контексте цивилизационного взаимодействия: философско-антропологический анализ	119
Шемякина М.К. Аксиология быта русской традиционной культуры	124
Киданова Н.Л. Актуальные проблемы и особенности раскрытия экономических преступлений коррупционной направленности	133
Фокина А.В., Колесников С.А. Духовный экономизм С.Н. Булгакова как фактор гармоничного устройства современной цивилизации	136
Бородуля А.А. Приемы телевизионного производства достоверности знания и брендов в культуре	144
Панов С.В. Историческая культура: стратегия трансляции в процессе обучения	146
Титович И.В. Новые подходы к формированию цикла социально-гуманитарных дисциплин образовательных программ первой ступени высшего образования Республики Беларусь	152
Мигас В.В. Евразийская экономическая интеграция: возможности и риски для внешнеторговых связей Республики Беларусь	157

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Цивилизационные парадигмы XXI столетия:
культурно-ценностные ориентиры**

Материалы Международной научной конференции

Редактор *О.Н. Тулина*
Техн. редактор *Т.Л. Ковалева*

Подписано в печать 2017 г., формат бумаги 60х90/16, уч.изд.л. 10,5,
бумага офсетная, печать трафаретная
Тираж экз., заказ №

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
г. Белгород, ул. Горького, 71

ISBN 978-5-91776-190-9

